

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«САМАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНЗДРАВА РФ»

**Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая,
Ю.А. Кузовенкова,
Я.А. Голубинов, Н.В. Барабошина,
Е.Я. Римон, Е.Ю. Шиллинг**

Время в Городе:

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА,
ХРОНОТИПЫ, МОЛОДЕЖЬ**

УДК 394.014+101.1
ББК 60.546.21+87.251.1
Б 91

Бурлина Е.Я.

Б91 Время в городе: темпоральная диагностика, хронотипы, молодежь:

Монография / Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова,
Я.А. Голубинов, Н.В. Барабошина, Е.Я. Римон, Е.Ю. Шиллинг. –
Самара: Изд-во Самарск. науч. центра РАН, 2012. – с.

ISBN 978-5-93424-645-8 (Самарский научный центр РАН)

Онтология времени и присутствие времени культуры во всех процессах бытия порождают междисциплинарные подходы. Среди различных межпредметных аспектов темы времени особое место занимают урбанистические исследования.

В монографии время рассматривается как инструмент "диагностики" города, его культуры, различных процессов, имеющих место в городском пространстве. Возможности данного инструментария показаны на примере анализа темпоральных особенностей Самары и ряда других городов Поволжского региона. Практический аспект темы представлен в исследовании стратегий молодежного времени в разных странах и культурах. Российская часть базируется на интервью по проблемам тайм-менеджмента со студентами Самарского государственного медицинского университета.

Монография является результатом совместной работы российских авторов и их коллег из Германии и Израиля.

Издание предназначено для специалистов, преподавателей, студентов, а также для всех тех, кто интересуется проблемами города и времени.

Рецензенты:

Н.И. Воронина – д. филос. н., проф., зав. кафедрой "Культурология, этнокультурология и театральное искусство" ФГБОУ ВПО "Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева";

Р.И. Таллер – д. филос. н., проф., зав. кафедрой "Философия" ФГБОУ ВПО "Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)"

Авторы:

Е.Я. Бурлина (введение, п. 2.3, заключение); *Л.Г. Иливицкая* (гл. 1); *Ю.А. Кузовенкова* (п. 2.1, 3.1, 3.4); *Я.А. Голубинов* (п. 2.2); *Н.В. Барабошина* (п. 2.4); *Е.Я. Римон* (п. 3.2); *Е.Ю. Шиллинг* (3.3)

УДК 394.014+101.1
ББК 60.546.21+87.251.1
Б 91

ISBN 978-5-93424-645-8
(Самарский научный центр РАН)

© Авторы, 2012
© ФГБУН "Самарский научный
центр РАН", 2012
© ГБОУ ВПО "СамГМУ", 2012

Введение

Представляемая вашему вниманию монография подготовлена в Самаре профессором Еленой Бурлиной совместно с группой молодых ученых – Ларисой Иливицкой, Юлией Кузовенковой, Ярославом Голубиновым, Натальей Барабошиной. В нее включены также работы наших научных партнеров из Германии и Израиля, крепко связанных с Самарой: доктора Елены Римон и профессора Елизаветы Шиллинг.

Книга посвящена новой межпредметной теме: время как инструмент «диагностики» образа города. Специальный раздел составляют исследования, связанные с Самарой и городами Самарской области. «Идеальное измерение города», как формулирует наша молодая коллега [45], имеет ряд важных темпоральных аспектов. В том числе: понятия, фиксирующие время в локальном пространстве города; формы времени в городе: прошлое города и проекты будущего; измерение повседневного времени горожан и его культурная интерпретация.

В этой монографии ключевым стало понятие «хронотип», новая интерпретация которого также была выдвинута в диссертации одного из соавторов [37]. При всем том, что понятие хронотипа разрабатывалось и ранее, широко использовалось при анализе художественных текстов, в предлагаемой интерпретации подразумеваются его новые смыслы. Об этом подробно идет речь в первой главе монографии. Приведем один простой пример инструментальной работы с понятием «хронотип».

Есть города и горожане, для которых общение с историческими памятниками – часть их повседневности (например прогулки, фотографии в день свадьбы и др.). И есть горожане, лишенные тяги к переживанию городского прошлого: оно забыто, удалено, недоступно и мало соприкасается с их текущей жизнью. Перед нами – разные хронотипы, фиксирующие различные смыслы обитания в городе и разную связь с ним.

Добавим, что признание неких «хронотипов», в том числе и хронотипов города, весьма трудно находит понимание у части гуманитариев, о чем с иронией и пониманием пишет выдающийся автор XX в. П. Бурдьё [147]. Историк не признает абстракций – хронотипов-хронотопов: «Где вы их видели, какие документы подтверждают?!». Однако в эмпирическом наблюдении, как известно, не су-

ществует ни общества, ни классов. Это – абстрактные понятия, необходимые для исследования с определенными задачами. Представления о видах времени – также продукты рационализации и абстрагирования.

Можно сослаться на весь философский опыт XX в., как это делает известный английский философ Дж. Урри, чтобы еще раз доказать, что естественные и гуманитарные науки современности развивают разные виды и формы социокультурного времени [86, с. 154-190]. Мы полагаем, что инструментальное использование видов времени и сопутствующих понятий – хронотипов – применимо также к оценке и «диагностированию» культуры и привлекательного образа города.

В ряду темпоральных понятий, позволяющих фиксировать изменения видов времени, несомненно, стоят такие формы, как «памятник», «топонимика», «коммеморация», «жанр» и другие. В число излюбленных гуманитарных цитат вошла фраза М.М. Бахтина о жанре как памяти культуры¹ [12]. В какой мере данная форма сохранения времени применима для диагностики городской или региональной культуры? Опять приведем только один пример – жанр путеводителя по Волге. Оказывается, этот жанр имеет выраженную и много раз менявшуюся темпоральную динамику между 1860 – 2000 гг.

Если собрать путеводители по Волге, изданные начиная от середины XIX века и примерно до 1925 г., то выставка будет разнообразной: от энциклопедического путеводителя братьев Боголюбовых до изданий с перечнем модных лавок и кондитерских в каждом волжском городе.

Если рядом положить все путеводители советского времени, то получится стопочка брошюр. Словно Волга перестала быть символом культуры и разнообразные волжские города оказались пониженными в ранге. Про советский Куйбышев были изданы всего три тоненькие книжечки с большим интервалом: 1957, 1962 и 1966 гг. В 400-летней истории города представлен, как правило, только советский период – город Куйбышев. Этот ручеек несоразмерен с просветительским масштабом и сохранением живой повседневной информации дореволюционных изданий.

Наконец, начиная от конца 1980-х – начала 1990-х гг. разнообразные книги, посвященные Волге и крупнейшим волжским городам, выстраиваются в целые книжные шкафы. Здесь есть обстоятельные путеводители, роскошно изданные в каждом отдельном городе альбомы, мультимедийные энциклопедии по культуре и природоведению. Появилась бездна книг по разным городам – Самаре, Ярославлю, Нижнему Новгороду. Любопытно также их коммерческая составляющая: сметы некоторых изданий перекрывают годовой бюджет районных

¹ «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Именно поэтому жанр и способен обеспечить единство и непрерывность этого развития».

библиотек. Книги о волжских городах издаются теперь в лучших типографиях России, Италии или Китая.

Как определить замеченную нами неравномерность появления путеводителей о Волге? Мы назвали период исчезновения путеводителей «жанровой ямой», подразумевая, что наличие определенного жанра или его исчезновение выражает память культуры. В советские десятилетия, примерно между 1925 и 1985 гг., резко падает, как мы видели, значение регионов, городов, да и самой Волги как символа культуры. Жанр путеводителя выступает как «свидетель» и «симптом» сложнейшего социокультурного процесса [19, с. 8-21].

Помимо методологического раздела в монографии выделена часть, посвященная хронотипу городов и районов «кольца самарской индустриальной культуры». В их число входят Безымянка, Новокуйбышевск и некоторые другие моногорода, родившиеся в 1950-х гг. Образ индустриальных городов сегодня как бы выпал из времени и непривлекателен для жителей. Это предопределено многими факторами, о которых идет речь в книге, и не в последнюю очередь забвением ближайшего прошлого, отсутствием соответствующих стратегии медийных и культурных институтов – театров, библиотек, музеев и др. В книге описан молодежный проект индустриального туризма выпускников-культурологов СамГУ В. Заречанской, С. Гришиной, Д. Сидоренко, Н. Григорьева, а также представлены исследовательские аспекты изучения образов времени в индустриальной культуре.

В отдельное направление вырастает еще одна темпоральная тема – «быстрых и медленных городов» и интерпретация их культурных стимулов. Показателен «казус Самара» – лежащей в центре страны, на Средней Волге и на перекрестке Европы и Азии, имеющей огромные транспортно-логистические преимущества. На протяжении всей своей истории Самара была «быстрым городом», а потому – «запасной столицей» и входила в локомотивные группы российских городов:

- в группу самых развитых купеческих городов XIX – начала XX в.;
- в группу самых крупных индустриальных центров России и Европы XX в.;
- в группу самых богатых постсоветских городов конца XX – XXI в.

По ряду параметров Самара и сегодня «быстрый» город, как всегда стремительно освоивший рыночную, маркетинговую практику. Достаточно посмотреть на выросшие вдоль важнейших магистралей города километры торгово-развлекательных центров из стекла-бетона-эскалаторов-бутиков всего мира. Однако, как и в других крупных городах, эта стремительность оставила в стороне многие проблемы, в том числе экологические и транспортные, резко снижающие качество жизни, имидж города и мотивацию горожан.

В контексте названной непропорциональной трансформации города в монографии интерпретируются материалы одного из самых крупных урбанистических проектов XX века – экологического и культурного преобразования Рургебита. В течение 50 лет самый густозаселенный шахтерский регион в центре Западной Европы с населением 18 млн человек кардинально поменял свой имидж и качество жизни. Комплексная стратегия стартовала еще в середине 1960-х гг., план был рассчитан на 30 лет, потом продлен еще на 20 лет. «Самое смешное, – говорят жители, – что мы все выполнили».

Комплексный план включал преобразование в следующих сферах: экология – воссоздание здоровых почв и чистой воды на территории бывших заводов и шахт; экономика – создание современных производств и новых рабочих мест; право – создание новых форм собственности, стимулирующих инвесторов; культура – увековечение памяти шахтерских династий; искусство – развитие театров, музеев, библиотек, привлекающих внимание к региону. Успех проекта был увенчан выбором культурной столицы Европы – 2010: им стал центральный город региона Эссен. Объекты индустриальной культуры Рура после 2010 г. вошли в культурные списки ЮНЕСКО. Важнейшим основанием плана длиной в полвека было участие гражданского общества: его подхватили два-три поколения горожан, привязанных к городам Рура, которые практически заинтересованы и увлечены идеей преобразования своей земли.

Опыт одного из крупнейших урбанистических проектов современности мог бы быть полезен и в нашем регионе. Самарская область с 1997 г. имеет договор о сотрудничестве с Землей Северный Рейн – Вестфалия, в пространстве которой возродились города и реки Рургебита.

Наконец, еще один поворот темы: время горожан как выражение мировоззрения и культуры. Нами было проведено исследование «Время молодежи в городе». Параллельно с самарцами его выполняли немецкие и израильские коллеги. Опросы молодых реципиентов из разных стран дали в целом сходные результаты. У молодых людей, проводящих в социальных сетях все свое свободное время, ослаблены связи с городом и с городской культурой.

Завершая введение, скажем, что тема «Время в городе» как определенное научно-практическое направление широко дискутируется в разных странах, в том числе, например, в Германии. Многочисленные симпозиумы, конференции, Workshop учат оценивать и проектировать время города, время представителей отдельных возрастных и профессиональных групп. Обсуждается не вообще светлое будущее, но его выражение в тех или иных временных и пространственных рамках, в виде тех или других проектов [152].

Глава 1.

Время, хронотип, темпоральная диагностика

1.1. Время и его «переоткрытия»

Если набрать в любой поисковой системе словосочетание «время в городе», то в первую очередь выйдет информация, позволяющая узнать, сколько времени сейчас в Риме, Москве, Барнауле или Самаре. И этот простой эксперимент дает наглядное представление о том, что время в городах значительно отличается. Разные города – разное время. Но если вдуматься, этот тривиальный факт задает множество направлений исследований, касающихся понимания города, раскрытия его сущности, осмысления перспектив его развития. Именно время становится одним из тех универсальных ключей, которые позволяют открыть очень многие «городские двери». Широкие исследовательские возможности времени в качестве своеобразного методологического и методического инструментария изучения города (и не только) связаны, с одной стороны, с принципиальной неопределимостью данного феномена, а с другой стороны – с многообразием подходов к его осмыслению.

Что такое время? Вопрос, который беспокоит человечество на протяжении уже нескольких тысячелетий, но несмотря на это остается без ответа. Являясь предметом изучения достаточно широкого круга наук, время проблематизировано лишь отчасти и остается «не просто проблемой, а сверхпроблемой – тайной» [24, с. 9]. Время на сегодняшний день, по мнению целого ряда ученых, относится к неопределимым понятиям. Так, А.П. Левич утверждает, что «в нынешнем естествознании время – исходное и неопределимое понятие» [140]; согласно Э. Тоффлеру, «в социальных науках... время остается огромным белым пятном» [82, с. 65]; с точки зрения А.Г. Асмолова, «о природе времени и его роли в детерминации развития личности в психологии известно до обидного мало» [5, с. 496]. В связи с этим по-прежнему актуальными являются слова Аристотеля о том, что «среди неизвестного в окружающей нас природе самым неизвестным является время, ибо никто не знает, что такое время и как им управлять».

В связи со сложностью (или даже невозможностью) точного терминологического определения времени неслучайными кажутся попытки представить один из фундаментальных вопросов философии «что есть время?» в иной гносеологической трактовке: в чем причина времени [1, с. 304], какими смыслами оно наделяется [89, с. 201], как «выглядит» время [69]. Подобные постановки предпо-

лагают использование методического инструментария, отличного от того, который используется в естествознании, где время осмысливается через знания о явлениях и процессах, имеющих место во внешнем мире. Согласно М. Хайдеггеру, лишь благодаря пониманию связи между «присутствием» человека в мире и сущью его бытия может быть определена сущность времени [87, с. 18].

Проблема «переоткрытия времени» возникает на пороге XX в. в науке и философии. Сошлемся только на книгу лауреата Нобелевской премии 1977 г. Ильи Романовича Пригожина и Изабеллы Стингерс «Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой» (1986) [63]. Эта выдающаяся работа имеет в том числе и междисциплинарное значение. В предисловии к книге известный социолог Э. Тоффлер пишет, что Пригожину и Стингерс удалось представить новые трактовки времени в физике XX в. и найти им параллели в социуме и культуре [81, с. 11-34].

Поясняя суть новых концепций, авторы приводят рассуждения Нильса Бора (Нобелевская премия 1922 г.) и Вернера Гейзенберга (Нобелевская премия 1932 г.) во время посещения замка Кроненберг, послужившего прототипом замка Гамлета в трагедии Шекспира. Бор высказывается в том смысле, что реальность и прошлое – склоны, камни, развалины исторического замка – прямо зависят от знаний человека, от эпохи и мировоззрения: «Не удивительно ли, что замок становится иным, как только представишь, что здесь жил Гамлет? Согласно нашей науке, следовало бы считать замок состоящим из камней... Камни, зеленая крыша с ее патиной, деревянная резьба в церкви действительно составляют замок. Во всем этом ровно ничего не меняется, когда мы узнаем, что здесь жил Гамлет, и тем не менее он вдруг становится другим замком. Стены и крепостные валы сразу начинают говорить другим языком» [138].

Такое понимание времени кардинальным образом отличается от того взгляда на рассматриваемый феномен, который был сформирован в поле классической рациональности, где время понималось как объективная данность, фиксирующая «объективную длительность» и «объективный ритм». Наиболее полно данная точка зрения, как известно, была представлена в учении И. Ньютона, которое сыграло значительную роль в развитии как естественно-научной, так и философской мысли. «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения, мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год» [58, с. 30]. Именно такое

представление о времени – как об абсолютно независимой от вещного мира и человека форме существования, для которой характерно отсутствие любых различий между прошлым и будущим, стало надолго ведущим в классической науке² [89, с. 35]. Любые попытки, направленные на то, чтобы ввести стрелу времени в основание науки, вплоть до XX в. встречали мощное сопротивление. Субъект, даже в качестве наблюдателя, изгонялся из рассмотрения вопросов, связанных с определением сущности времени. Сегодня, несмотря на существующие доказательства того, что ньютоновское время не соответствует физической природе времени, оно по-прежнему используется в ряде научных моделей, где не учитывается конечность скорости света, а также при построении шкалы всеобщего координированного времени на Земле [132].

Однако в философии XX в. постепенно, но настоятельно утверждается идея о том, что физический подход ко времени не может претендовать на статус универсальной теории. Для раскрытия сущности феномена времени данных лишь физики недостаточно. Время жизни, время бытия человека постигается отличным от физического времени путем – благодаря непосредственному переживанию, вчувствованию, пониманию. Подобное смещение акцентов предполагает, что «теория познания» должна опираться не только на факт науки и его философское обоснование, но и на нечто другое, а именно на «жизненный опыт» и соответственно его оправдание и прояснение, она должна «отыскивать и оправдывать, соразмеряясь с искусством и историей, новый масштаб истины... преодолевать поставленные наукой границы как жизненного опыта, так и познания истины» [26, с. 7]. Это настоятельно требует пересмотра фундаментальных понятий, в том числе и категории времени, с позиций жизни и человеческого бытия, отказа от их натуралистического и физикалистского истолкования. В этой связи существенную роль в раскрытии тайны времени начинает играть антропологический, гуманитарный подход, который требует иного методологического инструментария, отличного от того, который используется в естествознании.

Предложенный философией и наукой XX в. подход, оставляя в стороне онтологический аспект данной проблематики, связанный с существованием времени «как такового» до человечества и независимо от него, позволяет сосредоточить фокус внимания на проблеме времени исходя из антропного принципа, заключающегося в том, что мир является таковым потому, что в нем наличествует человек. Более того, согласно О.К. Румянцеву заинтересованность мира в человеке обусловлена именно тем, что «наряду с природными стихиями, присущими главным образом самому природному миру, существует еще одна «стихия» – время, которая, наоборот, хотя и присутствует в мире, но находит свое концент-

² Теория относительности А. Эйнштейна хотя и ликвидировала все общее, текущее везде и всегда одинаково время и поставила его в зависимость не просто от движения, а от скорости, однако принципиально его не изменила. «Время по-прежнему геометризовано, его понимание основано на аристотелевской идее: время есть число движения».

рированное выражение именно в человеке» [67, с. 6]. Действительно, явления неорганического мира существуют во времени, но их сущностная связь обнаруживается в особых случаях (например при скоростях, близких к скорости света)³ [23, с. 70]; для органического мира время имеет значение, так как жизнь включает в себя временное измерение, но для мира человека оно приобретает не только значимость, но и ценность. Здесь время предстает не «само по себе, а взятое в его отношении к человеку, его бытию» [43, с. 522]. Ценность времени обнаруживается в представлениях о смерти и бессмертии, смысле жизни и истории, в размышлениях о прошлом, настоящем и будущем и т. д. Как отмечает М.М. Бахтин, единственно только изнутри человеческой жизни время и пространство обретают ценностный центр, «по отношению к которому уплотняются, наливаются плотью и кровью» [10, с. 9].

Признание важности антропного принципа в отношении проблемы времени формирует то проблемное поле, которое возникает в современной философии относительно осмысления взаимосвязи времени и человека. Границы этого поля определены той амплитудой, которая заложена в данном принципе. В слабом варианте антропный принцип предполагает, что время выступает объектом по отношению к субъекту, который занимает позицию «наблюдателя», а следовательно, по крайней мере возможна хотя бы психологическая составляющая при анализе времени; в сильном варианте время мыслится как полностью включенное в субъекта, а следовательно, «наблюдатель» соответствует идее творца времени (причине времени).

Однако все же следует отметить, что подход к анализу сущности времени со стороны субъекта не является открытием лишь философии XX в. Как указывает В.П. Яковлев, «история философии, со своей стороны, показывает, что в центре философского осмысления времени было, в конце концов, осмысление времени человека» [93, с. 3].

Одним из первых, кто обратил на это внимание, был еще Аристотель, в силу чего он становится постоянным коммуникатором современных философов, занимающихся проблемой времени. Он, рассматривая время как число движения, утверждал, что «без души не может существовать время» [3, с. 157]. Данное положение он обосновывал тем, что душа – это единственный орган, который способен осуществлять счисление, следовательно, время актуально существует только в душе человека. Однако душа у Аристотеля выполняет лишь констатирующую функцию по отношению ко времени, она не творит, не создает само время. Время для Аристотеля объективно, так как всегда присутствует там, где есть движение, однако процесс измерения, осуществляемый разумной душой, явля-

³ Это дает основание говорить о том, что в физических науках (за исключением термодинамики) фактор времени фактически не учитывается в силу его обратимости ($t \rightarrow -t$).

ется неотъемлемой частью понятия времени. Как отмечает А.Ф. Лосев, Аристотель с одной стороны чувствует «чистую длительность и полную иррациональность времени», а с другой – «необходимость для времени быть сосчитанным» [49, с. 189]. Таким образом, Аристотель утверждает, что фиксация времени является прерогативой только человека, время обнаруживает себя только через субъекта.

В дальнейшем антропологический подход к проблеме времени в истории философской мысли присутствует в разных вариантах. О неразрывной связи человека и времени рассуждали Бл. Августин, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, И. Кант, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг и др. Но только философия XX в. окончательно легитимирует субъективное время, собственное время человека, которое не тождественно, более того, в большинстве случаев противостоит объективному «космическому» (П. Рикер) времени мира. Именно такая парадигма представлена в целом ряде течений: философии жизни (А. Бергсон, В. Дильтей, О. Шпенглер), феноменологии (Э. Гуссерль), экзистенциализме (М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, К. Ясперс), которые совершили переход от «мира науки к миру жизни» (Г.-Г. Гадамер) и человеческого бытия. Русская философия начала XX в., а также фундаментальные отечественные исследования второй половины XX столетия также внесли значительный вклад в утверждение «человеческого времени». Эта проблема получила развитие в работах С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, В.Н. Муравьева и др., а позднее – в трудах М.М. Бахтина, Н.Н. Трубникова, В.С. Степина и др. Философия постмодернизма, несмотря на то, что содержательно дистанцировала себя как от классической, так и от неклассической традиции, одновременно углубила тот подход к исследованию времени, который определяет его как онтологию человеческого бытия (работы Ж. Батая, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, М. Фуко). Таким образом, в философии XX в. возникает ситуация в отношении исследования времени, которая определяется как «переоткрытие», «возрождение» времени.

Выдвинутые философией XX в. концепции времени, предложившие новые ориентиры в его изучении, позволили увидеть в данном феномене мощный исследовательский инструментарий, дающий возможность выявлять, изучать, вскрывать сущность различных феноменов существования человека, и в том числе такой формы организации его бытия в мире, как город. И здесь свой вклад в конкретизацию понятия времени, в дальнейшую его разработку, в выявление его познавательных возможностей внесли многочисленные социогуманитарные науки: история, социология, психология, культурология и др. Ими было предложено множество подходов к его определению, каждый из которых, наложенный на сущностное пространство города, позволяет высветить ту или

иную его плоскость, ракурс, грань; выявить специфические черты, характеристики, свойства.

Приведем некоторые ссылки, позволяющие говорить о тотальной междисциплинарности современных исследований времени, города и человека.

Известный американский экономист, социолог Лавренс Харрисон (Гаррисон), соавтор С. Хантингтона в книге «Культура имеет значение» [108], выдвигает экономические аспекты времени. Среди 25 факторов, по которым, согласно Харрисону, можно оценить влияние культуры на экономику, на третьем месте стоит «восприятие времени» – наряду с религией, предначертанностью (судьбой), благосостоянием. Он сравнивает экономики с быстрыми модусами культурного времени, улучшающими качество жизни (например протестантская или японская), и экономики с заторможенным или размытыми модусами времени, когда культура препятствует развитию экономики.

Примечательны рассуждения о сжатии времени в современной цивилизации. Историки науки заключают, что ныне человечество живет в условиях резко сжатия времени, затрачиваемого на рождение научного открытия и его внедрение. Главным ресурсом становится информация, которая «сжимает» пространство и «ускоряет» время (Д. Харвей, Э. Гидденс), создает «поток ситуаций» и ускоряет темп жизни (Э. Тоффлер). Процессы, ранее занимавшие века, проходят за десятилетия. Научные открытия стремительно входят в практику и резко меняют цивилизацию. По мысли С.П. Капицы, сжатие исторического времени приводит многих людей к кризисному мироощущению. Вхождение новых социальных систем, новых технических открытий переживается как распад связи времен, хаос, моральный упадок общества [40, с. 43].

Известный израильский политолог Ш. Эйзенштадт, автор фундаментальных монографий о темпах демократических сдвигов в различных культурах, неоднократно принимавший участие в дискуссиях «Ярославской инициативы», формулирует политологический аспект репрезентаций времени. Эйзенштадт использует понятие Карла Ясперса «осевое время» для названия кардинального сдвига, выражающего демократизацию и гуманизацию общества. «Именно культура оказывает влияние на главных «движителей» перемен – автономные интеллектуальные элиты, определяя, в какую сторону будет направлена их творческая активность. Поскольку культура у народов разная и «осевое время» они проходили в разные периоды, это «осевое время» по-разному на них влияло, постольку и пути развития этих народов разные» [91, с. 416]. Данная концепция находит подробное развитие на гигантском материале истории и современности.

Сложился также целый спектр оригинальных наблюдений над временем на городской сцене. Например, в статье «Город и время» Ю.М. Лотман рассуж-

дает на тему Петербурга и его времени. Множество молодых людей в прошлом и настоящем связывали свою судьбу с Петербургом как европейским городом. Однако, как считает Лотман, «...это совершенно разные вещи: европейский город и петербургское представление о европейском городе. Это совершенно разные вещи – Россия не Европа» [50, с. 84]. На пороге 1990-х гг. сложился мучительный для старых петербуржцев-ленинградцев образ: «Областной город с мировой судьбой» (Д. Гранин). Нарастало ощущение, что «пружина времени» в городе замерла. И об этом говорил Лотман в одном из своих последних интервью. Новая волна молодежи, стремительно вынесенная наверх в ходе перестройки, резко изменила образ города и ту самую «пружину времени» в нем. Судя по наблюдениям социологов, в 2000-е гг. петербургские «социальные лифты» вновь затормозили свой темп. Уместно продолжить почти мистической цитатой из Пелевина: «Никто не знает, кто заводит пружину. Но когда она ломается, город сразу превращается в руины, и поглазеть на них приезжают люди, живущие совсем по другим часам. Время Афин, время Рима – где оно?» [144].

Тема «Время в городе» появляется и в совершенно других источниках, а именно на сайтах городов, где профильные министерства и ведомства показывают различные формы подготовки молодежи к проектированию будущего и личной карьеры: от «молодежных правительств» (например молодежное правительство Самарской области – совещательный орган при правительстве Самарской области) до систематически проводимых по инициативе правительства Москвы мастер-классов по тайм-менеджменту.

Таким образом, в социогуманитарных науках складывается широкий спектр направлений исследования времени применительно к различным сферам бытия человека. Однако, несмотря на большое количество подходов к изучению времени, можно выделить в его отношении две методологические позиции. Обе они исходят из «времени действующего», т. е. реального культурно-исторического субъекта, «живой историчности» (Бахтин). Данный субъект, с одной стороны, является участником взаимодействий с миром и в мире, а с другой стороны – выступает посредником этих взаимодействий, задавая и удерживая их параметры. Соответственно, в рамках первой методологической позиции время рассматривается как мера изменения социальных процессов, в которых социально-исторический субъект играет решающую роль, так как является причиной этих изменений и участником данных процессов. Вторая же связана с изучением представлений о времени, существующих в сознании действующих в обществе и культуре индивидов.

Первая методологическая позиция опирается на признание философией и наукой того факта, что нет абсолютного, единого для всех времени как меры из-

мерения; есть время конкретных феноменов, которое образуется длительностями и ритмами, характерными для каждого из них. Как отмечал И. Гердер, «в действительности все, что изменяется, имеет в себе собственную меру времени» [цит. по: 68, с. 476].

Наиболее полно данная точка зрения отражена в работе Дж. Т. Фрейзера «The Genesis and Evolution of Time». Он выделяет шесть уровней материи: частицы нулевой массы покоя, частицы ненулевой массы покоя, космические тела, мир живых организмов, человек, человеческое общество. Для каждого из этих уровней характерна собственная темпоральность. Атемпоральность характерна для частиц нулевой массы покоя (изучается специальной теорией относительности), прототемпоральность – для частиц ненулевой массы покоя (квантовой механикой), зотемпоральность – для космических тел (общей теорией относительности), биотемпоральность – для живых организмов (биологией), ноотемпоральность – для человека (психологией), социотемпоральность – для человеческого общества (социальными науками) [100].

Таким образом, время в данной концепции предстает как одна из возможных трактовок темпоральности, под которой понимается «временная сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам» [72, с. 298]. То есть темпоральность представляет собой не внешнее по отношению к конкретному процессу время, она отражает его собственную временность и динамику.

Экстраполируя предложенное понимание времени на тот уровень реальности, который в терминологии Дж. Т. Фрейзера обозначается как социотемпоральность (время бытия социокультурного человека), его можно определить как меру изменения, задаваемую самими социальными, культурными или историческими процессами и характеризующуюся свойственными для них отношениями длительности, последовательности, повторяемости, ритма. Как пишет Н.Н. Трубников, время человеческого бытия «есть мера социально-исторического и всякого иного бытия, мера социально-исторической и всякой иной его связи и последовательности. Как такая мера оно может быть измерено и сочтено в тех или иных отвлеченных единицах, как-то: год, месяц, час, или в еще более отвлеченных единицах частоты колебаний атома какого-либо удобного для этого элемента. Но оно всегда есть нечто иное и большее, чем этот счет и это измерение. Оно есть мера человеческой жизни и человеческого ее определения» [85, с. 186].

В рамках данной методологической позиции рассматривали время Ж. Гурвич, Р. Мертон, П. Сорокин в социологии, Ф. Бродель в истории, М. Бахтин в философско-культурологической мысли.

Время как мера изменения, согласно Л.А. Штомпелю, – это лишь «начальное определение», понятие меры конкретизируется «смыслом времени», превращая его в величину исторически конкретную и социально заданную [89, с. 65]. Время обретает смысл в связи с тем, что «оно связано с восприятием, измерением и переживанием этих изменений человеком» [74, с. 18]. То есть время не только фиксирует изменения, оно наделяется смыслом благодаря тому, что определенным образом воспринимается, означает и понимается. «Время предполагает взгляд на время» [52, с. 272]. Этот аспект рассмотрения времени определил иной методологический подход, который исходит из того, что понятие «время» напрямую связано с тем, какое значение и смысл ему придается.

Отправной точкой данного подхода являются исследования Дюркгейма и представителей французской школы – М. Мосса, А. Убера, М. Халбвакса и др. Их идеи получили дальнейшее развитие среди историков школы «Анналов» (М. Блок, Ж. Ле Гофф). В центре внимания данных исследований находится реконструкция ментальных структур, которые характеризуют как сознательные, так и бессознательные интенции сознания индивида и общества, манеры мыслить, свойственные для той или иной эпохи или социальной группы, которые во многом определяют социальное поведение человека.

Понимание времени как одной из универсальных категорий некоего единого образа действительности, составляющего ментальную характеристику культурного бытия определенного народа конкретной эпохи, нашло свое продолжение в работах как отечественных, так и зарубежных мыслителей: Г.Д. Гачева, Р. Гвардини, А.Я. Гуревича, Е.М. Метелинского, В.Н. Топорова, М. Элиаде и др.

Отправной точкой в данном случае является утверждение о том, что каждая культура на основе собственных мировоззренческих установок создает специфическую, то есть отличную от остальных, но достаточно универсальную для себя, картину, образ мира, под которым понимается миропредставление, «упрощенное отображение всей суммы представлений о мире» [79, с. 161] внутри конкретной культурной традиции. В любой картине мира временные параметры являются одним из главных ее аспектов и, следовательно, повторяют в целом ее свойства. При этом время, выступая достаточно универсальным компонентом картины мира, будет иметь разное содержание у представителей различных культур. Каждой исторической эпохе свойственны свои способы и модели переживания мира; следовательно, представления о времени носят исторически обусловленный характер. Гуревич пишет, что «в различных общественных струк-

турах мы найдем весьма не похожие одна на другую категории времени, столкнемся с различными восприятиями пространства и причинности» [30, с. 32].

Следует отметить, что представления о времени, входящие в общую картину мира, свойственны не только определенной исторической эпохе. Они характерны для любого субъекта культуры, будь то нация или этнос, социальная группа или отдельная личность, что позволяет говорить о расслоении представлений о времени. Как отмечает Д.Г. Горин, социокультурная реальность – это не только универсум, но и плюриверсум [29, с. 42], в одном социальном пространстве существуют различные типы темпоральных представлений, отличающихся по своему содержанию.

Таким образом, время в социогуманитарных науках понимается, с одной стороны, как его временная сущность, в которой отражаются динамические характеристики социальных, политических, исторических, культурных процессов исходя из их внутренней специфики. С другой стороны, время является коллективным представлением, в котором отражаются смыслы и значения конкретного общества, культуры, исторического периода.

Выделенные подходы, будучи соотнесенными с городом, с его культурными, социальными, экономическими, политическими, демографическими и другими процессами, позволяют диагностировать по различным направлениям и на основании многочисленных срезов состояние городского пространства; выявлять специфику тех изменений, которые имеют место в урбанистической среде; разрабатывать приоритетные направления реформирования города; определять эффективные механизмы обеспечения его конкурентоспособности на уровне региона, страны, мира.

1.2. Время и процессуальность бытия города

Понимание города прежде всего через пространство лежит в основе целого ряда исследований (Л. Вирт, П. Гидденс, Дж. Джекобс, Л. Мемфорд, Р. Парк). Но для города, который является полноценным миром человеческого бытия, свойственна определенная динамика. Он не статичен в своем существовании, для него характерны процессы возникновения, изменения, становления, которым присущи определенный ритм, темп, последовательность. Категория времени в данном случае констатирует изменение и развитие городской среды, фиксирует «пульсацию» ее экономического, социального, политического, культурно-исторического движения. Время применительно к городской динамике, таким образом, можно интерпретировать как меру изменения, отражающую внутреннюю специфику различных процессов, имеющих место в пространстве и

жизни города, которая является их динамической характеристикой, фиксирует их длительность, последовательность, темп и периодичность. Время в данном случае выступает как один из наиболее значимых показателей оценки города с точки зрения происходящих в нем изменений, процессуальности его бытия.

Так понимаемое время существенным образом отличается от времени как величины физической. Говоря о последнем, необходимо обратить внимание на то, что речь идет лишь о ньютоновском и часовом времени. Время, которое исследуется в термодинамике и квантовой теории, обладает иными свойствами. Более того, в отдельных своих аспектах оно совпадет со временем, характерным для бытия человека в целом и для такой его формы, как город, в частности. Наиболее ярким примером совпадения является введение И. Пригожиным в термодинамику оператора времени «Т», который понимается как историческое время, внутренний возраст системы и в этом своем качестве выражает необратимую направленность времени и существенную разницу между прошлым, настоящим и будущим. Н.Н. Трубников в работе «Время человеческого бытия» отмечает, что физическое время – «это величина деления и счета, а время человека – величина определения и связи» [85, с. 7].

Остановимся более подробно на тех отличиях, которые свойственны времени как «величине определения и связи». Одними из первых, кто попытался выделить наиболее существенные черты времени бытия человека, были Р. Мертон и П. Сорокин. В своей знаменитой статье «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» они дали следующее его определение: социокультурное время – это выражение «изменения или движения одних социальных явлений по отношению к другим социальным явлениям, взятым в качестве точки отсчета» [75, с. 114]. Из определения следует, что данное время измеряет одни социокультурные явления другими, причем существует зависимость выбора точки отсчета для измерения от культурных факторов (традиций и обычаев). Кроме того, характер его протекания различен в разных обществах; оно не является бесконечно делимым, а также непрерывным; оно имеет качественный характер и наполнено богатым содержанием; его течение преобразуется обществом («системы локального времени варьируют в соответствии с разницей объема, функций и действий разных групп» [75, с. 118]).

Анализируя концепции времени, сложившиеся в социогуманитарных науках, А.В. Полетаев и И.М. Савельева выделяют два типа, «образа» времени, применяемых в данных науках [71, с. 65]. Для их обозначения они вводят понятия «время-1» и «время-2». Нейтрально обозначенное Полетаевым и Савельевой «время-1» можно трактовать как физическую величину, а «время-2» – как социокультурную. «Время-1» характеризуется статичностью, дискретностью, гомогенностью и рас-

считается как каузально-нейтральное; «время-2» является динамическим, континуальным, гетерогенным и каузально-эффективным [71, с. 56].

Различие между статичностью и динамичностью как способами осознания времени было отражено в так называемом парадоксе английского философа Дж. МакТаггарта. Статический способ, суть которого раскрывается с помощью введения B-серий событий, он определяет следующим образом: на некой абсолютной шкале каждое событие закреплено в определенной фиксируемой точке и соотнесено с другим/другими событием/событиями с помощью терминов «до», «одновременно» и «позже». События здесь представлены как данные, а не становящиеся. Динамический способ, соотнесенный с A-сериями событий, предполагает наличие наблюдателя, для которого события упорядочены по отношению к его собственному времени, а следовательно, шкала в данном случае имеет относительный характер и определена с помощью понятий «прошлое», «настоящее», «будущее». События же здесь рассматриваются как становящиеся во времени.

Статичность времени предполагает его гомогенность. Абсолютная шкала времени с раз и навсегда зафиксированными на ней пунктами подразумевает, что время не имеет собственного содержания, оно является «пустым», его наполнение происходит за счет помещаемых в него событий. Это предполагает, что один момент времени ничем не отличается от другого, разница заключается лишь в том, что они занимают разное положение на абсолютной шкале времени. Мерой измерения гомогенного времени является движение. Время является качественно однородным. Гетерогенность же связана с динамичностью. Относительность шкалы измерения подразумевает, что каждый момент времени имеет смысловую наполненность в зависимости от того, какие представления о прошлом и будущем свойственны индивиду или обществу. В данном случае невозможно говорить о существовании фиксированных промежутков времени между различными событиями. Для гетерогенного времени характерна собственная мера, которая отражает характер протекания процесса. Время в данном случае является качественно неоднородным.

Под дискретностью времени понимается его математическая непрерывность, а точнее его непрерывная делимость. Она также подразумевает и то, что на сколь бы мелкие промежутки ни делилось время, между ними всегда будет расстояние, каждая точка на шкале времени будет отделена от других. Бергсон так понимаемое время сравнивал с ниткой бус, что предполагает самостоятельность и идентичность каждого момента времени. Континуальность же определяется как «психологическая непрерывность», что означает взаимосвязь любого момента времени с другими в восприятии индивида. Прошлое, настоящее и бу-

дущее существуют только во взаимосвязи друг с другом. Метафорой такого типа времени у Бергсона выступает клубок ниток, где все моменты взаимосвязаны.

Каузальная нейтральность времени означает, что течение времени не зависит от его содержания, а следовательно, не вызывает изменений. Каузальная же эффективность, наоборот, исходит из того, что именно изменения порождены течением времени. Как отмечают Полетаев и Савельева, «переход из одного момента времени в другой меняет представления как о прошлом, так и о будущем, т. е. меняется не только настоящее, но и множество других связанных с ним моментов времени» [70, с. 56].

Предложенные Полетаевым и Савельевой различия между «временем-1» и «временем-2» могут быть дополнены параметрами, выделенными В.П. Горяиновым, Н.Ф. Наумовой и А.И. Пригожим для обоснования различий физического времени и времени социального, к которым относятся: составляющие времени, универсализм, управляемость, направление изменения, темп изменений [56, с. 56] (см. табл. 1.1).

На наш взгляд, выделенные различия составляют достаточно полный перечень свойств, отличающих физическое время от времени социального, социокультурного.

Применение последнего в качестве инструментария для анализа города предполагает прояснение нескольких моментов, которые напрямую связаны с его спецификой. Речь идет о том, что коль скоро город – это достаточно сложное

Таблица 1.1

Сравнение времени как меры измерения и меры изменения

Параметр	Меры времени	
	физического (мера измерения)	социального (мера изменения)
Составляющие времени	Астрономические единицы (секунды, минуты, часы, сутки и т. д.)	События (планы, достижения, аварии, встречи, рождения, продолжительность жизни и т. д.)
Универсализм	Одинаково для всех по ритму (длительность, частота), по поколениям, культурам и т. д.	Преимущественно уникально применительно к обществу и человеку
Управляемость	Неуправляемо (неконтролируемо)	Поддается в разной степени воздействиям со стороны участников деятельности и извне ее
Направление изменения	Только поступательно и необратимо	Обратимо, повторяемо в разной степени и частично
Темп изменений	Стабилен, неизменен	Ускоряется в историческом масштабе, переменчив в индивидуальном и групповом масштабе

образование, то вопрос о том, каким образом можно отследить его динамику, смену его состояний, его изменений во времени, требует особого подхода и определения ряда позиций.

Во-первых, необходимо установить базисный процесс, отражающий специфику города и задающий темп и ритм ее изменений. Данный процесс выступает, по сути дела, системообразующим элементом, задающим все остальные аспекты.

Сложность процедуры определения данного процесса для социокультурного времени отмечена еще Ж. Гурвичем. В его работах социальная реальность представлена множеством тотальных социальных феноменов, к которым он относит социальные группы, типы социального взаимодействия, глобальные сообщества и др. Средством анализа данных социальных феноменов, согласно Гурвичу, является время, так как для каждого социального класса характерны собственные временные ритмы и специфические временные шкалы. Следовательно, социальное время сложно организовано и, согласно типологии Гурвича, распадается на восемь типов: длящееся (это время родства, семейственности, локальной демографии), обманчивое (время ежедневных действий), неустойчивое (время нерегулярных событий, мировых происшествий), циклическое (время постоянно повторяющихся событий в жизни), замедленное (время социальных символов и институтов, которые укоренены в прошлом), переменное (время правил, алгоритмов и кодов, которые коренятся в прошлом, но нацелены на будущее, на изменение и развитие), идущее вперед (время надежд и инноваций), взрывчатое время (время коллективного творчества и революций) [102].

Аналогичные идеи о множественности времен человеческого бытия можно встретить и в трудах представителей исторической науки, в частности представителя французской школы «Анналов» Ф. Броделя. Согласно ему не существует «единого социального времени с единым и простым течением, но есть социальное время с тысячью замедлений, которое почти не связано с однодневным временем хроник и традиционной истории» [Цит. по: 22, с. 189].

Таким образом, говоря о социокультурном времени города, мы по сути дела имеем дело не с одним временем, а со множеством времен, каждое из которых схватывает какую-то собственную грань или сферу городской среды исходя из того, какой базисный процесс был выбран в качестве основы исследования. Более того, выбор базисного процесса может оказать существенное влияние на оценку города и определить возможные пути дальнейшего развития.

Приведем в качестве примера такое направление урбанистических исследований, как скорость изменения города. Выбор этого аспекта не случаен. Стремление к постоянному изменению, движению, трансформации становится

одной из существенных характеристик мироощущения и жизнедеятельности современного человека. По точному замечанию З. Баумана, «по существу нет больше ни «вперед», ни «назад»; ценится лишь умение не стоять на месте» [9, с. 135]. Новые мировоззренческие ориентиры позволяют классифицировать города не по традиционным для урбанистики основаниям, а вводить новые, различая их, в частности, по «уровню «движухи». И в этом случае речь идет уже не о малых или крупных городах, не о столице или провинции, а о городах «быстрых» и «медленных». Причем, отражая серьезные сдвиги в миропонимании человека, данное деление приобретает выраженный ценностно-смысловой характер. Действительно, для современной культуры быстрота, высокий темп изменений, скорость становятся ценностными доминантами. Современную жизнь можно сравнить с беговой дистанцией, где выигрывает тот, кто демонстрирует более высокую скорость передвижения. Именно он становится победителем, получает высокие награды, большие гонорары, широкую известность, усиленное внимание со стороны спонсоров, рекламодателей и т. п. Экстраполяция данной ситуации на город представляется вполне допустимой. «Быстрый» город, характеризующийся значительной скоростью изменений, высокой частотой смены событий, быстрым темпом жизни, оценивается как более успешный, обладающий большими возможностями, соответствующий современным требованиям, являющийся более привлекательным для инвесторов и т. д. Город «медленный» наделяется ровно противоположными свойствами, что задает ему совсем другие смысловые координаты: отсталый, «застойный», спальный, провинциальный, бесперспективный и т. д.

Но говоря о «быстрых» и «медленных» городах, мы сталкиваемся с вопросом о том, каким образом, исходя из каких критериев можно определить, к какому типу относится тот или иной город, какой базисный процесс должен лежать в основе такой классификации. Одним из первых, кто попытался выявить «быстрые» и «медленные» не города, но страны, был Р. Левин. В основу его классификации было положено три параметра: скорость движения пешеходов по тротуарам, быстрота обслуживания почтовыми служащими клиентов и точность общественных часов. Самыми «быстрыми» странами оказались Швейцария, Ирландия, Германия, Япония и Италия, самыми «медленными» – Сирия, Сальвадор, Бразилия, Индонезия и Мексика [109]. Другим примером определения быстроты городской жизни является исследование Keermoving.co.uk – веб-сайта, которым управляет международная транспортно-информационная компания ITIS Holdings. В качестве ведущего параметра оценки городов была предложена средняя скорость движения транспорта в городе. Среди 300 городов Европы самыми медленными были признаны Лондон, Берлин, Варшава, Рим, Париж, Белфаст [146].

В исследовании консалтинговой компании Arthur D. Little показателем, определяющим место города в рейтинге, являлось количество времени, необходимое для передвижения по городу из точки А в точку В. По полученным данным Дюссельдорф оказался самым «медленным» из 15 крупнейших немецких городов, а Мюнхен – самым «быстрым». Среди аутсайдеров также Кёльн, Эссен и Дуйсбург [143].

Приведенные выше примеры свидетельствуют как раз о том, что выбор базисного процесса может оказать существенное влияние на оценку города. В соответствии с одним из них город будет охарактеризован как «быстрый», а исходя из другого тот же город станет относиться к «медленным». Быстрый или медленный город Самара? Существенно более быстрый, чем Москва (и даже Дюссельдорф), если взять в качестве базисного процесса скорость движения по дорогам, но значительно более медленный, если рассматривать частоту событий, например, в его культурной жизни. Но при этом все же какой бы базисный процесс ни был взят, он способен высветить состояние различных сторон городской жизни, вскрыть существующие проблемы и задать направления для их решения. Так, например, казалось бы, практически несерьезный рейтинг компании Arthur D. Little позволяет оценить темп движения общественного транспорта, среднее время, которое жители городов проводят в дороге на работу и обратно, и, как следствие, способствовать выработке или корректировке транспортных стратегий крупных городов.

Выбор того или иного базисного процесса способен также диаметрально образом поменять ценностные ориентиры в оценке «быстрых» и «медленных» городов, когда именно «медленный» город становится «правильным», современным, наиболее привлекательным и приспособленным к жизни. Именно об этом свидетельствует движение «медленных городов» (Cittaslow), возникшее в 1999 г. в Италии и существующее в 10 странах мира. Согласно основным положениям данного движения, на звание «медленный город» могут претендовать пункты с населением менее 50 тысяч человек, обладающие низким уровнем шума и малой интенсивностью движения на городских улицах, с большой площадью зеленых насаждений и пешеходных зон, прилагающие значительные усилия к сохранению местных культурных и кулинарных традиций, нацеленные на возвращение к размеренному образу жизни, делающему упор на ее качество [142]. На первый взгляд, концепция «медленных городов» является противоположностью всему тому, что ассоциируется с представлением о «быстром городе». Однако на самом деле именно реализация данной концепции позволила, например, крошечному городку Сегонзак (Segonzac) в департаменте Шаранта (численность населения – всего 2 300 человек) стать новой столицей, а именно официальным

центром французского представительства движения Cittaslow. Концепция «медленных городов», по существу, является одним из возможных вариантов для малых городов, став «медленными», сделаться «быстрыми», так как она способствует развитию экономики города, росту его туристической привлекательности, благоустройству городского пространства, повышению качества жизни его населения.

Во-вторых, необходимо установить временные интервалы, фиксирующие качественную определенность конкретного базового процесса.

Единицами измерения, фиксирующими динамику базисного процесса, могут являться как астрономические величины (сутки, неделя, месяц, год и т. д.), так и сопоставимые с ними лишь отчасти иные временные мерки: поколение, век или его четверть, эпоха. Причем последние зачастую носят переменный характер. Четверть века – это не только 25 лет, но и путь поколения, который может варьироваться от 15-летнего периода в обществах древности до 30-летнего в XX веке. Эпоха вообще не имеет числового выражения и служит для обозначения достаточно длительного периода, обладающего качественным своеобразием исходя из некоторой совокупности объективных признаков.

Выбор этих единиц, безусловно, зависит от базисного процесса. Как известно, политику можно менять за 6 дней, экономику – за 6 лет, а вот культуру – за 60. Современная социокультурная ситуация диктует постоянно сжатие, сужение временных рамок, все более мелкие единицы времени используются для анализа города.

В-третьих, необходимо зафиксировать точки отсчета событий, отмечающих прекращение прежнего состояния и создание условий для появления нового. Данные точки отсчета представляют собой в определенном смысле «осевое время» города, которое фиксирует выбор одного из возможных путей его развития. Например, Самара после революции – один из многих провинциальных городов, но Великая Отечественная война задала для нее новый отсчет времени, стала своего рода «фокусным», поворотным моментом. Рождается Самара промышленная, характеризующаяся быстрым развитием тяжелой промышленности, формированием промышленной элиты, ростом населения, возникновением новых районов и т. д. Самара середины XX века – безусловно, город развитый в индустриальном, экономическом плане. Однако индустриальные «волны», всколыхнув гладь города, дав ему мощный индустриальный толчок, одновременно предопределили следующий «фокусный» момент – начало 90-х гг. XX века, когда промышленное прошлое и настоящее Самары обернулось множеством проблем для города, но одновременно задало поиск другого вектора движения и развития.

Таким образом, время, взятое как мера изменения применительно к такой социокультурной реальности бытия человека, как город, позволяет выявлять, изучать, прогнозировать различные процессы, имеющие место в городской среде, определять тенденции развития города, управлять различными аспектами его функционирования.

1.3. Хронотип как форма времени и его эвристические возможности

Многие исследователи сходятся во мнении, что население любого ограниченного в геополитическом плане места выступает носителем довольно устойчивых ментальных структур, исторически и культурно зафиксированных [51, с. 90-94]. Город в этом плане не является исключением. Он представляет собой место, наполненное смыслами и ценностями, символами и знаками, историей и мифами. Более того, он сам их продуцирует, создавая особый способ восприятия мира, образ мыслей, иерархию жизненных ценностей, моделей бытового и социального поведения [128]. Следовательно, город, выступая в качестве смыслового поля, не просто отмеряет свой темп и ритм во времени – он сам воспроизводит универсалию времени, которое является одним из основных параметров миропонимания. В романе «Т» В. Пелевин пишет: «Города похожи на часы, – думал Т., – только они не измеряют время, а вырабатывают. И каждый большой город производит свое особое время, которое знают лишь те, кто в нем живет» [144]. В этой связи каждый город может быть изучен с точки зрения присущего ему образа времени.

Здесь следует отметить, что уже общепринятым стало говорить не просто о времени города, а о его хронотопе, в котором происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [13, с. 234-235]. М.М. Бахтин, выделяя различные «хронотопические ценности разных степеней и объемов», которыми пронизано искусство, описал в том числе и хронотоп провинциального городка: «здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изю дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т. д. Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жен, любовниц (безроманных), мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают» [13, с. 396].

Однако, несмотря на тесную взаимосвязь пространственно-временных параметров, при их соотношении с социокультурной реальностью возможно их разграничение и рассмотрение как самостоятельных образований. Как отмечает И.В. Кузин, в хронотоп человек вовлечен через прирожденное ему различие времени и пространства. Хотя такая раздельность является иллюзией, она соотносится с пространством социокультурного мира [44, с. 56]. Таким образом, время в культуре приобретает определенную независимость от пространства, что позволяет сосредоточить внимание на раскрытии многомерности самого феномена времени. На это указывает М.С. Каган, говоря о том, что время является «одним из существеннейших факторов культуры и духовной жизни индивидуума, столь существенным, что в этих плоскостях его рассмотрения оно теряет ту неразрывную связь с пространством, которая свойственна ему онтологически, и выступает в качестве отличного от пространства, самостоятельного параметра духовной жизни общества и личности» [39, с. 118].

Для обозначения времени как одного из наиболее значимых аспектов миропонимания предлагается использовать понятие «хронотип»⁴. Мы трактуем хронотип как сложноорганизованную систему сложившихся в данной культуре коллективных представлений, закрепленных в различных культурных формах, свойствах и характеристиках времени, имеющих ценностно-смысловую наполненность и регулирующих различные аспекты человеческого поведения.

Так понимаемое время выносит за скобки проблему существования объективного времени и способов его познания. Она не предполагает обращение ко времени как к мере измерения, также она не рассматривает время как меру изменения. Для нее характерно обращение к тому, как эта мера воспринимается, представляется, осознается и осмысливается, будучи отражением общего мировидения человека конкретной эпохи, общества, общности, социальной группы. «Время оказывается заложником представления – оно осваивается мыслью в форме представленности как нечто, относящееся к структуре картины мира» [78, с. 403].

Следует отметить, что понятие «хронотип» не означает полного игнорирования пространства. Последнее здесь полностью не исчезает, так как если существует время, то должно быть и что-то, в чем оно могло найти свое выражение. Оно приобретает иные формы. Пространство, выступая подчиненным хронотипу моментом, соотносится не просто с пространственными единицами и географическими территориями, а с определенными социокультурными системами и процессами.

Хронотип обладает определенными свойствами, выявление которых не может быть построено на сопоставлении со временем физическим. Так как время

⁴ Понятие "хронотип" было предложено в 1991 г. Дж. Бендером и Д. Веллбери для описания моделей, внутри которых время получает практическое и/или концептуальное значение на индивидуальном, социальном и общекультурном уровне [267].

рассматривается через призму его восприятия носителями той или иной культуры и, по сути, анализируются коллективные представления о времени, то целесообразно начать определение основных его свойств с характеристик коллективных представлений как таковых.

Понятие «коллективные представления» было введено Дюркгеймом для обозначения большого класса форм познания, в том числе и времени. Описывая данное явление, он прежде всего указывал на их надындивидуальный характер, существование вне индивида. Он отмечал, что коллективные представления «исходят не из индивидов, взятых изолированно друг от друга, но из их соединения» [34, с. 34]. Аналогичный подход наблюдается во взглядах С. Московичи, который, опираясь на исследования Дюркгейма, ввел понятие «социальные представления» и рассматривал их как «общее видение реальности, присущее данной группе, которое может совпадать или противостоять взглядам, принятым в других социальных группах»⁵ [Цит. по: 2, стр. 264]. Кроме этого, Дюркгейм обращал внимание и на способность коллективных представлений оказывать принудительное воздействие на индивида. Он указывал на то, что данные представления коллективно воспроизводятся и разделяются всеми членами данной общности, следовательно, они обладают способностью подчинять себе сознание индивида и влиять на модели его поведения. Третья особенность коллективных представлений, на которую обращал внимание Дюркгейм, – это их выраженность в символических формах.

М. Вебер видел в представлениях своего рода набор ориентиров, которые определяют действия индивидов. Он считал, что те коллективные ситуации, которые являются составной частью любого мышления, будь то мышление обыденное, юридическое или иное специализированное мышление, «суть представления о чем-то таком, что, относясь отчасти к сфере сущего, отчасти к сфере должного, пребывает в головах реальных людей (не только судей и чиновников, но и представителей «публики») и благодаря чему те ориентируются в своей деятельности» [Цит. по: 54, с. 89]. Согласно ему, именно эти структуры, взятые сами по себе, имеют доминирующее казуальное значение, так как оказывают существенное влияние на характер развития деятельности реальных людей.

Л. Леви-Брюль, обращаясь к исследованию первобытного мышления, основной акцент при рассмотрении свойств коллективных представлений сделал на различиях логико-психологического механизма их формирования в различных обществах. «Необходимо, следовательно, – пишет Л. Леви-Брюль, – отказаться от поспешного сведения мыслительных операций к единому типу независимо от рассматриваемых обществ, а также от объяснения всех коллективных

⁵ Мы будем понимать коллективные и социальные представления как идентичные, хотя Московичи утверждал, что социальные представления не являются тождественными коллективным представлениям Дюркгейма.

представлений действием одного и того же логико-психологического механизма» [46, с. 135]. Для него представлялось важным и необходимым сравнительное изучение различных типов коллективного мышления, которые присущи человеческим обществам, отличающимся друг от друга своей структурой.

Другим источником, позволяющим раскрыть свойства хронотипа, являются работы авторов, рассматривающие время как элемент общей системы миропонимания, как одно из «мировоззренческих представлений», формирующих целостный образ человеческого мира в рамках определенной культуры.

Так, А.Я. Гуревич, относя время к категориям культуры, указывает на их надындивидуальный характер; обязательность для всех представителей данной культуры, которая проистекает из их неосознанного восприятия и такого же неосознанного предписывания; выраженность в знаковых системах, регулирующее воздействие на поведение индивидов; универсальность и содержательную изменчивость в различных общественных структурах и исторических эпохах [30, с. 10].

В.С. Степин, характеризуя время как универсалию культуры, выделяет следующие его особенности:

- двухуровневая структура, в которой наличествует инвариантная часть, представленная моментами абсолютного, непреходящего содержания, и вариативная, отражающая особенности культуры исторически определенного типа общества;

- «бессознательный» характер восприятия. Он отмечает, что смысл культурных универсалий принимается носителем культуры «как нечто само собой разумеющееся, как презумпции... и не осознается в качестве глубинных оснований его миропонимания и мироощущения» [76, с. 18];

- регулирующее воздействие на индивида;

- реализация и развертывание категорий культуры в различных формах практического и духовного освоения мира, а «не только в формах понятийно-мыслительного постижения объектов» [149];

- выраженность в знаково-символической системе.

Ф. Артог, рассматривая «временные порядки», которые существуют в культуре и обществе, отмечает их императивный характер для носителей культуры, бессознательный характер их принятия и подчинения им, изменчивость в диахроническом и синхроническом разрезе [4, с. 22-23].

Исходя из всего вышесказанного можно выделить следующие характеристики хронотипа.

Во-первых, представления о времени, функционирующие в культуре, вырабатываются внутри нее, а не привносятся извне, являясь результатом философ-

ской или научной рефлексии. Однако все же следует уточнить, что в процессе содержательного формирования хронотипа участвуют различные формы и уровни осмысления, в которых можно выделить как минимум два пласта. Первый (первичный) связан с «жизненным миром» человека (Гуссерль), дневным бытием и культурой и включает первичные эмоциональные реакции, образы, архетипы, знания здравого смысла. Второй пласт связан с сознательно-целесообразным постижением мира, здесь имеет место рефлексия. По отношению к хронотипу, сложившемуся в той или иной культуре, данный пласт имеет вторичное значение. Согласно Степину, философские категории выступают в качестве рефлексии над категориями культуры. «В этом процессе универсалии культуры из неосознаваемых оснований деятельности, поведения и общения становятся особыми предметами изучения» [76, с. 18]. Однако философское познание способно активно воздействовать на самосознание культуры, внося в нее новые представления, смыслы, ценности [77, с. 264].

Во-вторых, хронотип не сводится к простой сумме абстрактных понятий и чувственных данных. Только ценностно-смысловая рефлексия сознания способна «конструировать и воспроизводить многочисленные социокультурные миры, представляющие собой феномены как данности сознания, через которые демонстрируют себя как реальности, так и субъективное «я» [61, с. 122]. То есть представления о времени выступают как целостное смысловое образование. Они отражают «амодальные», «сверхчувственные» свойства времени, которые не содержатся в объекте. А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко отмечают, что человек всегда имеет дело «не с природными реалиями как таковыми, а с репрезентирующими их культурными смыслами» [60, с. 11]. Следовательно, системообразующим фактором хронотипа является определенная смысловая установка, которая объединяет представления о времени в рамках той или иной культуры или общества и задает им некий интегративный и относительно устойчивый характер.

В-третьих, хронотип, являясь в первую очередь смысловым полем, существует на границе между объективной реальностью и сознанием. Он является лишь одним из возможных вариантов восприятия времени, в котором не находит отражение ни физическая природа времени, ни объективная организация общества во времени. Но несмотря на это временные представления, закрепленные в менталитете, являются объективными для носителей определенной культуры.

В-четвертых, хронотип, будучи результатом проявления символической способности восприятия человеком мира, имеет внешнее выражение в знаковой форме и символических системах: языке, мифологии, верованиях, традициях,

религии, календарях и т. д. Именно система темпоральных символов дает возможность «увидеть время».

В-пятых, хронотип носит надындивидуальный характер, не зависит от индивидуального сознания субъекта, входит извне в субъективный мир человека. Представления о времени являются общими для представителей одной культуры. Индивидуальные же представления имеют вторичный характер и складываются на основе тех, которые господствуют в данной культуре. Иными словами, индивидуальный процесс понимания времени всегда «ограничен семантикой культурной общности» [64, с. 75].

В-шестых, хронотип не является врожденным и определяется культурой, к которой принадлежит индивид. «Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [30, с. 44]. Для представителей определенной культуры представления о времени по большей части являются «бессознательными», так как человек, носитель данной культурной традиции, застаёт их в готовом виде и, по сути дела, неосознанно впитывает, усваивает в процессе социализации и инкультурации. Более того, усвоенные и воспринятые данные представления не подлежат рациональному контролю или аналитическому анализу человеком в процессе его жизнедеятельности.

В-седьмых, хронотип носит априорный, доопытный характер. Он выступает по отношению к конкретному человеку или даже поколению в качестве готовых форм, образцов, моделей, уже имеющихся, укоренившихся в культуре.

В-восьмых, представления о времени не являются пассивными формами коллективного сознания; они выступают активными «регуляторами» отношений и поведения представителей данной культуры, так как задают конкретные образцы деятельности, нормы поведения, предписания, идеалы. Они имеют ярко выраженный нормативный характер, заставляя членов общества действовать в нужном для социума направлении.

В-девятых, хронотип функционируют на уровне повседневности. «Именно повседневность выводит нас к феномену времени в его гуманитарном аспекте» [24, с. 351]. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, повседневная реальность представляет собой реальность *par excellence*, так как существование в данной реальности и ее восприятие составляют естественную установку человека [15, с. 42]. Это дает возможность соотнести предложенное понимание времени с культурой повседневности. По мнению Р. Уильямса, «культура обычна» [Цит. по: 141]. «Обычность» культуры означает участие всех ее представителей как в ее создании, так и в функционировании посредством повседневных практик, которые формируют определенный образ мышления и миропонимания.

В качестве последней характеристики хронотипа выступает его содержательная изменчивость в исторической и пространственной перспективе. Как отмечает П. Штомпка, при сравнении культур как в синхроническом разрезе (современная американская, мексиканская, немецкая, итальянская и др.), так и в диахроническом (ранние традиционные общества и современные индустриальные) легко можно «обнаружить фундаментально различные временные ориентации» [90, с. 75]. Более того, часто именно время, особенности его восприятия разделяют культуры и народы больше, чем любой другой фактор. Осознание этого факта характерно не только для культурологов, но и для представителей других гуманитарных и социальных наук. Здесь также можно говорить о дифференциации хронотипов внутри одной культуры.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что хронотип может быть рассмотрен как инструмент анализа и диагностики различных аспектов социокультурной реальности, в том числе и города. Однако его использование в данном качестве требует определенных уточнений, касающихся его структуры.

В гуманитарной науке не сложилось единого мнения о том, какие элементы можно выделить в структурном комплексе представлений о времени. Так, К. Проновост [111] выделяет три аспекта понимания социального времени:

- 1) ценность времени в обществе;
- 2) стратегии планирования в организации времени;
- 3) представления о среднем и длительном временном горизонте.

П. Штомпка, исследуя роль времени в культуре, выделяет в восприятии и понимании времени несколько аспектов.

1. Уровень осознания времени, под которым понимается значимость времени, где крайние положения занимают, с одной стороны, озабоченность временем (синдром «время – деньги»), с другой – безразличие ко времени (синдром «отложим на завтра»).

2. Глубина осознания времени, под которой подразумевается краткосрочная либо долгосрочная ориентация во времени вне зависимости от направленности в прошлое или будущее данной перспективы. Важен сам факт значимости либо сиюминутного, либо отдаленного во времени.

3. Форма или вид времени: циклическое или линейное.

4. Ориентация на прошлое или будущее, то есть ретроспективная и перспективная ориентации.

5. Интерпретация будущего, для которой характерно либо фаталистическое отношение (предполагает пассивное согласие), либо активное (подразумевает творческое конструирование, целенаправленное планирование и формирование).

6. Предпочтение ценностей, которое предполагает ориентацию либо на изменения, новизну и прогресс, либо на повторяемость, сходство и порядок. В данном случае речь идет о прогрессивной либо консервативной временной ориентации [90, с. 54-55].

Т.А. Нестик в работе, посвященной конструированию социального времени, предлагает сложноорганизованную систему характеристик субъективной составляющей социального времени, которые могут быть эмпирически измерены как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В ее структуре выделяются следующие элементы.

1. Социально-временная идентичность личности.

2. Особенности отношения ко времени, проявляющиеся в мышлении и поведении индивида или группы.

3. Представления об объективных временных характеристиках социальных процессов и явлений, в которые включены индивид или группа.

4. Нормы, которые регулируют отношение ко времени в группе, а также временную организацию деятельности.

5. Темпоральные идеалы, то есть представления об идеальных временных характеристиках объекта или процесса.

6. Социально-временные авто- и гетеростереотипы, то есть представления о себе (Я, Мы) и о других (Другой, Они) с точки зрения включенности во временную структуру объективных социальных процессов и явлений, а также индивидуальных и групповых особенностей отношения ко времени [57, с. 16-20].

В работах таких авторов, как Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич, Р. Гвардини, Г.Д. Гачев и др., структурная модель темпоральных представлений хотя и не выделена как самостоятельное образование, но все же содержится в латентном виде в форме содержательного описания представлений о времени. Так, Ле Гофф описывает такие элементы временных представлений, как тип времени и его свойства, способы измерения времени, временная перспектива, возможность влиять на течение времени, конвертируемость времени, соотношение времени и вечности, значимость времени и его модусов, ценность времени, оценка течения времени, отношение к изменениям и новизне [47]. Аналогичную схему можно обнаружить в работах А.Я. Гуревича [30, с. 257]. Г.Д. Гачев добавляет к выделенным элементам представленность времени в языке [27].

Исходя из всего вышесказанного предлагается структура хронотипа, состоящая из трех уровней: когнитивного, ценностно-смыслового и поведенческого.

Когнитивный уровень представляет собой совокупность фактуальной информации о времени и его измерениях, наличествующей в данной культуре на

уровне здравого смысла. На этом уровне находят отражение свойства и признаки, которыми наделяется время.

Ценностно-смысловой уровень выступает как комплекс значений, смыслов, ценностей, связанных со временем. Он отражает значимые ценностные смыслы времени, господствующие в культуре. Циркулирующие в культуре ценностные смыслы времени приобретают персональное, эмоционально-вовлеченное значение для человека.

Поведенческий уровень представлен совокупностью временных программ, которые регулируют ритмы и циклы человеческой жизнедеятельности и определяют включенность в правила культурного поведения. Данный уровень хронотипа складывается на основе усвоения возможного и допустимого в смысловом пространстве культуры.

В процессе функционирования хронотипа все указанные уровни тесно связаны друг с другом и могут рассматриваться как различные грани или аспекты единой интегральной структуры. Так, ценность всегда имеет когнитивный и императивный контекст, норматив – ценностный и гносеологический и т. д. Однако взаимосвязь и взаимообусловленность выделенных уровней не исключает их определенную иерархию. Доминирующая роль среди выделенных уровней принадлежит ценностно-смысловому. Он представляет собой некую ось, ядро, вокруг которого располагаются другие уровни. Формирование ценностно-смыслового содержания хронотипа, с одной стороны, предшествует организации когнитивных компонентов, является импульсом систематизации знания, определяет направленность восприятия времени, его категоризацию, с другой – выступает основой для выработки поведенческих программ.

Каждый из выделенных уровней представлен самостоятельным содержанием. Целостная модель хронотипа представлена в *табл. 1.2*.

Все выделенные элементы являются взаимосвязанными и, следовательно, оказывают влияние друг на друга. Изменение одного элемента в данной структуре с неизбежностью обуславливает трансформацию других, что ведет к формированию типа восприятия времени и, как следствие, к модификации особенностей миропонимания и жизнедеятельности человека. В этой связи показателен рассказ Дж. Балларда «Хронополис», в котором описаны те изменения, которые происходят с городом и его жителями после запрета часов, отказа от жестких механизмов синхронизации человеческой деятельности [7, с. 297-315].

Таким образом, можно утверждать, что хронотип обладает широкими эвристическими возможностями, так как задает определенные рамки для человеческой деятельности любого типа – политической, экономической, социальной, коммуникативной и др., определяя тем самым специфику ее протекания. Следо-

вательно, его учет необходим при анализе и прогнозировании самого широкого спектра явлений городской жизни.

В качестве примера обратимся к рассматривавшейся ранее проблеме «быстрых» и «медленных» городов. В данном случае время, взятое как хронотип, является уже не мерой, которая фиксирует изменения, имеющие место в пространстве городской среды, а фактором, оказывающим существенное влияние на динамику ее развития, ее способность к изменению. В зависимости от того, какова направленность данного влияния, можно говорить, в частности, об инновационном хронотипе либо стагнационном. Именно базовые свойства хронотипа, с одной стороны, задают на ценностно-смысловом и когнитивном уровне воспринятость или непринятие изменений; с другой стороны, определяют программы поведения, способствующие или препятствующие им (поведенческий уровень).

Можно утверждать, что, например, для ценностно-смыслового уровня инновационного хронотипа характерны: высокая значимость времени; понимание времени как «стиля жизни», для которого характерна способность «обладать большим за наименьшее время»; ориентация на настоящее, которое «втягивает» в себя будущее; индифферентное отношение к прошлому; амбивалентный характер будущего; высокая оценка изменений и скорости; понимание успеха как выигрыша во времени; превращение настоящего в вечность; рассмотрение «маховика времени» как темпорального идеала. Когнитивный уровень данного хро-

Таблица 1.2
Структура и содержание хронотипа [38]

Уровень хронотипа	Содержание
Когнитивный	<ul style="list-style-type: none"> – представления о природе времени: тип времени и его свойства; – способы измерения времени; – временной масштаб; – представления о конвертируемости времени и операции с ним
Ценностно-смысловой	<ul style="list-style-type: none"> – значимость времени в целом и его отдельных модусов; – смысловая наполненность времени и его модусов; – соотношение времени и вечности; – темпоральные ценности; – оценка течения времени; – темпоральные идеалы
Поведенческий	<ul style="list-style-type: none"> – темпоральные нормы поведения; – способы структурирования и планирования времени; – последовательность и длительность действий, событий, процессов и скорость их протекания; – временная перспектива

нотипа базируется на линейном типе времени и предполагает в определенном смысле его поступательный характер. В то же время за счет виртуализации рождается представление об относительности времени и, как следствие, возможности его программирования. Время наделяется способностью конвертироваться в деньги, материальные блага, успех, социальный статус. Временной масштаб сокращается, будущее не удаляется от настоящего в бесконечность, а наоборот – приближается, втягивается, ему настоятельно диктуется скорейшее наступление.

На поведенческом уровне основной хронотипа инновационности выступают такие нормы, как точность, пунктуальность, соблюдение сроков и договоренностей. Здесь наличествует четкое планирование и структурирование времени, необходимого для достижения поставленной цели. Временная перспектива четко задана, пошагово прописана и имеет ясно обозначенные и обозримые сроки.

Наличие такого хронотипа – существенный фактор «быстрых» изменений города, его «современности», конкурентоспособности.

Другим возможным приложением хронотопа к анализу городской жизни, например, является диагностика восприятия времени, характерного для различных социальных групп. Время опять же оказывается зеркалом города и человека. И хотя речь идет «всего лишь» о том, как оценивается прошлое и планируется ли будущее, как строится день и ведется ли ежедневник, в ответах на эти очень простые вопросы содержится портрет человека, социального и профессионального слоя, к которому он принадлежит, оценка города с точки зрения предоставления возможностей для реализации жизненных планов, наличия «социальных лифтов», готовности к модернизации и т. д.

Глава 2.

Прошлое, настоящее, будущее в образе города

2.1. Образ города в движении времени: разные лики Самары

«Казус Самары» представляется типичным для крупных российских городов. Присущая ему смена образов, их борьба и несовместимость, перекодировка, смена смыслов, забвение некоторых периодов прошлого, а в другие периоды, напротив, жажда сохранения «старого города» – предполагают параллелизм с другими крупными российскими городами.

Образы городов, стихийно возникающие в процессах коммуникации и транслирующиеся во времени, застывшие в архитектуре или в произведениях гениев места, являются культурным наследием города, а в наши дни при умелом использовании – эффективным ресурсом развития территории. На протяжении всего XX века образ города является объектом исследования гуманитарных наук и благодаря тому, что их методологический инструментарий постоянно обновляется, продолжает оставаться ключом к познанию процессов социальной жизни и закономерностей культуры.

В данном параграфе, выполненном на материале Самары, выявляются хронотипы разных исторических периодов города. Динамика и процессуальность городских образов предстает зеркалом социокультурных, идентификационных и ментальных изменений общества в целом.

Вслед за самарскими краеведами мы выделяем три ключевых периода в истории Самары:

- конец XIX в. – 10-е гг. XX в. (период имперской России);
- 20-е гг. XX в. – 80-е гг. XX в. (период советской России);
- 90-е гг. – настоящее время.

Первому периоду соответствует образ купеческого города, стремящегося в европеизации; второму – советского индустриального центра; постсоветская Самара обрела ряд новых системных черт, однако еще не обрела устоявшегося образа и находится в поиске своей новой культурной идентичности.

В основе образа города, так же как и в основе типа культуры, лежит особый хронотоп – специфические представления о времени и пространстве, характерные для того или иного культурного периода. Полностью соглашаясь и принимая

данный подход, мы сосредоточимся ниже только на специфике темпоральных характеристик образа города и их динамике.

Образ европеизированной Самары возникает благодаря деятельности разбогатевшего купечества и мещанства. В путевых заметках людей, посетивших Самару начала XX века, часто можно встретить употребление определения «европейский» по отношению к городу. Отличаясь своим архитектурным обликом от традиционных российских городов (на рубеже XIX – XX веков Самара была одним из центров провинциального модерна в России), Самара производила впечатление на приезжих. Согласно одной из темпоральных характеристик образа, выделявшихся в тех же путевых заметках, Самара – город будущего или город с успешным будущим («Самара дышит новизною, молодостью... вся она в будущем, а не в прошедшем...» [35, с. 70]; «...крупная будущность его не подлежит сомнению...» [35, с. 103]; «Это город будущего, это здоровый, кровь с молоком, юноша, перед которым все розовеет и золотится в лучах восходящего для него солнца» [42, с. 196] и др.). Таким образом, в хронотипе города доминирует образ будущего.

Ориентация на Европу, заимствование ее культурных образцов были характерными для Российской империи начиная с XVIII века, из чего можно заключить, что данная характеристика в образе Самары детерминирована особенностями российской культуры.

Еще одна темпоральная характеристика образа – «время – деньги». Она обусловлена торговым геномом города, ведь Самара – это крупная хлебная волжская пристань. В выразительной, образной форме предпринимательский дух города был зафиксирован Н.В. Шелгуновым, посетившем Самару на рубеже XIX – XX веков: «Золотой телец здесь общий бог, которому одинаково молятся люди всех состояний, всех сект и всех религий. Только один этот бог их всех примиряет и заставляет забывать религиозное различие, и потому понятно, что лишь в его руках и вся судьба здешнего человека» [35, с. 91-92].

Подобная (финансовая) ценность времени приводит к тому, что оно начинает использоваться эффективно, темп перемен, инноваций в культуре начинает резко возрастать. Именно эти процессы фиксируют в своих путевых заметках гости города. Например, В.А. Поссе: «За 15 лет, прошедших с «холерного» 1892 года, Самара необычайно выросла и похорошела. Тогда она произвела на меня впечатление огромной деревни, теперь – почти европейского города» [35, с. 158]. Действительно, всего за несколько десятилетий резко возросло техническое оснащение города и уровень его благоустроенности: строится водопровод, прокладываются конка, а позднее – трамвай, установлены электрические фонари на центральных улицах, сделаны мостовые, в купеческих домах устанавливается калориферное отопление, проводится канализация, для ускорения

торговых операций начинает использоваться телефон, в высотных зданиях (как правило, это были доходные дома) устанавливаются лифты, на улицах появляются первые личные автомобили.

После революции 1917 г. меняется идеология страны, судьба и образ Самары. Вера в Бога заменяется верой в коммунизм, почитание царя – почитанием В.Л. Ленина, И.В. Сталина и других советских деятелей. Новый образ города был тесно связан с идеей советской власти. Меняется название – Самара становится Куйбышевом (в честь государственного и партийного деятеля В.В. Куйбышева). Теперь не купцы, а партийные работники формируют образ города.

Представления о городе начинают трансформироваться под влиянием новой идеологии. С помощью специфической организации городского пространства моделировались новые советские образы. Наблюдаются заметные изменения, которые получили свои формы и были закреплены в физическом пространстве города.

Советская власть многое разрушает и перестраивает, так как определенные постройки и их назначение (например церкви) являются символами «эпохи кнута и вина» [31, с. 78]. Резкий разрыв с прошлым вызывает разрушение старого и обращение к идеологизированным стилям: конструктивизму, позднее – сталинскому ампиру. Ведущей тенденцией построения нового образа города становится «перепрофилирование» зданий: из частного владения – в общественное пользование, из сакрального назначения – в бытовое.

Город становится ресурсом построения «светлого советского будущего». Как пишет В.Л. Каганский: «Доминанта советского пространства – универсальность и тотальность властно-силовых отношений... Структура советского пространства едина и единственна» [139]. Образы многих советских городов, в том числе и Куйбышева, стандартизируются и теряют самостоятельность. Город обретает значимость лишь при рассмотрении в качестве составной части образа СССР – как советский индустриальный гигант. По той же причине у Куйбышева не могло быть отдельного от страны будущего. В единой структуре пространства прочитывается и единый для всех вектор времени, общая судьба.

Примером пропаганды и средством моделирования «светлого советского будущего» являлись выставки достижений народного хозяйства. Самая знаменитая выставка – ВДНХ в Москве. В Куйбышеве на территории Загородного парка (бывшая купеческая усадьба) проводилась краевая промышленная выставка. Она имела общую идеологию с московской: «...представить в трудном и бедном сегодня счастливое и беззаботное завтра» [139]. Это попытка с помощью зрительных образов сформировать ориентиры дальнейшего развития, направить усилия рабочих в единое русло, показать то счастливое будущее, ради которого сейчас требуются усилия всей страны.

Как пишет Г.Г. Почепцов, для закрепления и трансляции советской идеологии в сознание людей тоталитарный режим часто обращался к различным архетипам: «жертва», «сакральные пространства», «обряды инициаций», «правремя» и др. [62]. Последний архетип напрямую связан с хронотипом.

Правременем в рамках советской идеологии выступают годы социалистической революции и Великой Отечественной войны. Для фиксации этого правремени в городе были созданы специальные формы, которые должны были поддерживать и усиливать социалистическую идеологию в сознании и социалистические черты в образе города. К ним, несомненно, относятся «перекодировка» Алексеевской площади и ее трансформация в площадь Революции; кардинальная перестройка бывшей Соборной площади, ставшей площадью Куйбышева; установка перед драмтеатром мемориального памятника героям Гражданской войны – Чапаеву и его товарищам, а также многое другое.

Итак, со сменой власти образ города стал средством политической пропаганды, использовался как средство управления «когнитариатом» (Э. Тоффлер) [80, с. 45]. Советская власть укрепляла свои позиции, внедряя в сознание общества новые ценности, идеалы, ориентиры, «шаблоны» мышления, делая это в том числе с помощью перекодировки старых сооружений, идеологии и культуры. Формировались новые временные представления: страна начала свой путь «от сохи», превратившись за годы советской власти в индустриальную державу. Куйбышев, как и другие крупные города, трактовался как «советский промышленный гигант», выросший практически на пустом месте: до советского времени здесь была только грязная пристань с элеватором да несколько купеческих лабазов. Память о стремительном росте страны в предреволюционные годы решительно стиралась. Эти общие процессы советской идеологии четко просматриваются на примере трансформации образа дореволюционной Самары в советский Куйбышев.

Начало следующего этапа в истории города связано с тем, что в 1991 г. по инициативе жителей ему возвращают первоначальное название. Самара уже не позиционирует себя ни как европейский город, ни как советский промышленный гигант. Самара, как и многие другие города России, ищет свой новый образ. Рубеж XX-XXI вв. – это переходный период для города.

В духе современного постиндустриального общества в нем активно развивается сфера услуг, заменяющая собой промышленную индустрию, Интернет становится одной из важнейших информационных и коммуникативных сред. Самара оказалась вовлеченной в процессы глобализации и регионализации. Постоянно пополняется список мероприятий событийного маркетинга как одной из актуальных форм культурной и экономической сфер [84, с. 115-121].

Новый этап не связан с отказом от предыдущего культурного наследия, а пытается вместить в себя все – и настоящее, и прошлое, как советское, так и до-революционное. Эта попытка привнести прошлое в настоящее – новый виток в развитии города, но уже на более высоком уровне: в современной Самаре снова проявился торговый геном, заложенный в XIX в. (постоянно растущее количество торгово-развлекательных центров), и, что особенно важно, в поисках своей культурной идентичности Самара все чаще обращается к купеческому прошлому.

Образы «старой Самары» – одна из наиболее востребованных тем, консолидирующих горожан. Разрушение исторических строений воспринимается крайне болезненно самарской общественностью. Эта проблема не только неоднократно обсуждалась на страницах самарских СМИ (см., например, «Новая газета в Поволжье») и в Интернете, но и стала поводом для различных общественных инициатив, например «Комитет спасения старой Самары». На правительственном уровне это привело к утверждению областной целевой программы «Культурное наследие» на 2012-2020 гг.⁶

Оттенок ностальгии присутствует в различных аспектах городской жизни: от коммерческих проектов (например тематические рестораны) до общественных инициатив (например сайт, посвященный прошлому Самары, – «Старая Самара в открытках и фотографиях», сбор материала для которого начинался в 90-х гг. именно с фотографий советского периода жизни города [148]).

Очевидно, что для дальнейшего эффективного развития Самара подобно передовым европейским городам должна искать пути «открыться новому, не подвергая опасности старое», по меткому выражению В. Лоренса, руководителя программы «Грац 2003 – культурная столица Европы». Намечается такая темпоральная характеристика образа города, как диалогичность в отношении к прошлому и одновременно ориентированность на новизну, что в первую очередь проявлено в культурном пространстве торговых центров. Именно здесь можно постоянно знакомиться с новинками техники, передовыми тенденциями моды и испытать на себе влияние новейших маркетинговых технологий. От передовых идей организации своего быта до новых форм проведения досуга – все можно найти в пространстве современного торгово-развлекательного центра.

Время меняет образ города и отпечатывается в нем. На примере Самары эта динамика и процессуальность просматриваются со всей очевидностью. Развитие представлений горожан «о времени и о себе», с одной стороны, детерминировано жизнью страны в целом, а с другой – активностью процессов, протекающих на городской сцене.

⁶ Постановление Правительства Самарской области от 25 октября 2011 г. № 612.

2.2. Время «запасной столицы» и имидж города

Без сомнения, многие города в России сейчас стремятся утвердить себя в качестве места, которое обладает какими-то необычными по сравнению с другими городами возможностями. Идет острая конкурентная борьба за инвестиции и, как следствие, внимание крупных и мелких частных фирм, туристические потоки. Эта борьба идет на разных уровнях – экономическом, политическом, культурном. Последний как раз интересен тем, что на этом уровне разворачивается война имиджей (т. е. целенаправленно конструируемых социоментальных образов города и/или региона в целом) и брендов (значимых символов, которые обладали бы наибольшей привлекательностью для общества, финансового капитала, туристического бизнеса и т. д. и выражали сущность имиджа, с помощью которого город стремится превзойти конкурентов).

Один из самых простых путей – это объявление города столицей, но не в политическом, а скорее в некоем культурно-статусном смысле [134]. Как отмечают М.В. Назукина и О.Б. Полетаев, «все неформальные «столичные» бренды... можно разделить на три типа – «отраслевые», «территориальные» и «государственнообразующие» [55, с. 291]. Стремление городов к обладанию столичным (пусть даже и призрачным) статусом явилось прямым следствием подъема интереса к урбанистике, культурологии и философии города (как столиц, так и провинциальных центров)⁷ [18, с. 192-198]. Воплощение же теории в практике началось в конце 1990-х, когда произошел «сдвиг к брендингу городов» [83, с. 310].

Таким образом, на карте России наряду с политической столицей появились не только «культурные» столицы (множество городов претендуют на почетное звание столицы, причем как страны в целом, так и отдельных регионов), но «шахтерская», «лампочная», «сахарная», столицы исторических территорий (столица Сибири, Поволжья) и т. п. Причем внимание могло акцентироваться просто на каком-то отличительном признаке (с упоминанием слова «столица» или без оно), который мифологизировался и превратился в расхожий архетипический образ (наподобие «а в Самаре девушки – самые красивые»). Кроме того, идея может силами масс доводиться до абсурда – и на пьедестал возводятся самые отрицательные стороны жизни городов (например, самый алкогольный город России, самый грязный, преступный).

Поиски столичного бренда не обошли и Самару. Причем в разное время все три типа «столичности» были испробованы с разным успехом. Самара «отраслевая» представала на страницах СМИ как аэрокосмическая, шоколадная, пивная столица и даже как «столица клинической геронтологии» [129] (причем обраче-

⁷ Недаром на одной из первых конференций по этой тематике "Мифы провинциальной культуры" (Самара, 1992) было много докладов, посвященных проблемам города.

ние к медицинской тематике выглядит довольно перспективно в свете быстрого развития технологий в данной области). Поскольку ниши поволжских столиц были надежно заняты Нижним Новгородом и Казанью, то возникла также концепция территориального брендинга Самары как «рожденной в сердце России», что нашло свое отражение в гимне области [136].

Однако в поисках устойчивого «столичного» бренда для такого города, как Самара, нельзя забывать о его корнях, мощном пласте исторического и литературного нарратива, который сам по себе служит источником формирования образа рассматриваемого волжского города [48, с. 110-116]. Причем в эстетическом плане этот образ довольно разный, ибо авторы оставили нам картины от мелкого городишки, где нельзя найти «приличного трактира» (Т.Г. Шевченко), до «изысканнейшего куска Москвы», пересаженного на волжскую почву (Б.Л. Пастернак). Подобное разнообразие объясняется быстрым экономическим развитием города. В начале XX века Самара становится одним из важнейших центров хлебной торговли в Поволжье, а новый европейский стиль модерн благодаря богатым купцам и промышленникам проникает в архитектуру Самары и прочно утверждается в ее облике [41].

Необходимо отметить, что культурные и экономические столичные амбиции получили свое политическое воплощение лишь в 1918 г., когда Самара во главе с членами Комуча на короткий срок была в оппозиции большевистской Москве. Однако этот период очень негативно отразился в общественной памяти, а кроме того, на воспоминания сильно повлияла официальная трактовка событий, сделанная уже после окончания Гражданской войны. Этот пересмотр вызывает болезненную реакцию у самарского общества даже по прошествии уже почти ста лет⁸, а потому особых надежд, что образ комучевской Самары будет использован как основа для имиджа и станет брендом, нет.

Однако Самара вполне удовлетворила свое политическое самолюбие через два десятилетия после революции, в годы Великой Отечественной войны. Город Самара/Куйбышев на короткий срок стал «запасной столицей». Данный эпитет представляется весьма перспективным с точки зрения брендинга. Даже сам термин «запасная» довольно необычен. В отличие от Петербурга или Казани речь не идет о какой-то «столице номер такой-то», но имеется в виду постоянная готовность взять на себя всю ответственность в деле управления страной.

У «запасной столицы» должен быть соответствующий символ. Долгие годы такого не находилось, и только скупые памятные таблички напоминали, что в таком-то доме размещалось посольство такой-то союзной державы. Память народа сохранила воспоминания о тяжелой жизни, о труде, о радости Победы. И толь-

⁸ См., например, дискуссию, разгоревшуюся в блоге известного самарского политика Михаила Матвеева [131].

ко на закате СССР выяснилось, что масштабы эвакуационных мероприятий были недооценены, поскольку обнаружилось существование огромного «бункера Сталина», который быстро превратился в один из главных объектов городского мифотворчества [59]. В данном случае можно наблюдать феномен формирования новых воспоминаний о прошлом, поскольку на основе новооткрытых данных было переосмыслено все то, что о военном Куйбышеве было уже известно и давно отрефлектировано.

Любопытно, что «бункер Сталина» и вся аура слухов и мифов вокруг него вступают в своеобразную переключку с легендами о подвале в доме Курлиных, где, как утверждается, проводились расстрелы красноармейцев белочехами во времена Кочуба. Роль таинственного подземелья перешла к бункеру, тогда как особняк стал символом новооткрытого волжского модерна.

Таким образом, вслед за изменениями общественной памяти можно наблюдать также и изменения образа города вследствие появления новых-старых символов. Это, с одной стороны, позволяет сконструировать новые имиджевые концепции, с другой – показывает, что попытка обратиться к некоторым из областей социальной памяти приносит на данном этапе лишь негативный результат.

2.3. «Кольцо индустриальной культуры» в Самарской области: идея и аспекты темпоральной диагностики

Актуальность эстетизации и экологического преобразования индустриальных районов и моногородов Самарской области наводит на новые идеи. Например, на идею создания объектов «индустриального туризма», который был бы востребован в связи с акциями Чемпионата мира – 2018 по футболу. В Самарской области могло бы быть реализовано «Кольцо индустриальной культуры», которое знакомило бы с Безымянкой, а также Тольятти, Новокуйбышевском, Отрадным и другими городами области.

Образцом подобного проекта можно назвать формирование позитивных образов индустриальной культуры в городах Рура, которые создавались на основе долговременных экологических социокультурных проектов. Выбор Эссена в качестве культурной столицы Европы 2010 г. стал завершением, «самой невероятной победой». Город приобрел статус «самой современной платформы постиндустриализации», «самой фантастической столицы Европы» [17, 124].

Проект «Кольцо индустриальной культуры Самарской области» мог бы дать дополнительный стимул к формированию позитивного имиджа индустриальных городов региона.

В каждом из названных индустриальных районов и городов Самарской области есть интересные театры, музеи; многие годы работают различные объединения по культуре и экологии. Жители индустриальных районов и городов – как правило, большие патриоты своего места. Они могли бы многое сделать, чтобы представить оригинальные программы. В преддверии мирового футбольного чемпионата и сопутствующих ему мероприятий их можно было бы запустить.

Представим поездку по «Кольцу индустриальной культуры», идея которой разрабатывается студентами самарского госуниверситета – это дипломники кафедры теории и истории культуры 2013 г. В. Заречанская, С. Гришина, Д. Сидоренко и Н. Григорьев.

Предположим, что «Кольцо индустриальной культуры» стартует от «ракеты» в центре Самары. Тема космических исследований, их прошлого и будущего накрепко связана с Куйбышевом – Самарой. Музейно-выставочный центр «Самара космическая» – прекрасное начало для программы целого дня индустриального туризма.

От «ракеты» туристы и гости Самары на метро проедут на Безымянку – родину отечественного моторо- и ракетостроения. Там они увидят воочию гигантский индустриальный район города и страны. Узнают также, что талантливые инженеры и техники придумали Грушинские фестивали; именно здесь выросли непревзойденные экспериментальные школы, которыми восхищался Д.Б. Кабалевский.

В годы Великой Отечественной войны на полустанок со случайно-символическим названием Безымянка эвакуировались крупнейшие заводы Москвы, Киева, Воронежа. Сегодня здесь проживает около 900 000 жителей. Безымянка – один из самых мобильных и «быстрых» районов города с высоким уровнем профессионалов инженерно-технического направления.

К сожалению, на Безымянке пока мало современных памятников, представляющих образ и имидж этого славного городского района. Здесь особенно пригодился бы опыт эстетизации «индустриальной культуры», с которого мы начали этот текст, но об этом ниже – в исследовательском разделе.

Возвращаемся к экскурсии «Кольцо индустриальной культуры». Пересаживаемся на автобус и по прекрасной дороге едем до Новокуйбышевска. Любуемся устьем реки Самарки, впадающей в Волгу; с восхищением смотрим на панораму заводских труб, которые кружат над городом, как шпили соборов; посещаем новокуйбышевский музей и театр «Грань». Город ошеломляет своим современным сервисом.

Не исключено, что именно в Новокуйбышевске вечером этого дня пройдут очередные «Поволжские сезоны Александра Васильева». Они представят индус-

триальную культуру в сфере моды: прошлое и настоящее. На подиуме – не только комбинезоны и шлемы, но и изысканный коллаж повседневности и гламура, абсолютно меняющий стиль одежды и образ города.

Может быть, зазвучат песни советского прошлого из спектакля «Наша кухня» Самарского академического театра драмы в постановке В. Гришко и в музыкальной обработке В. Тонковидова. В конце – прекрасный печальный фильм Д. Бокурадзе с музыкой С. Курёхина об основательнице новокуйбышевского театра-студии «Грань» Э.А. Дульщиковой.

На другой день «Кольца индустриальной культуры» – несравненная автомобильная столица на Волге город Тольятти и его предок – Ставрополь, основанный еще в начале XVIII в. гениальным строителем Государства Российского В.Н. Татищевым. Горожане гордятся памятником Татищеву на крутом волжском берегу, возле него фотографируются выпускники школ, свадебные кортежи, да и просто гости Тольятти.

Особое место в «Кольце индустриальной культуры» займет поездка на Волжский автозавод, знакомство с его дизайнерами и разработчиками. Заслуженным уважением пользуются ученые-инноваторы Тольяттинского государственного университета, который непременно посетят туристы. В конце дня можно попасть в тольяттинские музеи под открытым небом, а также в филармонию и театры.

Может быть, «Кольцо индустриальной культуры» поведет и в Отрадный – «нефтехимическую столицу» Самарской области, как грамотно позиционирует себя город. Он замечателен не только своей индустриальной значимостью. В небольшом индустриальном центре с населением всего 50 000 жителей сформирована большая и емкая социальная инфраструктура: плотный календарь культурных событий, музыкальные и художественные школы. Из Отрадного неохотно уезжает молодежь.

Итак, мы совершили воображаемое путешествие по «Кольцу индустриальной культуры Самарской области»: миллионная Безымянка, полумиллионный Тольятти; стотысячный Новокуйбышевск и пятидесятитысячный Отрадный. Завершим на этом описание идеи молодых авторов, естественно, пожелав им ее реализации. По нашему глубокому убеждению, подобный проект актуален и значим, хотя требует глубокой научной проработки, мощного медийного сопровождения и готовности гражданского общества к его поддержке.

Обратимся теперь к исследовательским аспектам индустриальной культуры. Формы времени как инструмент диагностики имеют в этой теме особое значение. Прошлое индустриальной культуры изрядно подзабыто: это то ли конструктивизм начала XX в., то ли советское плановое хозяйство. Остановимся на проблеме более подробно.

Методологическая база современной урбанистики, в том числе изучающей моногорода, представлена в монографии Е.Г. Трубиной [83, с. 520], в региональных научных исследованиях Н.И. Ворониной [25, с. 388-465], Т.С. Злотниковой, Н.А. Дидковской [33, 36] и других авторов.

В ряду разных провинциальных российских городов индустриальные моногорода выглядят трагично [66, 88]. Образы примерно такие.

Время индустриальных городов замерло. Завод в центре города напояминает захламленное и неухоженное кладбище. Из коллективной памяти горожан стерты целые индустриальные районы, хаотически застроенные в постсоветское время рынками или развлекательными площадками. Дорога из центра областной столицы в маленький город, где расположены флагманы отечественной нефтехимии, – два десятка километров. Унылый путь без указателей на въезде в город. Мол, свои знают, куда ехать, а чужие сюда не ездят.

Или еще одна типичная зарисовка, заимствованная из исследовательских публикаций. В центре крупного города, на ценнейшей территории вдоль Волги, уже много лет стоят корпуса с выбитыми, как после бомбежки, стеклами. Гигантская территория прикрыта с фасада ресторанчиками. Специалисты говорят, что застройка бывших территорий завода опасна из-за отравленности почв, а регенерацию земель не потянет никакой частный инвестор.

Городские образы подобного рода далеко не нейтральны. Они отражают не только производственный сдвиг, но и безнадежность «индустриальных кладбищ».

Индустриальный город – мощный пример «внутренней колонизации» как особого типа управления, как отношения к покоренным, который А. Эткнд и его коллеги исследуют на разных исторических материалах [92]. «Там, внутри» стираются стимулы для развития, «творчества жизни», стремления к идеалам.

В немалой степени это связано, как во всякой колонизации, с удалением прошлого. «Манкуртизм» (великий образ Чингиза Айтматова, обозначающий беспамятство, которому подвергают своих рабов завоеватели) распространяется на ближайших предшественников, учителей и родителей. Вчерашние заводские инженеры и рабочие, бабушки и дедушки сегодняшнего поколения превращаются в «никого» для своих детей и внуков. Их профессионализм, рабочая дисциплина и служение своему делу становятся старым хламом. Тогда дети-внуки теряют порыв «создать что-нибудь лучшее, сделать шаг к идеалу», как сформулировал выше эксперт.

В поисках ключей к интерпретации этого феномена мы хотели бы сослаться также на относительно давнюю повесть писателя и доктора математичес-

ких наук Владимира Маканина «Где сходилась небо с холмами», написанную еще в 1984 г. Нам представляется, что по своей философской емкости притча Маканина стоит в ряду с реномированными философско-культурологическими концепциями.

Действие повести происходит в производственном поселке и передает ощущение заброшенности и потерянности. Тонко уловлена атмосфера «высыхания культуры» индустриального поселения в ее философских, в том числе временных, измерениях.

Повесть распадается на две временные зоны: раньше и теперь. Раньше в производственном поселке пели на поминках, на праздниках, долгими вечерами. На этих песнях вырос знаменитый композитор Башилов. Теперь, переживая творческий кризис, он хочет учить поселковых детей музыке. «Детей?.. в хор?» – смеется над ним местный мужик. Оглядываясь на притчу В. Маканина с большой дистанции, понимаешь, что «готовность петь», которая «высохла в поселке», означает далеко не только и не столько тягу к художественному времяпрепровождению, сколько потерянную тягу к идеалу. В прошлом был интерес, а потом все стало неинтересно.

«Маканин из тех, кто первым берет след», – пронизательно и тоже достаточно давно интерпретировала Ирина Роднянская. «Сейчас газетчики много и охотно пишут о «технологиях XXI века», о «лекарствах XXI века», об Интернете, меняющем (действительно) на пороге XXI века глобальное межчеловеческое пространство, а людские сердца тоскуют по прошлому, по «старым песням о главном». И не в том вся беда, что это взыскуемое массой прошлое было у нас коммунистическим, тут еще малая опасность; самая большая – потеря интереса к творчеству жизни, вялое пережевывание прошлого как готового и проверенного продукта без порыва создать что-нибудь лучшее, сделать шаг к идеалу (своего рода постмодернизм толпы – пародийный «конец истории») [65].

О «высыхании» всякого интереса в индустриальных городах, кроме прямой коммерции, параллельно говорят экологи, писатели, философы культуры, режиссеры и врачи. Культурологи рекомендуют организацию в прежних цехах выставочных залов и других форм «творческих индустрий», ссылаясь на достижения разных стран или блестящий опыт московских центров «Винзавод», «Гараж». На деле оказывается, что данные элитарные проекты требуют финансовых вложений, непосильных для регионов. Одни рассчитывают на поддержку власти и государственного бюджета, другие – на финансовую помощь бизнеса.

Теперь перейдем к «темпоральной диагностике»: что нового позволяет увидеть в названных проблемах предлагаемый способ анализа? Обратимся к типичным примерам по Самарской области, чтобы выделить значение временных

и пространственных типов, которыми мы пользуемся, не всегда рационализируя их смыслы.

Музей космоса, исконно связанный с Безымянкой, размещен в центре «города». В этом есть и свои минусы, и плюсы, как считали проектанты. До сих пор из отдаленных городских районов Безымянки приезжают «в город» (улицы старой Самары, прилегающие к театрам, – это «город»). Гигантские районы, в которых проживает до миллиона горожан, – Кировский, Советский, Промышленный – остались промышленными поселками. Таково стойкое городское представление о пространстве-времени и смыслах городской культуры.

Пример, несомненно, свидетельствует о заниженном имидже одного из самых мобильных и профессиональных районов. Безымянка имеет противоречивое, трагическое и романтическое прошлое. Там лежат истоки разделения: город и Безымянка. К сожалению, не приходится говорить об оригинальном имидже Безымянки в памятниках, современных музеях, коммеморациях.

Другой пример и другой поворот проблематики индустриального города. Новокуйбышевск типичен как моногород вокруг нефтяных заводов с огромными прибылями и напряженной экологической ситуацией. В городе сосредоточены разнообразные и щедро поддержанные администрациями города и заводов культурные формы: прекрасный городской музей, образцовая библиотека, Дворец культуры с его знаменитым театром-студией «Грань» и театральным фестивалем «ПоМост». Заслуженной славой пользуется хоровая капелла «Аура» имени Александра Пахомова и другие коллективы, работающие во Дворце культуры.

Влияют ли они на тотальную проблему города – низкую экологическую культуру, которую главный эколог Самарской области С.В. Симак характеризует так: прежде всего, «разруха в головах» [135]? Об имидже города говорит известный факт: люди, работающие на новокуйбышевских заводах, имея такую возможность, стремятся жить в Самаре или в Москве. Долговременные стратегии решения болезненных экологических проблем пока отклоняются.

Для уточнения исследовательских аспектов темпоральной диагностики вернемся еще раз к проекту Эссена, культурной столицы Европы – 2010. Речь не идет о заимствовании проекта, порожденного комплексом своих национальных и региональных проблем. Мы хотели бы обратить внимание на применимые в нашем пространстве идеи: долговременность и комплексность проекта; привлечение к нему нескольких поколений жителей; значительная роль культуры в формировании позитивного имиджа региона.

Приведем две ключевых цитаты из программных проектов Рура.

Первая: «В будущем поймут: готический собор давал средневековым горожанам символы их существования, красоты, знаки их деятельности и устремлен-

ности к космосу. В эпоху индустриализации цеха и доменные печи берут на себя подобные функции».

Лозунг: «Сделаем из черного – зеленое» – вторая важнейшая цитата. Эстетизация индустриального пространства шла рука об руку с экологическими движениями. Борьба с катастрофическим состоянием земель и рек, отравленных производством, которое породило огромный спектр профессиональных заболеваний, была осознана как важнейший предмет деятельности граждан. Год за годом велась работа, в которой участвовали профессионалы, а также и пенсионеры, школьники – все граждане. Мельчайшие несанкционированные выбросы в воздух или реки стали абсолютно невозможными: контроль вело все население региона.

Преображение Рурского региона с населением 18 миллионов человек было воспринято как общеевропейская победа. В день открытия культурной столицы был накрыт стол длиной в 60 километров. Билеты были стремительно раскуплены по всей Европе.

Обращает на себя внимание то, что в Рурском проекте гуманитарии всех направлений создавали и отработывали позитивные образы «индустриальной культуры»: театры, выставочные залы, медийные ресурсы, а также разные формы сохранения прошлого индустриальной культуры силами ученых. Сравнить трубы доменных печей со шпилями готического собора, а главное, убедить мир в том, что подобные объекты прекрасны и уникальны, – огромная работа.

Итак, комплексный проект стартовал еще в 1960-е гг. и развивался около полувека. В нем были разные направления, требовавшие десятилетий для реализации. Это экологическая реабилитация бывших заводских территорий и шахт; разработка нового законодательства и форм собственности для наделения ответственностью персональных лиц; создание более 150 000 рабочих мест. Однако повторим: стимулом к переменам была идея создания нового культурного пространства и привлекательного имиджа городов: эстетизация заводских труб и цехов; театрализация старых шахт; разнообразные формы памяти о рабочих династиях и поколениях. Европейцы выразили свое признание Эссену и городам, которые с ним связаны, – Дортмунду, Дуйсбургу, Мюльхайму-на-Руре, Оберхаузену и десяткам других.

Обратим внимание на то, что культурная составляющая индустриальных городов является и в отечественной практике важной научно-практической темой. Ей посвящены исследования в разных регионах страны, на некоторые из которых мы уже ссылались. Однако на практике даже заметные явления культуры в моногородах редко становятся активным медийным ресурсом и слабо влияют на реальные проблемы города.

Приведем в пример театральный фестиваль «ПоМОСТ» в Новокуйбышевске. На несколько дней в году индустриальному моногороду обеспечено внимание лучших российских театральных критиков. Но все же город и театр, фестиваль и город живут параллельными жизнями. Экологическое неблагополучие города нефтяных гигантов, его история и будущая жизнь – это одна тема, а театральные искания – совсем другая.

Где находятся точки пересечения? Может быть, в общей ностальгии по прошлому и будущему? В общей готовности думать и работать над улучшением экологии? Или, может быть, в модном преображении городов с темой индустриализации и нарядного гламура? Нужна консолидация горожан для создания более привлекательного имиджа индустриальных городов.

Огромным достижением описанного выше проекта в Эссене было взаимодействие горожан, шла ли речь о регенерации земель или о новой театрализованной выставке «Transit. Brügge – Nowgorod». Горожане захотели сделать свои города лучшими в Европе и добились этого.

Таким образом, проблемы индустриальных городов непосредственно связаны с интересом горожан к «жизненному творчеству». Напомним, что и создатели отечественных производственных гигантов были романтиками своего дела. Они безмерно верили в свои проекты и гордились их масштабами.

Если когда-нибудь в Самарской области возникнет важное для горожан и привлекательное для мира «Кольцо индустриальной культуры», оно потребует исследований для понимания временных образов горожан и огромной работы «креативного класса».

В медийном сопровождении, в культурных событиях, в театрах и музеях рождаются образы, связывающие прошлое и настоящее. Потеря прошлого негативно сказывается на идентификации горожан и их интересе к «творчеству жизни». В этом сходятся идеи современных гуру от урбанистики и молодежные проекты.

Наша гипотеза состоит в том, что формирование позитивного образа индустриального города предполагает сопряжение прошлого и будущего, снимающее «внутреннюю колонизацию» и направленное на пробуждение интереса к «жизненному творчеству».

Другой очевидный аспект темпоральности – временные стратегии, тайм-менеджмент: требуется создание долговременных планов развития города, которые бы консолидировали жителей и мотивировали инвесторов – в том числе в решении коренных проблем качества жизни: проблем чистоты воздуха и воды.

2.4. Бузулук: время и пространство малого города

Малые города – самая распространенная категория городских поселений во всем мире. В России согласно переписи населения 2010 г. они составляют 71 %, в них проживает около 16,5 миллионов человек.

Трудно переоценить роль и значение малых городов на социальной, экономической, культурной картах страны. Они выступают своего рода «опорными точками» близлежащих территорий: это места расположения промышленных предприятий, транспортно-распределительных узлов, центров культуры и образования. Кроме того, являясь на протяжении всей истории эпицентрами модернизационных и глобализационных изменений, малые города через специфическую городскую среду сформировали особую городскую ментальность, особый тип городского обывателя, гражданина.

Малый город – это своеобразный культурный феномен, по-разному раскрывающий свою суть в разные исторические эпохи. Из мира «вещей второй природы» именно малые города в большей степени, обладая особой пространственной архитектурой, меняющейся в процессе исторического развития, способны определить культурно значимые характеристики развития человека, ориентиры его культурной практики. «Малый город» – это прежде всего не формальное, юридическое (с точки зрения численности населения, наличия статуса и т. д.), а культурологическое понятие (феномен), в котором воплощается определенная пространственная организованность и изменчивость бытия человека.

Данное пространство бытия в последнее время характеризуется быстрыми и противоречивыми изменениями. В российской действительности, с одной стороны, происходит значительное увеличение числа динамично развивающихся городов, которые стремятся трансформироваться в мегаполисы; с другой стороны, большинство малых городов остаются вне этих процессов. Несмотря на то, что существуют некоторые счастливые примеры «обретения себя» такими городами, как например Великий Устюг или Мышкин, это лишь подчеркивает исключительность данных проектов на общем фоне кризиса малых городов в России.

В процессе социально-экономических реформ, происходящих в стране в последние десятилетия, малые города оказались в наиболее кризисном состоянии. Именно в них острее всего ощущаются проблемы, общие для всей страны: архаичская, слабо модернизированная экономическая база, технологическая отсталость большинства промышленных предприятий, отсутствие рабочих мест, демографический кризис, низкий уровень образованности населения и т. д.

По сути дела, сегодня российский малый город лишается перспектив своего дальнейшего развития, что ведет к уничтожению уникальной социокультурной

среды пространства страны. Происходит гибель «исторической Атлантиды», «сердца русской культуры», породившего важнейшие ментальные концепты художественной культуры и особый культурный тип человека.

При определении мер по сохранению и развитию малых городов обычно делается ставка на финансирование проектов, связанных с программами модернизации их инновационного и технологического потенциала, развития местного самоуправления, поощрения малого бизнеса. Результативность этих мероприятий вызывает сомнение как у самих жителей, о чем свидетельствует тенденция миграции населения в мегаполисы, так и на государственном уровне, где постепенно оформляется идея ликвидации «неперспективных» городских поселений [130].

На наш взгляд, возрождение малого города невозможно без программ культурного реформирования, позволяющих сохранить его социокультурное разнообразие, подлинную историческую память «места», специфику провинциального и исторического бытия города и человека в нем. В этой связи более конструктивными представляются проекты преобразования малого города в соответствии с теориями исторической памяти, концепциями креативного города, основанными на отечественных и зарубежных технологиях культурных индустрий; моделями коммуникативного города, опирающимися на идеи конструирования основных площадок взаимодействия.

Однако следует отметить, что возможности, ритм, динамика и пределы допустимых социокультурных трансформаций во многом определяются пространственными и временными координатами малого города, их культурным смыслом. Это обуславливает необходимость учета хронотопа/хронотипа малого города при создании программ преобразования, задающих эффективные механизмы саморазвития, конструирующих позитивный имидж, обеспечивающих его конкурентоспособность на уровне региона, страны, мира.

Бузулук – малый город Поволжья, который с самого момента основания в 1736 г. полковником Петром Бахметьевым (в рамках экспедиции И.К. Кириллова) переживал трансформации, характерные для большинства исторических городов России. Долгое время он воплощал в себе черты исторического малого, или так называемого эритерного (от фр. *he/riter* – наследовать), города. То есть города, основанного в дореволюционный период, с богатым культурным наследием, развивающегося как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения. Для городов такого типа характерен достаточно высокий уровень культуропродуцирующего результата, в них наблюдаются социокультурные практики по сохранению историко-культурной преемственности культурного наследия [6, с. 117]. Города такого типа отразили в своем простран-

стве процесс роста и укрепления российского государства. Координаты пространства и времени исторического города были заданы естественным процессом исторического собирания русских земель. Они зафиксировали в своем хронотопе столетия истории русского города и особую суть русского понятия «горожанин».

В XX в. эти города пережили ломку своих пространственно-временных координат, пытаясь подстроиться под тренды эпохи ускоренной индустриализации и урбанизации. Их военно-оборонительная функция стала неактуальной в условиях постоянных территориальных приращений, административная система тоже претерпевала реорганизацию; актуальность в этих условиях удалось сохранить лишь городам-заводам и городам – транспортным узлам. Пространство остальных городов было кардинально «перекроено», что повлекло за собой смену «смысла» города, зафиксированного его хронотопом.

Исторический тип малого города был подменен эссорным типом (от фр. *essor* – подъем, быстрое развитие). Это город, основанный в советский период, имеющий сравнительно небольшой объем культурного наследия, характеризующийся наличием градообразующего предприятия, обладающий отдельными памятниками истории и культуры, современной архитектурой и развивающийся как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения [6, с. 117].

Уже Декарт утверждает в начале своего «Рассуждения о методе», что города, которые сложились исторически и не могут полностью избавиться от иррациональности естественного порядка, должны быть полностью снесены, чтобы на освободившемся месте построить новые, рациональные, совершенные города [32, с. 250-296]. Утопичная мечта о полной разумности, ясности и подконтрольности городской среды приводит, таким образом, к разворачиванию исторической динамики, которая проявляется в постоянной перестройке всех областей городской жизни.

В XX в. начинается интенсивная урбанизация, отмеченная «психологией крупной страны», «сопротивлением» пространства, «географической эйфорией» от безбрежных пространств, «безграничных» ресурсов и возможностей России, от естественного желания освоить и охватить все неосвоенное и в возможно более короткие сроки [53]. Пространство исторического малого города для этих перемен не подходит, возникает желание начать строительство города заново, с чистого листа. На его месте возникает культура городского посада, пригорода, занимающего как бы промежуточное положение между селом и городом [133].

Малый город в XX в. становится местом революций, переломов, новых начинаний, мимолетной моды, постоянных изменений стилей жизни. Появляется новый культурный тип города – город постоянных трансформаций, а затем стаг-

нации, апатии пространства и времени бытия горожанина. Борис Гройс отмечает в качестве основных характеристик такого города декаданс, опасность, нервозность [137]. Эти ощущения горожанина можно объяснить деформацией социокультурного пространства города, в котором «все постоянно преаается взрыву или сожжению, поскольку вновь и вновь предпринимаются попытки расчисить место для грядущего, для будущего, – но приход будущего без конца отменяется и отодвигается, поскольку обломки уже построенного оказывается невозможно полностью удалить и текущая подготовительная фаза никогда не может прийти к завершению» [137].

В начале XX в. в ходе коренного слома всей российской государственности, голода 20-30-х гг., ускоренной индустриализации Бузулук приобретает черты типичного советского городского поселения. Стандартные образцы городской архитектуры «сдавили» исторический центр. Завод тяжелого машиностроения, машиностроительный и ликероводочный заводы, городской элеватор создали своеобразные промышленные точки. Культурный ландшафт города был представлен однообразным советским набором: дом культуры, библиотека, школа, техникум. Город как будто расширялся и развивался, а на деле усугублялся псевдогородской статус его жителей.

У городского пространства в XX в. появляется новая стратегическая задача – задать временные координаты города будущего, разорвав связи с историческим городом прошлого. Модус будущего времени становится доминирующим для городской культуры. Патриархальная деревня в сознании человека XX в. теряет какую-либо ценность, а «суть» города в течение века начинает заново конструироваться. Но выйдя за рамки исторического, традиционного города, очеркнув свое прошлое, Бузулук так и не приобрел истинно современные черты, не ощутил своих перспектив в будущем.

Форма города, заданная советским плановым хозяйством, превратила город в «тару» для размещения нового индустриального производства и рабочего населения. Минимизация расходов на культуру и образование разрушила и подточила уже сложившиеся городские традиции. Занятые огородами и уходом за скотом, жители города постепенно теряли потребность в городской коммуникации и культуре. Зависимость горожанина от своего натурального хозяйства не могла не вызвать маргинализацию городского населения. Горожане потеряли интерес к городским профессиям и образу жизни, а пригородные зоны агломераций расширяли пространство города дачами и садами. Минимизировав расходы на культурную городскую политику, правительство отдало город на растерзание псевдогородской культуре, обусловленной статусом городского поселения и привычными архитектурными штампами городского ландшафта.

В современных условиях Бузулук как типичный город постсоветского пространства пытается заново определить свои культурные координаты в сложных условиях глобализации и модернизации, ощутить собственный неповторимый образ и облик, позволяющий увидеть будущие перспективы, точки роста.

Пока пространство города определено сугубо эксплуатационными доминантами – рынками, магазинами, торговыми центрами, где горожанин потребляет товары и услуги, чтобы обрести некое подобие «смысла» быть горожанином. Эту особенность социокультурного восприятия города как торгового центра проследживает Ж. Бодрийяр, отмечая, что гипермаркет служит пространством «операционной симуляции социальной жизни» [16, с. 143]. Попасть в эксплуатацию – это когда тебя используют по какой-то полезной функции, но при этом не интересуются твоей личностью, духовностью, твоим собственным вектором развития. В таком эксплуатационном формате горожанин практически гарантированно со временем превращается в обывателя – человека, лишённого общественного кругозора и личной стратегии развития, живущего только мелкими интересами и озадаченный выживанием в сегодняшнем дне.

Жизнь в малом городе превращается в бытование. Горожанин ощущает себя провинциалом, для которого городская жизнь – это ощущение своей ущербности по сравнению с насыщенной впечатлениями жизнью жителя мегаполиса. Появляется новый тип обывателя – мещанина XXI в., обсуждающего новую модель сотового телефона, сюжет сериала, героев ток-шоу. Его жизнь задана стагнационным хронотопом, черты которого точно описал М. Бахтин в хронотопе провинциального городишки еще в начале XX в. «Такой городок – место циклического бытового времени. Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся «бывания». Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, круг месяца, круг всей жизни.<...> Оно знакомо в разных вариациях и по Гоголю, и по Тургеневу, по Глебу Успенскому, Щедрину, Чехову. Приметы этого времени просты, грубо материальны, крепко срослись с бытовыми локальностями: с домиками и комнатами городка, сонными улицами, пылью и мухами, клубами, бильярдными и проч. Время здесь бессобытийно и потому кажется почти остановившимся. Здесь не происходит ни «встречи», ни «разлуки». Это густое, липкое, ползущее в пространстве время» [13, с. 182].

Такой город, как и человек в этом городе, не стремится экспериментировать, он не желает меняться, ориентируясь в лучшем случае на прошлое, а то и вовсе утопая в настоящем – бывании. Такой город не способен к саморазвитию, не может генерировать новое, не желает строить планы. Горожане пассивны и неспособны к самоуправлению, проявлению гражданской ответственности,

инициативности, предпринимательской активности. Это неразборчивые потребители товаров и скромного набора услуг. Теории рационального выбора не для них. Для них важна позиция или ранг в социальной иерархии, но отсутствует способность задать ту систему горизонтальных связей, которая необходима для формирования подлинной гражданской культуры. Они пассивно подчиняются сложившейся системе власти, основанной на связях и близком родстве.

Тем не менее исследователи отмечают, что исторические города России, в том числе и Бузулук, пережившие социокультурные трансформации XX в., сохранили особую организацию пространства и времени, которая обладает особым культурным потенциалом.

В пространстве Бузулука особенно сильна «архитектура земли», которая отличается первозданным ландшафтом, растворением в окружающей природной среде. Антропогенное воздействие на естественный ландшафт при постройке города было очень органичным: прокладка дорог и строительство были организованы с учетом особенностей рельефа, заболоченности участков. Для постройки использовались в основном пойменные земли на изгибе реки, окруженные лесистой местностью.

Пространство города отличает сомасштабность с человеком – большая часть города представлена малоэтажной частной застройкой. Город не подавляет ни природу, ни человека громадными сооружениями, как это происходит в городах-гигантах, он органически вписывается в окружающий ландшафт.

Бузулук как типичный малый город является достаточно комфортной средой обитания людей в первую очередь из-за своих скромных размеров. В нем все близко, все расположено в пределах пешеходной доступности, поэтому, как правило, нет надобности в городском транспорте. Здесь спокойный ритм жизни, отсутствуют спешка и суета, есть возможность непосредственно и каждодневно ощущать природу, чувствовать себя ее частью.

Как и другие малые города, Бузулук в отличие от мегаполиса способен создать более гармоничные площадки коммуникации, единую коммуникативную среду. Он говорит со своими обитателями на близком и понятном языке знакомых, друзей, родственников. Пространство города, освоенное в мелочах и знакомое с детства, не содержит тайн и опасностей, а заранее готовит горожанина к восприятию, действию в самом широком смысле (как внутреннему, так и внешнему). Его коммуникации имеют характер более близкого, неформального, личного взаимодействия. Здесь принято здороваться в магазинах и интересоваться личными делами начальника, знать в лицо городских чиновников и соседей по улице.

Таким образом, горожанин малого города имеет множество преимуществ, в том числе он защищен более четкой и понятной системой коммуникации, в свою очередь определенной более органичной структурой и цикличностью времени. «Времена года, погода, естественное поведение обитающих рядом и вместе с ним задают естественный строй времени, и если сжиться с ним, то и проблем почти не возникает. Однако такой ритм, хотя по-своему органичен, хорош и привлекателен, но не всегда позволяет человеку совершать волевые интенсивные усилия для самоустроения жизни, задать новый темп своей деятельности, сколь-нибудь независимый от окружающей природы» [21, с. 168].

Исследователи также отмечают особый культурный потенциал малых городов. Возможности их возрождения связывают с расширением гражданской активности горожан, в том числе с использованием их привязанности к своему городу. Судя по результатам наших опросов, привязанность к своему городу, несомненно, существует [8, с. 35-39].

Жизнь каждого исторического города индивидуальна, она имеет свои особенности. В этой индивидуальности заложены возможности развития тех уникальных элементов города, которые могут быть использованы в разработке программы его дальнейшего развития. Образ каждого малого города во многом определен его базовыми функциями, окружающим ландшафтом, его удаленностью от центра региона и столиц.

Гармоничное пространство и ощущение времени малого города позволяют ощутить его своим, личным пространством, способным пробудить творческий потенциал и гармоничные отношения человека и места. Исторический малый город, хотя и подверженный кардинальным перестройкам исторического ядра и дисфункциональным сбоям, имеет больше шансов обретения себя за счет более гармоничной и органичной пространственной и временной организации, основанной на длительной исторической памяти. В результате формируется такая историко-культурная среда, которая может дать человеку ощущение устойчивости и защищенности.

Глава 3.

Время молодежи в городе

3.1. Проекции будущего: студент в городе

Хронотип – один из возможных методологических инструментариев, позволяющий исследовать не только семиотические поля конкретной культуры, но и ментальность ее различных субъектов, в том числе и такой социальной группы, как молодежь. Положенный в основу анализа, хронотип позволяет выявить тот образ будущего, который сложился у современных молодых людей, их степень уверенности в завтрашнем дне, актуальность тех или иных «социальных лифтов», стратегий организации времени и многое другое. Данное направление исследования приобретает также особую актуальность в связи с межкультурными коммуникациями и практиками международного сотрудничества. Не секрет, что в социокультурных кодах российской молодежи заложено знаменитое «авось», то есть привычка полагаться на случайность или чудо, в то время как европейская социокультурная традиция опирается на то, что одним из важных инструментов успешной социализации, профессиональной самореализации является ответственный и мотивированный тайм-менеджмент.

Ниже приводятся результаты исследования, проведенного авторами, целью которого являлось определение темпоральных структур культуры (хронотипа) на микроуровне (в личных биографических проекциях). Анализ осуществлялся на материалах интервью студентов Самарского государственного медицинского университета.

Содержание всех интервью было систематизировано по шести основным пунктам:

- оценка своего прошлого;
- оценка своего настоящего;
- прогнозы на будущее;
- проблемы в тайм-менеджменте;
- взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего;
- темп жизни.

Оценка своего прошлого у студентов неоднородна: от положительных оценок до отрицательных, от признания необходимости помнить о нем до отказа от него. Так, например, Анастасия отвечает: *«10 лет моей школьной жизни были до-*

статочны успешными и интересными благодаря родителям и семье. Я всю жизнь занималась спортом, большую ее часть посвятила акробатическому рок-н-роллу, всегда старалась хорошо учиться, окончила школу с золотой медалью. Мое поступление в СамГМУ стало логическим завершением этого этапа моей жизни, к которому я готовилась на протяжении двух последних лет обучения в школе».

Алёна тоже придает большое значение этому этапу в своей жизни: «Я ценю свой прошлый опыт, всегда учусь на ошибках, не забываю не только историю своей жизни, но и историю государства. Я считаю, что нужно учиться на ошибках прошлого и трактовать их. Считаю, что это очень умно – возвращаться к прошлому».

Мария считает, что прошлое ценно, только если оно дает урок для настоящего: «Я вот считаю, что прошлое – прошло, за него можно держаться, точнее, нельзя держаться... К нему можно обращаться как, скажем так, к опытному прошлому, но не более... прошлым жить нельзя».

Трагические события в жизни некоторых студентов не позволяют дать положительную оценку этому периоду (у Николая – смерть родителей несколько лет назад, у Валерия – самоубийство друга в 16 лет).

Продуктивность жизни в настоящий момент также оценивается по-разному. У Анастасии наблюдается стремление максимально полно использовать свое настоящее: «Я стараюсь работать над собой, я достаточно хорошо учусь». Она стремится тратить максимум свободного времени, остающегося после учебы, на то, чтобы «быть интересным, всесторонне развитым и вменяемым в современном обществе человеком: вычитать какой-то хоть минимальный объем книг, журналов, посмотреть достаточное количество новостных выпусков, сходить в театр, в кино».

Мария считает данный этап своей жизни ключевым: «Я считаю, что у меня сейчас самый главный жизненный этап». Она оценивает его позитивно: «Того, что есть у меня сейчас, для меня пока достаточно».

Алёна и Мария делают акцент на жизнь в отрезке сегодняшнего дня: «Я стараюсь жить настоящим» (Мария), «Я хочу сделать сейчас все четко. Я хочу жить сегодняшним днем, а не думать о завтрашнем. Нужно сейчас все планировать и делать все хорошо» (Алёна).

Николай и Валерий констатируют расхождение между тем, что они считают должным, и тем, что есть на практике. Так, Николай отмечает: «Я стараюсь использовать время более эффективно, но не получается... все время стараюсь заниматься важными делами, но получается – неважными», но это не мешает ему дать положительную оценку своему настоящему: «Как вы оцениваете свое настоящее?» – «Неплохо. Я стараюсь разносторонне развиваться. Учусь, хожу на танцы, в бассейн». Валерий на вопрос о том, ценит ли он время, ответил: «Да, безумно. Сей-

час я стараюсь жить в формате одного дня, то есть использовать свой день по максимуму. Проводить время для себя, как я захочу, конечно же, не ущемляя других... Я стараюсь сделать все, ведь жизнь когда-нибудь закончится и нужно все успеть. Это, конечно же, глобальные фразы, но мне так кажется». В то же время он отмечает, что использует время неэффективно: «Я понимаю, что часто делаю что-то впустую, время уходит непонятно куда... Много гуляю по городу – просто бесцельно. Обычно я сажусь на какой-нибудь автобус и еду до конечной остановки. Мне даже неизвестно, какой это автобус, что за остановка, но интересно узнавать новые места. Обратно добираюсь на другом маршруте. Мне это безумно нравится».

Нестандартный способ организации времени выбран Вероникой – его можно охарактеризовать как «отставать и догонять»: «Я уже поняла, что это, наверное, нормально, что это и есть студенческая жизнь – сначала «гонять лафу», а потом сдавать сессию. Да, это нормально, и я уже ничего не хочу менять».

Мнения всех студентов совпадают во взглядах на будущее. Они используют экспрессивные, положительно окрашенные определения: яркое, интересное, счастливое, насыщенное, перспективное, радостное, познавательное, безбедное. Встречается лишь одно относительно негативное определение: «где-то трудное» (Николай). Лучшие моменты в жизни студенты связывают именно с будущим.

Мария: «Будущее – это наилучший способ реализации самой себя в этой жизни. То есть я должна сделать все по максимуму, так, чтобы моя жизнь была максимально комфортной и хорошей – и для меня, и для моих близких. На самом деле это трудно сформулировать. Мысли есть, а сказать трудно. Это вообще то, какой я вижу себя в идеале, скажем так». Высокий уровень уверенности в своем будущем («обильное, надежное, интересное, счастливое, полезное») автономен от представлений о низком уровне стабильности жизни в стране: «Я считаю, что она есть, но она ниже, чем в других странах. По каким-то своим причинам». В то же время дается низкая оценка «социальных лифтов», существующих в городе: «Я считаю, что у нас будет довольно сложно без каких-либо дополнительных средств что-то здесь организовывать, особенно что-то свое».

Не влияют на положительную оценку будущего и предполагаемые трудности: «Свое будущее я вижу таким же тяжелым, муторным. Постоянно в бегах, надо все успевать делать. Отдыхать некогда. Такая вот активная жизнь. Но мне она нравится. И я все-таки считаю, что лет через десять у меня будет хорошая должность, успешная, состоятельная жизнь» (Виталий).

Вероника и во взглядах на будущее остается верной своему принципу «отставать и догонять»: «Учиться, я думаю, я буду в таком же режиме, то есть много прогуливать». – «Вам предстоит учиться пять лет?» – «Да. Пять. То есть я буду мно-

го прогуливать. Потом все отрабатывать. И меня это абсолютно не напрягает. То есть я думаю, что у меня мало что изменится в жизни. Единственное – я, может быть, начну работать».

Почти все студенты отмечают наличие проблем в своем тайм-менеджменте, но по-разному к ним относятся. Наиболее успешными в тайм-менеджменте представляют себя Алёна и Виталий. Алёна занимается ежедневным планированием своей жизни начиная с 11-го класса: *«Если что-то происходит не по плану, то чаще всего не из-за изменения моего личного графика, а по большей части из-за другого лица. Например, кто-то не может вовремя встретиться или что-то еще происходит. В основном все, что я планирую, я выполняю. Для того я и составляю план, чтобы везде все успеть. Я постоянно в него заглядываю – может быть, какие-нибудь напоминания в телефоне напишу, чтобы поздравить человека, или что-нибудь еще».* Утверждает, что такой образец поведения заимствовала у мамы: *«Я думаю, это все идет от мамы. Потому что мама всегда с блокнотом, всегда при звонке любого человека, будь то родственник или какой-то пациент, сидит с блокнотом, всегда знает, что у нее по плану. Я думаю, что от нее унаследовала эту черту характера».*

Анастасия всегда выполняет главные дела – из ее поля зрения могут выпасть только незначительные: *«Мне кажется, что даже у человека профессионального в тайм-менеджменте может что-то не получаться. А в мои восемнадцать можно что-то и не успеть».* Считает, что своей организованностью обязана примеру семьи: *«Я думаю, все хорошее, что во мне есть, – целеустремленность, трудолюбие, ответственность – мне дали отец и брат».*

Мария крайне отрицательно относится к присутствию в своей жизни данной проблемы: *«Иногда даже распланировать бывает тяжело. Я знаю, что завтра нужно делать вот это и это, но порой так получается, что сделать ничего не успеваю. И это начинает сильно раздражать. Часто приходится или делать это поздно вечером, даже ночью, или откладывать, причем даже на выходные... Я просто разрываюсь».* Считает главной проблемой, мешающей эффективному тайм-менеджменту, лень: *«Нужно сейчас приложить усилия. Убрать эту лень, убрать всю эту шелуху и бороться с собой».* – *«Вы боретесь со своей ленью?»* – *«Да, это ужасный порок, который мне очень мешает жить. Иногда даже на лекции хочется вздремнуть, потому что тепло, хорошо и так медленно читают...»*

Николай не может точно сформулировать причины своих проблем в управлении временем, выделяя лишь одну из них – пробки на дорогах: *«Надо все успеть – туда, туда, а тут пробки еще...».*

Свою проблему в тайм-менеджменте Валерий описывает так: *«У меня проблема в том, что я не планирую день. Как получается, так и получается. У меня даже планы не получаются. Когда я планирую, то все, наоборот, не получается».* С его точки зрения, проблема нерационального использования времени заключается в следующем: *«Отсутствие цели, может быть. Даже не цели, а скорее стремления к цели».*

Как можно заметить, наличие проблем в тайм-менеджменте не мешает студентам положительно оценивать эффективность использования своего настоящего и уверенно смотреть в будущее.

Но существует и совершенно противоположный взгляд на проблему, согласно которому спонтанность более приемлема, нежели четкое планирование: *«Надо строить планы примерно, то есть чтобы, грубо говоря, не сходиться с правильной дорожки. Двигаться в направлении. Но при этом не следовать четким инструкциям. То есть надо иметь распорядок дня. Есть люди, у которых он есть. А для меня это нечто непонятное... Раньше у меня было так: сначала я еду туда-то, потом туда-то, потом мне надо сделать то-то, то-то и то-то. Я, может быть, что-то не успевала, но все же плана придерживалась. А тут я за час до встречи с человеком еще не знаю, встречусь я с ним или нет. То есть теперь абсолютно ничего не понятно, и мне это нравится»* (Вероника).

С точки зрения Дмитрия, следует лишь рационально планировать день, а планирование жизни в целом особого смысла не имеет: *«Рационально продумывать, мне кажется, нужно день. А продумывать жизнь?.. Все равно не будет так, как ты решил, то есть обязательно будут какие-то отклонения. Нужно наметить вехи для себя: где ты хочешь быть, кем ты хочешь быть и каким ты хочешь быть. И в дальнейшем если ты видишь, что дорога, которая перед тобой открывается, может привести к этому, то ею надо воспользоваться вне зависимости от того, приведет она тебя к тому, что ты хочешь, или нет. Потому что поменять путь всегда, в принципе, можно. Не кардинально, но определенные отклонения в нужную сторону всегда можно сделать. И помогает в этом, наверное, больше интуиция, нежели рациональное мышление».*

Наблюдается осознание того факта, что прошлое, настоящее и будущее взаимосвязаны. Достижения одного периода базируются на достижениях предыдущего. Так, Николай отмечает, что таким своим положительным качеством, как ответственность, он обязан своему кадетскому прошлому (жизнь в кадетском корпусе проходила в отрыве от семьи): *«Я сначала не хотел там быть, но потом стал взрослым, ответственным. Сейчас в Самаре мне легче жить одному после кадетского корпуса».*

Наблюдается стремление выстроить свою сегодняшнюю жизнь так, чтобы она обеспечила успешное профессиональное и личное будущее, то есть содержание настоящего определяется представлениями о будущем. Так, Николай трактует понятие «хорошая работа» как «работа интересная, приносящая признание пациентов»: «Я хочу, чтобы люди говорили обо мне: вот это хороший врач, я буду у него лечиться»; «состоявшийся человек» – «прежде всего имеющий счастливую семью, хорошую работу, которая нравится. Если работа будет нравиться, то человек будет успешным». Исходя из этого формулируется должный образ жизни: «Надо как следует учиться. Если ты что-то не знаешь, то надо выучить: больше тратить времени, читать дополнительно». Николай утверждает, что готов к такому образу жизни, но на практике это не всегда получается. По собственной инициативе он нашел работу по специальности, которую планирует совмещать с учебой: «Я думаю, надо сразу устраиваться работать по тому направлению, по которому собираешься потом работать. Например, в хирургическое, чтобы смотреть, что представляет собой эта работа».

«Хорошая работа» для Анастасии – «та, которая дает возможность карьерного роста, позволяет реализовываться, на которую ты идешь с удовольствием. И заработная плата должна быть тоже достойной». «Успешный человек» – это «человек, который небесспорно ощущает себя свободным, который не придумал свою свободу, у которого она есть на самом деле. Который благодаря своей работе, своей реализации может говорить: есть я, я считаю вот так, а вот это неправильно, нужно делать вот так-то. Который может свободно общаться с разными людьми». Качествами, необходимыми для успешного будущего, Анастасия считает профессионализм и развитый духовный мир, умение мыслить самостоятельно. В настоящее время для достижения этих идеалов она стремится к высокому уровню усвоения знаний, даваемых в университете, занимается на курсах английского. Считает, что на работу нужно выходить как можно раньше: «Я считаю, что работать надо начинать как можно раньше. Как только чувствуешь, что у тебя появилось свободное время, которое ты можешь посвятить работе, – нужно скорее идти искать работу». Но себе она работу не ищет: «В нашем университете сложно совмещать учебу и работу, приходится делать выбор. А мне кажется, что если его делать, то лучше в пользу учебы, потому что возможность в будущем найти себе хорошую работу, справляться с обязанностями – это важнее, чем зарабатывать деньги сейчас». На данный момент приоритетом она считает получение специальности, самообразование, саморазвитие, что должно обеспечить ей желаемое будущее.

Девиз Виталия: «Нет цели – нет будущего». «Меня когда-то учили планированию, постановке целей: если нет целей, то нет и будущего, без цели ничего не

добьешься. Поэтому я стараюсь ставить себе цели. Вот сначала мне нужно купить автомобиль, причем иномарку не дешевле пятисот тысяч рублей. Потом мне нужно построить свой дом. Это цели на пять лет. Я специально это все рисовал, чтобы систематизировать свою жизнь, чтобы достигать чего-то, а не жить впустую. Ну и, само собой, каждая цель предварительно расписывается на много-много мелких шагов. Делая понемногу все эти шаги, я все равно дойду до своей цели, в срок или не в срок, но дойду...»

Алёна не рассматривает карьеру как главную цель, а хочет больше времени уделять семье. Но так как считает, что наличие высшего образования обязательно, то учебе уделяет много времени: *«Я считаю, что человек должен получить образование и только после этого может заниматься семьей»*. Она хорошо говорит на английском языке, изучает итальянский, хочет начать изучать немецкий. Утверждает, что ей в жизни это пригодится, но не уточняет, каким образом.

Мария планирует открыть свой стоматологический кабинет, для чего необходимо получить второе высшее образование – экономическое. Планирует совмещать учебу и работу по специальности. Но реализация этих планов откладывается на неопределенное будущее: *«Я собственное время не могу еще в кучу собрать, не то чтобы на работу идти»*. Второй аргумент – на работу не пускают родители. Однако стремится, чтобы планы на будущее сбылись: *«Я учусь изо всех сил, тяжело идет, но стараюсь»*.

Валерий: *«Будущее туманно для меня, мне кажется, что оно будет складываться из тех дней, которые есть сейчас. Завтра – это уже частица будущего»*. Туманные очертания будущего у него включают в себя планы организовать выставку своих работ (он делает композиции из металлических конструкций). В связи с этим формируется специфика настоящего – учеба в университете (на социологическом факультете), не имеющая непосредственного отношения к реализации мечты, оценивается как пустая трата времени: *«Я вот два года учусь в университете, и по большому счету университет ничего не дает. Можно сказать, что жизнь замирает, когда находишься в университете. Просто отсиживаешь пары, уходишь домой и только потом начинаешь заниматься тем, что тебе интересно. Если лекция неинтересная, я рисую, читаю. Иногда получают эскизы – какое-то подобие того, что я хочу реализовать»*. У Валерия также ярко проявляется понимание связи между достижениями в настоящем и успехами в будущем. Но несмотря на это в его поведении присутствует расхождение между должным и наличным. Например, отвечая на вопрос о том, когда нужно начинать искать работу, он говорит, что искать работу нужно во время учебы, *«потому что после учебы будет трудно. Человек должен учить-*

ся и двигаться дальше, не стоять на одном месте». Но сам он работу не ищет: «У меня сейчас нет такой цели – найти себе постоянную работу, даже нет такого желания». Его цель на сегодняшний день – прийти в согласие с собой.

Все студенты характеризуют свой темп жизни как высокий, но он не для всех комфортен. Виталий, Анастасия и Алена считают этот темп единственно приемлемым для себя. Анастасия: «Мне очень комфортно. Я чувствую, что не теряю времени зря. А когда я чувствую, что в моей жизни что-то замедляется, останавливается, появляются какие-то пустоты, я начинаю немножко расстраиваться, появляются депрессивные настроения: жизнь уходит, какой кошмар!». Алёна: «Мне, например, очень нравится, когда так закручиваешься, что еле-еле что-то успеваешь. Чем больше у меня планов, тем больше я успеваю... Я вообще хочу, чтобы неделя была 20-дневной, потому что на самом деле мне не хватает времени на многие вещи». Виталий: «Утром или даже вечером, перед тем как лечь спать, я составляю план на следующий день. Куда успеть, что сделать. Как правило, за день мне нужно посетить около 10 точек и в каждой точке сделать по 10 дел. То есть все это расписываешь. И это очень хорошо, это является знаком качественной жизни, когда в распорядок дня не входят приемы пищи, сон, какие-то физиологические потребности, когда это все между делом, то есть ты не думаешь о еде, не думаешь о сне – у тебя другие вещи стоят на первом месте. Но думаешь о здоровье: спортзал, плавание какое-нибудь. А на первом месте все-таки дела, люди, взаимоотношения, общение и работа. Собственно, надо как-то отличаться от животных, которым нужна только пища и сон. Вот и стараешься очеловечиваться таким образом. В распорядке моего дня – в основном дела, встречи... Мне кажется, что в жизни человека не должно быть свободного времени, потому что время уходит. Нужно все время использовать, каждую минуту».

Мария, Николай и Валерий предпочли бы снизить темп жизни. Так, например, Мария по поводу количества событий в своей жизни отвечает: «Мне кажется, их чересчур много. Хотелось бы жить поспокойнее». У Валерия желание использовать день по максимуму соседствует с тяготением к медленному темпу жизни: «Темп жизни? Не знаю, почему у меня сейчас такая фраза вертится на языке: «пусть весь мир подождет». Вообще никуда не хочется торопиться, хочется, чтобы все остановилось и ничто никуда не двигалось, не знаю почему. Когда стоит автобус, я специально иду не торопясь, люблю подождать другой автобус, чтобы я никуда не торопился, вообще никуда. Не люблю делать лишний шаг, лишнее движение... А раньше я все время торопился. Кстати, проблема одна была: я все мысли в одно предложение умещаю, так быстро начинаю тараторить. Может, и сейчас я быстро говорю. Но раньше я вооб-

ще все время тараторил. Меня все время переспрашивали, что я сказал. Я вообще считаю, что спешка – огромная проблема нашего общества. Люди экономят время, а потом не знают, что с этим временем делать. Торопятся неизвестно куда».

Проведенное исследование позволило сделать ряд существенных выводов:

– роль прошлого в жизни студентов колеблется между двумя полюсами – от признания его полезности до почти полного отказа от него (жизнь в рамках сегодняшнего дня; «прошлое прошло»);

– эффективность использования настоящего оценивается по-разному: от утверждений, что студент способен на эффективный тайм-менеджмент, до признания расхождения между представлениями о должном и наличной ситуацией;

– будущее всеми студентами оценивается исключительно позитивно, демонстрируется высокий уровень уверенности;

– проблемы с тайм-менеджментом, наличие которых признается большинством студентов, не мешают позитивной оценке настоящего и уверенному взгляду в будущее. Можно заключить, что на данном жизненном этапе студенты не видят непосредственной связи между эффективным использованием времени в настоящем с успехами в будущем;

– у студентов, имеющих четкие представления о своем будущем, ярко прослеживается влияние картины желаемого будущего на содержание настоящего (ставят определенные приоритеты, помимо учебы наполняют свою жизнь теми или иными видами деятельности – работа по специальности, курсы иностранного языка и др.);

– у студентов, не имеющих четко сформированных жизненных целей, эффективность использования времени в настоящем значительно ниже, чем у их сверстников, обладающих такими представлениями;

– другим фактором, влияющим на формирование навыков успешного тайм-менеджмента, является пример родителей, старших братьев, сестер;

– все студенты констатируют, что их темп жизни высокий, но не для всех он комфортен. Высокий темп жизни связывается со спецификой данного этапа их жизни – овладением профессией, закладыванием основ для последующих жизненных этапов.

3.2. Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа молодежи малого города

В «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта есть примечательный эпизод. Исследуя содержимое карманов Гулливера, лилипуты были озадачены при виде найденной ими «диковинной машины». Этот «предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла; когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши уперлись в это прозрачное вещество. <...> Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся к последнему мнению, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека Горы), он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни» [73, с. 78].

Что это был за предмет? Разумеется, это часы! А вот лилипуты решили, что это божество (или, точнее, идол) европейского человека.

Литературный прием, который применил здесь Свифт, называется «остраннение» – изображение привычного как странного и удивительного, позволяющее взглянуть на обычные вещи «со стороны». Но остраннение существует не только в литературе. В сущности, этнография и этнопсихология никогда не занимались ничем другим, как только «остраннением». Любопытство к быту (к «содержимому карманов») и к особенностям восприятия мира различных народов и национальных групп дает возможность познать жизнь и «других», непохожих на нас людей, а затем взглянуть на себя их глазами и увидеть самих себя с новой точки зрения.

Такую попытку предпринял американский психолог Р. Левин в книге «География времени» [109]. Левин исследовал темп жизни (pace of time) в более чем пятидесяти странах по всему миру, в городах, деревнях и местечках. Оказалось, что не только темп жизни, но и параметры ощущения и измерения времени в разных местах и у разных народов различаются очень сильно. Например, в деревне африканского народа бурунди на вопрос «когда?» могут ответить не «в восемь тридцать», а «перед закатом, когда стадо вернется с пастбища». Пожалуй, бурунди европейская привычка сверять время по часам показалась бы не менее странной, чем лилипутам. Может быть, и они могли бы сказать, что в европейской подчиненности линейному времени, измеряемому синхронизированными часовыми механизмами, есть нечто рабское и даже присутствует некий элемент идолопоклонства.

Говорят, что время – это ткань, из которой соткана наша жизнь. Но эта ткань соткана из разных нитей, которые по-разному прядутся и по-разному сочетаются. Наше индивидуальное восприятие времени моделировано культурой. Ребенок, живущий в естественном природном ритме (сытость – голод, еда – отправление естественных надобностей, бодрость – усталость, сон – пробуждение), должен научиться дополнительным параметрам восприятия и ощущения времени, принятым в его общине, в его культуре, – иначе он не сможет в них вписаться и станет изгоем.

Эти параметры и их соотношения, очевидно, в разных культурах очень разные. В отличие от ньютоновских абстрактных и единых координат пространства и времени, время культуры множественно. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе» показал, что время является основой организации литературного сюжета: особые концепции времени характерны для любовного романа, пикарески, биографического романа воспитания и т. д. Бахтин назвал эти «формы времени» хронотопами. Авторы романов не изображают хронотопы, но опираются на парадигмы, существующие в жанре, в его «памяти», то есть в своего рода «коллективном бессознательном» культурной традиции.

Но ведь и реальная, повседневная человеческая жизнь смоделирована и организована в соответствии с определенными «формами времени», существующими в культуре. Двадцать лет назад в Стэнфордском университете вышел сборник «Chronotypes: The Construction of Time», редакторы которого, ссылаясь на бахтинский термин «хронотоп», предложили называть эти формы реального времени хронотипами. Хронотипы – это модели, внутри которых время получает практическое и/или концептуальное значение. Время в культуре не дается нам готовым. Оно постоянно конструируется, строится. Хронотипы создаются и изменяются на индивидуальном, социальном и общекультурном уровне. Они взаимодействуют друг с другом – и очень часто находятся в конфликте [95].

В мультикультурном обществе одновременно действуют разнонаправленные процессы унификации и диверсификации. «Мир стал очень тесным и очень разным» (А. Вайль, П. Генис). В кварталах мегаполисов, населенных различными этническими и культурными общинами, не только говорят на разных языках – там и время течет по-разному. В современном Израиле живут евреи, израильтяне – но и они очень разные, и эта «разность» видна очень отчетливо. В одном небольшом государстве сосуществуют люди, живущие в совершенно разных временных парадигмах. В центральных и северных кварталах Иерусалима утром в пятницу кипит жизнь, магазины полны народом, в домах гудят пы-

лесосы. Ближе к закату движение становится все более лихорадочным, а затем замирает. За полчаса до того, как гудок сирены возвестит зажигание субботних свечей⁹, улицы стихают, становятся безлюдными, а затем из домов к синагогам начинают стягиваться мужчины и дети, торжественно шествующие на вечернюю молитву (женщины в это время обычно накрывают на стол). А в это время в Тель-Авиве бурлит жизнь, зажигаются огни, поток машин становится все более интенсивным, кафе и бары наполняются народом, из дискотек залпами вырывается громкая музыка – нечто совершенно немыслимое для Иерусалима. Тель-Авив и Иерусалим живут по одним и тем же синхронизированным часам, но в разных ритмах. Но и внутри некоторых израильских городов (Иерусалим, Хайфа, Нетания) разные кварталы различаются по хронотипам.

Попытаемся сопоставить разные хронотипы: хронотип современного развитого индустриального общества (на основе данных американских и европейских антропологов) и еврейский традиционный религиозный хронотип (на основе данных, собранных автором и студентами).

Изучение личного времени – захватывающее занятие, оно как окошко в личную, семейную жизнь человека. Никто в этих интервью не делает душераздирающих признаний, не пытается раскрыть тайны своего подсознания. Все информанты описывают обычный образ жизни, одновременно и личный, и типичный. Использование времени дает яркое представление об идентичности – о том, к какой общности принадлежит человек и в чем заключается его индивидуальная особенность внутри этой общности.

Журнал «USA Today» регулярно проводит опросы на тему «использование времени». Результаты опросов показывают, что восприятие времени американцами «драматически изменилось» с 1987 г. Жизнь американцев от года к году становилась все более напряженной. Вот некоторые из результатов. В 1987 г. с утверждением «В прошлом году ваша жизнь стала более напряженной» согласилось 47 % информантов, в 2008 г. – 51 %. «Ваша семья сидит вместе и обедает каждый вечер»: в 1987 г. с этим утверждением согласились 59 % опрошенных, в 2008 г. – 20 %. «Вы хотели бы проводить больше времени с семьей и друзьями»: 1987 г. – 80 %, 2008 г. – 90 %. «Если бы у вас было свободное время, вы бы провели его с семьей»: 1987 г. – 46 %, 2008 г. – 31 %¹⁰ [112, 151]. Расхождение между ответами на два последних вопроса – это разница между тем, чего бы человек вообще желал и что бы он сделал, если бы мог. Даже если бы у американцев вдруг стало больше свободного времени, они бы потратили его на работу.

⁹ Женщины зажигают свечи в пятницу за 20 минут до заката (в Иерусалиме – за 40 минут). В Субботу не принято зажигать огонь, включать электроприборы, готовить пищу, мыть полы, вытирать пыль или стирать, поэтому все приготовления должны быть сделаны заранее, до зажжения свечей.

¹⁰ В свою очередь, согласно исследованию Робинсона и Гудби, в 1985 г. американцы чувствовали себя более загруженными, чем в 1965 г., хотя объективно у них стало больше свободного времени.

Американский социолог Ф. Зимбардо рассказывает: «Мы спросили: «Представьте, если бы у вас было восемь дней в неделю, – что бы вы сделали?» В основном отвечали: «Это здорово, я бы больше работал, чтобы достичь большего!» Это не то, что люди хотели бы, но это то, что они выбрали: не друзья, не семья, даже не сон!» [118].

Хотя во второй половине XX в. в повседневную жизнь обитателей развитых стран вошло множество приспособлений, высвобождающих время, – от памперсов, микроволновых печей и стирально-сушильных машин с разными программами до скоростных поездов и Интернета, это не освободило их пользователей от спешки. Интересно, что глагол *hurry*, в современном английском языке имеющий значение «спешить», вначале употреблялся в значении «захватывать территорию» (первое зафиксированное употребление – IX в.) и только с XII в. начинает употребляться применительно ко времени¹¹. В XIV – XVI вв. это слово приобретает еще более абстрактные значения, близкие к *harass* (беспокоить, изводить) и даже *torment* (мучить, пытаться). Спешка – это пытка, но она же, как ни парадоксально, может служить показателем социального статуса и предметом гордости. Шведский социолог С. Линдер так и назвал свою книгу, вышедшую в 1970 г.: «Спешащий праздный класс» [110]. Речь в ней шла как раз о том, что в развитых современных обществах чем выше уровень жизни, тем более человек спешит, *hurried*, «замучен». Зимбардо отмечает, что в США провели рейтинг 60 городов с высокими или низкими темпами жизни, и оказалось (как и следовало ожидать), что у жителей городов с высоким темпом жизни наиболее высок уровень сердечных заболеваний.

Важно отметить, что возрастание спешки не всегда связано с увеличением количества работы. Изменилась сама структура рабочего времени. В последней четверти XX века в жизни развитых стран появилось еще одно новшество: более гибкий график работы. Стандартный, общий для всех временной график «от 9 до 5» и «от понедельника до пятницы» уходит в прошлое. Его место занимает «общество 24 часов» с индивидуальными временными ритмами [97, 101]. Сокращается количество и временная протяженность жестко организованных ритуалов, таких как вечерняя семейная трапеза [105]. Казалось бы, что может быть лучше свободы? Можно развлекаться, когда хочется, а не именно в выходной или праздник; работать в соответствии с желанием – с утра, вечером или ночью, принимать пищу, когда есть аппетит, а не тогда, когда ее готовят и подают всем. Однако, как ни парадоксально, согласно исследова-

¹¹ Известно, что все слова, означающие время и временные соотношения, – метафоры, первоначально они означали не временные, а пространственные отношения. Э. Кассирер связывал это с тем, что пространственные отношения более наглядны и поэтому начинают осмысливаться раньше, чем временные, для понимания которых нужно развитое абстрактное мышление.

ниям начала XXI в., дестандартизация времени приводит к еще большему ощущению напряжения.

Как любая свобода, освобождение личного времени от внешней регламентации создает новые проблемы. Первая из них – рассогласование жизни семьи. Если у каждого члена семьи свой собственный жизненный график, им не только не удастся вместе пообедать или поужинать – зачастую им вообще не удастся пересечься¹². Отчуждение между супругами, между родителями и детьми (не говоря уже о более отдаленной родне) обостряется не столько из-за того, что все заняты, сколько из-за того, что все заняты в разное время. Возникает ощущение, что работа вторгается в частную жизнь, которая превращается в temporal prison («тюрьму времени») [104]. Вторая проблема – повышенное ощущение ответственности за организацию времени, поскольку теперь она в большей степени поддается личному контролю (и сопровождается чувством вины). По наблюдениям английского антрополога Д. Сазертон, люди страдают от спешки не оттого, что они много работают, а оттого, что они одновременно живут в разных временных рамках, одна из которых накладывается на другую, и это является источником стресса. Однако тут как раз заложена возможность решения первой проблемы. Некоторые информанты Сазертон рассказывали, что они составляют координированные графики с тем, чтобы проводить больше времени с семьей и друзьями [115]. Это значит, что если члены семьи имеют четкий порядок приоритетов, они в принципе могут решить проблему рассогласования семейного времени. Но это требует больших личных волевых усилий и самоконтроля, поскольку общество и традиция все меньше регламентируют извне индивидуальные временные графики.

Регламентаций становится все меньше, но неизменным остается общий хронотип, за которым просматривается архетипичная форма времени: время – деньги (отсюда выражение «бюджет времени» и т. п.). Время, как деньги, может быть измерено, сосчитано и поделено на сравнимые единицы [94]. Точнее, время – это своего рода сырье, которое человек получает бесплатно и из которого он должен извлечь как можно больше прибыли (в том числе и из свободного времени). Тот, кто зря, бездарно, некачественно тратит время – дурак или даже преступник: он ворует время у себя и у других. В этом смысле и деньги, и время имеют своего рода метафизическую ценность: наличие денег и одновременно отсутствие времени придают жизни смысл, показывают, что человек живет правильно, он востребован. Интерпретация времени как стоимости у Маркса исходит именно из этой модели.

¹² Частный случай этой проблемы – возросшая географическая мобильность, в результате которой физиологические ритмы приходят в противоречие с графиком работы.

Таким образом, на вопрос о том, кто или что заставляет информантов «USA Today», Зимбардо, Сазертон (и других упомянутых социологов) превращать свою жизнь в мучительный марафон, нет однозначного ответа. С одной стороны, это их личный выбор, которым они гордятся. С другой стороны, это форма времени, принятая в той социальной страте, к которой они принадлежат. Среди англичан, принадлежащих к high middle class, «высше-среднему классу», опрошенных Сазертонем, большинство выражали гордость и удовлетворение тем, что много успевают и выдерживают напряженный жизненный ритм, и одновременно признавались, что у них, в сущности, нет выбора: они обязаны много успевать, чтобы держаться на общепринятом уровне жизни и не ударить в грязь лицом перед соседями, родственниками и сослуживцами. Напряженный ритм их жизни продиктован отнюдь не угрозой голода или потери крыши над головой, а необходимостью соответствовать социальному статусу, заставляющей все время сравнивать себя с другими в двух важнейших аспектах: карьера и уровень потребления. В полном соответствии с гегелевской диалектикой рабства и свободы гордые обладатели времени, конвертируемого в материальные ценности (например, дом, сад, машина, отдых, соответствующие определенному социальному статусу), превращаются в его мучеников и рабов.

В еврейской традиции время неоднородно. Время – один из аспектов сотворенного мира, в отличие от доначальной бесконечности, в которой времени не было. Однако, поскольку творение связано с Творцом, в пространстве и времени сотворенной реальности материального мира присутствует некоторая связь с вневременной бесконечностью Первотворения. Эту связь можно назвать «кдуша». Обычно это слово переводится как «святость», но у него есть и другие значения: «отделенность», «полнота, изобилие», «энергия». Когда мистики говорят, что Храм – святое место, имеется в виду, что это место пересечения миров, через которое материальная реальность насыщается энергией высших миров. В аспекте времени святости Храма соответствует святость Субботы¹³. В отсутствие Храма и вообще всякого собственного места Суббота на много веков стала еврейским святилищем, доступным в пространстве изгнания.

Обсуждение философских проблем времени в еврейской религиозной философии очень часто связано с экзистенциальной проблематикой рабства и свободы. Раб отличается от свободного человека именно тем, что он не властен над своим временем. Заповедь о соблюдении Субботы проводит параллель между еврейскими этиологическими мифами: о Сотворении мира, об Исходе из Египта (сотворении народа) и о грядущем мессианском избавлении. См., например, у р. Авраама Йеошуа Гешеля: «Шесть дней в неделю мы заняты освоением

¹³ Понятие "освящение времени" (киддуш а-эман) появляется уже в Вавилонском Талмуде (Трактат Брахот, 49).

мира, это время, которое принадлежит цивилизации. Седьмой день, Суббота, посвящен напоминанию о Сотворении мира и об Избавлении евреев из Египта, исходе из великой цивилизации в пустыню, в которой было явлено слово Бога. Трудясь в течение шести дней, мы участвуем в историческом времени; освящая седьмой день, мы вспоминаем о вневременном начале истории и одновременно о выходе из нее. <...> Быть евреем – значит утверждать мир, не превращаясь в его раба; быть частью цивилизации и одновременно преодолевать ее, осваивать пространство и освящать время» [103].

«Освящение времени», киддуш га-зман – это не только обычай, но и заповедь, категорический императив. Однако встреча Субботы называется не «началом», а «принятием» Субботы. Ее, как и другие заповеди, можно и не принять. Это вопрос выбора: если еврей не хочет соблюдать Субботу, он имеет реальную возможность этого не делать, точно так же как информанты Зимбардо и Сазертонна в принципе имеют возможность работать меньше. (Более того, этим людям платят за работу, тогда как соблюдение Субботы – требует воздержания от работы, которое как раз влечет за собой отказ от некоторой части заработка). И здесь есть диалектика субъективного выбора и объективной принадлежности к группе.

Здесь нет возможности подробно говорить о различных течениях в иудаизме. Но стоит упомянуть, что одним из аспектов «сионистской революции» было, как писал поэт Авраам Шлионский, «новое отношение ко времени – освящение шести дней труда» [114]. Это новое освящение времени вступило в конфликт с традицией. Попытку синтеза этих временных парадигм – старой и новой – осуществило новое направление ортодоксии, возникшее в Израиле в XX в., – национально-религиозное. Попытаемся дать описание хронотипа этого направления. Оно не является единственным – это не вся израильская культура, это только одна из ее многочисленных форм.

Приведем данные опроса жителей Гар-Браха, небольшого поселка в Самарии (июль-август 2011 г.). На начальном этапе исследования было собрано 12 интервью, темой которых была организация личного времени.

Вся жизнь Гар-Браха строится вокруг высшего религиозного училища – йешивы Гар-Браха, в которой учатся или преподают почти все мужчины¹⁴. От Гар-Браха до ближайшего города Ариэля полчаса езды на машине, но машины есть не у всех. Автобус в Ариэль ходит два раза в день, в остальное время можно рассчитывать на попутку. Транспортная проблема накладывает отпечаток на ритм

¹⁴ Изучение Торы в ортодоксальном иудаизме само по себе является ценностью, ее изучают не для того, чтобы получить диплом и профессию, ее можно учить всю жизнь. Многие из студентов йешив после нескольких лет обучения начинают сами преподавать и оказываются так или иначе связанными с той или иной системой образования.

¹⁵ Большинство детских садов в Израиле закрываются в полдень.

жизни поселка: многие женщины работают дома, иначе они не смогут отвести детей в садик и забрать их¹⁵.

Поселенцы Гар-Браха принадлежат к национально-религиозному направлению, внешним знаком которого служат разноцветные вязаные кипы (шапочки, прикрывающие темя) у мужчин, косынки и береты у замужних женщин. Приверженцы этого направления стремятся найти если не гармонию, то хотя бы некий баланс между религиозным и светским образом жизни. Это означает, что почти все они совмещают учебу в йешиве с работой и службой в армии, с получением светского образования и специальности. При этом в религиозных семьях принято рано жениться и выходить замуж, рожать много детей. Учеба, работа, семья – это как бы несколько жизней, в каждой из которых надо многое успеть.

Поскольку мужчины Гар-Браха молятся, учатся и работают, ритм их повседневной жизни очень напряженный и, как правило (хотя и не всегда), требует подробного планирования.

«В разные дни недели у меня разный распорядок. Раз в неделю, по воскресеньям, я езжу в Иерусалим на занятия в колледж Лифшиц. В этот же день по вечерам преподаю компьютер учителям. В понедельник я учусь в йешиве, во вторник работаю в школе, в среду поочередно одну неделю я в йешиве, другую в колледже, в четверг в йешиве, в пятницу утром учусь в колледже Лифшиц или в открытом университете. В тот день, когда я преподаю в школе в Северной Самарии, я прихожу на утреннюю молитву в 5:45 и в 7:30 еду на занятия. В школе я заканчиваю без четверти два, приезжаю домой в три. Обедаю, молюсь послеполуденную молитву в йешиве, немного занимаюсь, потом иду на урок в Талмуд-Тору, потом иду домой, купаю и укладываю детей, по вечерам готовлюсь к занятиям, пишу семинарские работы и т. д.» (Танхум)¹⁶.

Временные рамки в большинстве интервью ориентированы сразу по нескольким параметрам. С одной стороны, есть ритм личного времени, спланированный и скоординированный в связи с ритмами работы, учебы, семьи. С другой стороны, весь этот ритм построен на временных блоках, общих для всего коллектива и связанных с религиозными обязанностями: порядком коллективных молитв в синагоге (утренней, послеполуденной и вечерней) и наступлением Субботы. В свою очередь, ритм религиозных обязанностей связан с природным временем: закатом, появлением звезд и т. д. Летняя Суббота отличается от зимней тем, что она позже начинается и позже заканчивается

«Летом в Субботу вечером я занимаюсь Торой полчаса. В Субботу утром молюсь в семь, потом мы едим утреннюю трапезу медленно, в ритме малышей, и разговариваем, и так до двенадцати. Потом идем отдыхать. Потом я встаю, учу

¹⁶ Имена информантов изменены.

Тору дома до послеполуденной молитвы в 15:30 и иду заниматься в йешиву. Примерно в 17:00 я возвращаюсь, помогаю жене накрыть на стол, принимаю душ, затем третья трапеза, и я иду на вечерний урок Торы (примерно за час до конца Субботы, точное время зависит от времени исхода Субботы)» (Янай).

День начинается вечером, а не утром, соответственно новая неделя начинается вечером на исходе Субботы.

«На исходе Субботы мы с женой договариваемся и решаем, что мы делаем на следующей неделе. Каждый раз бывает что-то особенное. Например, на этой неделе нужно было отвезти машину на тест, и поэтому я выехал на занятия раньше, чем обычно, чтобы отвезти машину в мастерскую и подготовить ее к тесту. О таких вещах нужно договариваться вместе в начале недели» (Давид).

Временные графики супругов, как правило, очень четкие, тщательно скоординированные и в будни, и в Субботу.

«Просто посидеть, поговорить с женой... Это не бывает спонтанно, это тоже нужно заранее спланировать. Например, мы с Шломит (моей женой) спланировали так, чтобы сегодня утром мы были свободны. То же самое касается этой встречи (интервью): я заранее выделил для этого время. Обычно в шесть вечера я прихожу домой и провожу вечер с семьей. Кроме тех случаев, когда нужно срочно сдать какую-то работу, – тогда я весь вечер занимаюсь. Это бывает примерно раз в две недели. Обычно бывает одно утро в неделю, которое мы с женой оставляем только для себя. Иногда это целое утро, иногда меньше. Иногда в такие часы мы с женой куда-то ездим. Вечера мы тоже проводим вместе. Я чувствую, что провожу достаточно времени с женой и детьми» (Алон).

«За час до начала Субботы мой муж уходит в школу, там у него урок. Если мы успеваем, он уходит пораньше и немного занимается в йешиве перед уроком. <...> Мы ждем, когда муж возвратится с молитвы, и вместе с детьми накрываем на стол для первой субботней трапезы. Он возвращается, произносит благословение на хлеб и вино, мы едим, потом ложимся спать. Утром муж уходит на молитву к 7:00, а я остаюсь с детьми. После молитвы он остается немного позаниматься Торой, в 10:00 он возвращается домой, стол уже накрыт, он произносит благословение на хлеб и вино, и мы едим вторую трапезу. После трапезы старшие дети (им три и четыре года) идут на урок Торы для детей, а я иду на урок Торы для женщин. В это время муж идет отдыхать вместе с малышкой (ей год). Когда мы возвращаемся, муж встает и занимается детьми, а я иду отдыхать. Я могу подремать, сколько захочу (примерно часа полтора), в это время муж читает детям или играет с ними в тихие игры. Когда я просыпаюсь, муж уходит в йешиву, а я остаюсь с детьми, пока он не вернется к третьей трапезе. Потом он уходит на

урок Торы (примерно час), я остаюсь с детьми и укладываю их спать еще до того, как он вернется» (Леа).

Распорядок дня женщин и мужчин отчетливо различается тем, что зависит от разных факторов. Мужчины в большей степени планируют свое время в связи с тем, что происходит вне дома, с работой и с коллективными молитвами, а женщины – в связи с ритмом жизни детей. Это понятно, поскольку по традиции женщины освобождены от многих заповедей, связанных со временем, в частности от коллективных молитв в синагоге (но не от соблюдения Субботы).

Но эта разница не абсолютна. В будние дни мужчины стараются утром или вечером побыть с детьми, а женщины (почти все) работают. Женщины, в отличие от мужчин, не обязаны учить Тору, но в Гар-Браха женщины стараются раз или два раза в неделю выкроить время для изучения Торы. Кроме того, многие женщины, так же как и мужчины, учатся в светских учебных заведениях, в колледжах и университетах. Поэтому в большинстве семей мужчины нередко берут на себя традиционные женские функции, а женщины – мужские.

«В этом году моя жена решила закончить образование и получить диплом. Поэтому в те дни, когда она уезжает учиться, я должен проводить больше времени дома и заниматься всякими домашними делами» (Рав Йона).

Большинство информантов – молодые люди (как и все население Гар-Браха). Самый старший из них – рав Йона (36 лет), самая молодая – Дана (21 год). Сравним их интервью. Оба они живут в поселении Гар-Браха и имеют отношение к йешиве (муж Даны по вечерам учится в йешиве, рав Йона преподает в ней). Оба они учатся в университетском центре Ариэль: Дана – студентка первой степени, рав Йона – студент второй. Дана, молодая женщина, мать маленького сына, работает, учится и занимается семьей, все успевает и с гордостью сообщает, что нашла способы четко организовывать свое время, причем сделала это сама, ни с кого не брала пример. Рав Йона, нестарый человек, отец восьмерых детей, уже успел получить раввинскую степень и занимается активной общественной деятельностью. Он преподает в йешиве, выполняет ответственную работу в администрации поселка, учится в университете, редактирует учебники и пишет дипломную работу, которую предполагает опубликовать. Он производит впечатление очень успешного и уверенного в себе человека, но в откровенном интервью признается, что не он организует свое время, а поток времени захватывает его. В его интервью, как и в других, звучит гордость за то, что он живет полной жизнью и многое успевает. Но есть и неудовлетворенность тем, что он не может достаточно времени посвятить сво-

ей большой семье – братьям, сестрам, родственникам жены, но прежде всего своим собственным детям.

Разница между этими двумя ощущениями времени – и гендерная, и возрастная. Рав Йона, зрелый мужчина, проводит большую часть времени вне дома, его жизнь зависит от большого количества людей, с которыми ему приходится встречаться в связи с работой и общественными обязанностями. Дана, молодая женщина, проводит вне дома меньшую часть своего времени, большую часть она посвящает ребенку и работе, которой она занимается тоже дома. Поэтому она более свободна в организации своего времени и ей приходится прилагать усилия, чтобы его упорядочить, – иначе оно просто утечет. Она хочет поскорее начать работать вне дома, чтобы ее время стало более упорядоченным (то же самое говорят Леа и Эстер).

Эти люди находятся на разных этапах жизненного пути. Дана только начинает взрослую, независимую жизнь, а рав Йона находится на пике активности. Чем больше у человека ответственности, тем меньше у него ощущения, что он сам организует свою жизнь, тем больше ощущения зависимости – его жизнь организована извне и зависит от других людей.

С другой стороны, Эстер (21 год) тоже считает, что недостаточно много времени проводит с мужем, но относит это как раз на счет своей молодости и недостатка опыта.

«Мне кажется, что я недостаточно много времени посвящаю мужу. Все время мы чем-то заняты, я не умею остановиться и сказать: хватит, вот это и это можно отложить... Но в последнее время мы оба, мне кажется, немного исправились в этом отношении. Я работаю над собой, заставляю себя не браться ни за какие дела за счет времени, которое могу провести с мужем. Надеюсь, в будущем я научусь это делать».

Однако сторонний наблюдатель может заметить, что Эстер, возможно, слишком строга к себе, ведь недостаток времени для общения не всегда зависит от нее: ее муж сейчас служит в армии и почти не бывает дома.

«Мой муж сейчас служит в армии (он отсрочил свой призыв на время учебы в йешиве), он уходит каждое утро в 5:30 утра и возвращается вечером в 19:15, когда дети (желательно) уже в кроватках после ужина и купания. Это важно для меня, потому что сейчас вся забота о детях лежит на мне. Но ведь и раньше, когда мой муж учился в йешиве в нашем поселке, я старалась сделать так, чтобы он мог полностью посвятить себя учебе и не должен был помогать мне по дому и с детьми. Разница в том, что сейчас он не может этого делать в любом случае».

Леа (25 лет) признается: *«Время, которое мы проводим вместе, очень ограничено. Но с годами я стала понимать, что это даже хорошо. Я чувствую, что это*

улучшает нашу семейную жизнь, мы очень ценим то время, когда мы вместе. То небольшое время, которое мы проводим вместе, очень качественное. И его надо тоже если не планировать, то продумывать заранее – о чем мы будем говорить, чем будем заниматься. Иногда муж приходит из йешивы пораньше, когда мы отмечаем какое-то событие, например годовщину нашей свадьбы, – и это праздник, это большая радость. Ну и кроме того во время «меж времен»¹⁷ мы стараемся выкроить побольше времени, чтобы побыть вместе».

Для семейного общения отведен особый день на неделе – Суббота. Многие молодые семьи раз в месяц проводят Субботу у родителей. Эстер рассказывает, что в Субботу находит время для изучения Торы вместе с мужем. Для нее это, кроме прочего, возможность полноценного общения с ним.

«В пятницу в 12:30 муж идет забирать старшего сына Иегуду из садика, и мы вместе обедаем. Потом принимаем душ и идем отдохнуть до начала Субботы. Встаем примерно за полтора часа до зажигания свечей, заканчиваем последние приготовления. Одеваемся в субботнюю одежду, наливаем себе чай или кофе и спокойно пьем и разговариваем. В это время Иегуда получает «субботний сюрприз», сидит с нами и рассказывает про свой садик. В Субботу муж встает в 6:00 на утреннюю молитву и потом занимается с товарищами примерно два часа. Потом мы вместе едим вторую субботнюю трапезу. В 12:15 есть урок для женщин, в это время мой муж остается с детьми. После урока мы меняемся, муж идет на послеполуденную молитву, а я сижу с детьми. Когда он возвращается, мы вместе укладываем детей и вместе разбираем какой-нибудь отрывок из Торы или мидраш примерно три четверти часа, а потом тоже идем отдыхать. Потом встаем и все вместе едим третью трапезу. Примерно за час до конца Субботы есть общий урок Торы. Муж идет на урок, а я остаюсь дома с детьми. Потом Суббота заканчивается и начинается обычная жизнь. В армии должность моего мужа включает в себя преподавание Торы, так что каждый день он много часов занимается Торой. Поэтому в Субботу мы позволяем себе меньше учить Тору и больше проводить время друг с другом и с детьми».

Другого, менее святого времени для отдыха у наших информантов почти нет.

«Иногда я поддаюсь искушению и немного играю в компьютерные игры, смотрю кино в Интернете. Это время, которое я посвящаю себе самому. Но это потеря времени, и я об этом жалею. Это бывает редко» (Рав Йона).

«К сожалению, я не умею посвящать время себе самой. В последнее время я работаю над собой, учусь понимать, что просто так сидеть и читать книжку – это тоже нужно, это не потеря времени... Или даже разрешить себе посмотреть какой-то фильм» (Эстер).

¹⁷ В мире студентов и преподавателей йешив время "меж времен" – трехнедельные каникулы между постом 9 ава и началом месяца элуль (обычно вторая половина августа). Другие каникулы – между постом Йом Кипур и началом месяца Хешван (обычно вторая половина сентября) и в месяце Нисан, перед Песах и в течение пасхальной недели (обычно в апреле).

Никто из информантов не смотрит телевизор (в большинстве домов Гар-Браха вообще нет телевизоров), они очень редко смотрят фильмы и еще реже ходят в театр. На это у них не только нет времени – у них нет такой потребности (хотя в их среде это не запрещено). Некоторые информанты говорят, что телевизионные программы, которые им удалось увидеть мельком (в гостях или в Интернете), показались им неинтересными, грубыми и вульгарными. Их культурные и интеллектуальные запросы удовлетворяются изучением Торы. Мужчины изредка позволяют себе прогулку по Интернету, но всегда при этом чувствуют себя виноватыми оттого, что зря теряют время. «Свободное» время, если оно есть, мужчины посвящают изучению Торы, женщины – чтению светских книг (изредка). Развлечения откладываются до каникул в период «меж времен» и в праздник Суккот, когда ездят на море, гостят у родственников, играют в компьютерные игры, читают «посторонние» книги и даже иногда ходят в кино.

«В последние годы моя жена завела новый обычай: время от времени (раз в два в месяц или больше) мы идем гулять вдвоем, ездим в город, сидим в кафе. Я стараюсь не чувствовать угрызений совести по этому поводу» (Рав Йона).

Большинство информантов с детства привыкли к четкому и насыщенному распорядку жизни.

«Мне есть с кого брать пример – с моей матери. С Божьей помощью она родила и воспитала тринадцать детей. У нас никогда не было служанки, и мама всегда отвечала и за чистоту в доме, и за готовку, и за стирку (конечно, мы, дети, всегда помогали). Кроме того, она исполняет ряд важных обязанностей в поселке и в йешиве, много времени посвящает сватовству. У нее есть тетрадка, в которую она записывает важные дела, чтобы был порядок. Мой отец очень аккуратно обращается со временем, и это тоже помогает ей очерчивать границы времени в течение дня. Утром, когда мои маленькие братья уходят в садик, она занимается делами, а после обеда она занимается домом и прежде всего детьми» (Эстер).

Большинство информантов (хотя и не все) довольны своим использованием времени.

«Я не чувствую, что мне не хватает времени. Конечно, если бы было больше времени, я бы еще что-то сделал. Но я и так успеваю много. Мне приходится слышать, как люди говорят, что у них нет свободного времени, но мне кажется, что это больше зависит от характера. Я доволен тем, как организовано мое время. Много в моем времени навязано мне извне, я не выбираю дней работы, дней учебы в колледже. Но большинство событий в своем времени я устанавливаю сам.

Что такое для меня освящение времени? Я думаю, что во всем, что я делаю, есть какая-то духовная ценность. Какая-то степень духовной ценности. Я ис-

пользую время для чего-то, в чем есть ценность. Даже в то время, когда я занимаюсь изучением академических дисциплин, я вижу в этом освящение времени. Я учусь не для того, чтобы у меня были деньги или чтобы получить престижную профессию. Я учусь в колледже, потому что вижу в профессии учителя ценность, посланничество. Помимо того, все время, которое я провожу в йешиве, – это священное время. Когда я преподаю компьютеры, это не священное, это только для денег. В этом нет ничего плохого, это необходимо, но священного в этом нет» (Танхум).

«Конечно, я никогда не успеваю сделать все на сто процентов. Постепенно я изучаю себя – каковы мои возможности. Я учусь признавать ограниченность своих сил. Мне еще многому надо учиться. Одна из вещей, которым я научилась с годами, насчет времени и насчет самой себя: я поняла, что самое главное – принимать действительность такой, какая она есть. То, что я могу успеть, я успеваю – и не надо ни о чем сожалеть или извиняться» (Леа).

«Нужно использовать время для важных, серьезных целей. Когда мне это удается, у меня хорошо на душе. Когда не удается – я чувствую печаль и горечь оттого, что время бежит и утекает сквозь пальцы. Дай Бог мне удостоиться использовать все свое время ради Него!» (Эстер).

Спешка или спокойствие – в конечном счете, это сознательный выбор, связанный со взглядом на сущность времени, на иерархию ценностей. Конечной целью поселенцев Гар-Браха является освящение времени. Все они ведут интенсивную жизнь, но никто из них не жалуется на суету или спешку. Религиозные обязанности (молитвы, изучение Торы) занимают много времени, но никто из них не считает, что это время потрачено зря. Время вкладывается в конструирование и поддержание особого духовного микроклимата, характерного для студентов йешив и их преданных жен. Ни у кого из информантов на этот счет нет иллюзий: духовность сама собой не заводится, для нее нужна постоянная работа. Цель этой работы – отнюдь не покупка виллы или машины, а воспитание собственной души и служение Всевышнему. На все это нужно много времени. Все остальные занятия (светская учеба, работа, развлечения, общение) подчинены этой цели, уплотнены, четко спланированы и скоординированы с другими членами семьи.

3.3. Транснациональное время в Интернете: между Россией и Германией

Выходцы из Российской Федерации и других стран бывшего Советского Союза составляют довольно большую группу в Германии. В своей новой жизни эти люди становятся своеобразными сталкерами, одновременно ощущающими принадлежность к разным культурам и социальным группам. Их жизнь на границе культур становится особенно понятной при рассмотрении их использования времени [125]. В данном разделе рассматривается особый аспект использования времени: время, проводимое в социальных сетях в Интернете.

Представители русскоязычной диаспоры часто инвестируют большую часть своего свободного времени в сетевые контакты и поддержание связей по всему миру. Цель и смысл такого времяпровождения неочевидны. В данном разделе представлены результаты исследования, посвященного этому вопросу. Оно позволяет сделать вывод, что общение в социальных сетях помогает эмигрантам преодолеть отчуждение и быстрее адаптироваться в новой среде несмотря на то, что коммуникация осуществляется не по-немецки, а по-русски, причем с людьми, живущими не только в Германии.

Эмигранты из Советского Союза в Германии. В целом эмигранты из Советского Союза встречаются в Германии с теми же проблемами, что и эмигранты из других стран. Им не хватает социальных контактов, и особенно сложно найти адекватную социальную группу коренного населения; трудности возникают и из-за недостаточного знания немецкого языка, и из-за потери работы и социального статуса. Однако есть несколько важных особенностей, которые отличают эмигрантов из Советского Союза. Главная из них – высокий уровень образования и значение, которое эмигранты придают обучению.

В сравнении с представителями других эмигрантских групп в Германии российские эмигранты приезжают с высоким уровнем образования и стараются его повысить после приезда в страну. Родители стремятся дать детям максимально возможное образование [98, 127]. Это помогает особенно молодым эмигрантам, которые быстро осваивают немецкий язык, успешно интегрироваться в немецкую образовательную систему.

Несмотря на хорошее знание языка и интеграцию в профессиональную и частную жизнь, многие молодые эмигранты все же предпочитают общаться со своими сверстниками из России. Семья и русский язык играют для них большую роль. Похожие тенденции были выявлены не только в Германии, но и в других эмиграционных странах, таких как Израиль, США или Австралия [99, 116]. Это объясняется тем, что в своих семьях молодые эмигранты получают необходи-

мую эмоциональную поддержку, а в русских компаниях также и высокую оценку своих достижений. Можно утверждать, что идентификация русских эмигрантов в Германии формируется не только в коренном обществе, но также в семьях, в русских общинах и компаниях.

Некоторые исследования [98, 120, 122] подчеркивают также растущую роль интернет-коммуникации в формировании идентификации молодежи. Социальные сети, форумы и различные группы в Интернете могут давать молодым эмигрантам социальную поддержку, эмоциональное пристанище, а также снабжать их другими ресурсами для более успешной интеграции в новом обществе. Эти ресурсы будут рассмотрены подробнее ниже.

Эмиграция и Интернет. Эмиграция связана с рядом трудностей. Прежде всего эти трудности обусловлены потерей идентификации, социальных контактов, статуса, а также различными когнитивными, эмоциональными и финансовыми утратами в новом обществе. Использование средств массовой информации может помочь восполнить эти утраты и представляет, таким образом, важный ресурс для успешной адаптации [123]. Средства массовой информации могут играть роль социализационных агентов в новой среде. Например, они могут заменять друзей и дополнять недостающее общение или давать примеры поведенческих реакций в новых, незнакомых ситуациях. Новые средства массовой информации, как, например, Интернет, дают кроме того возможность активного участия в различных социальных ситуациях. Активная коммуникация в виртуальных социальных сетях помогает преодолеть эмоциональные барьеры, найти единомышленников или испробовать различные роли в защищенном, анонимном пространстве. Такая коммуникация в Интернете представляет собой активную, конструктивную практику, которая накладывает отпечаток на индивидуальную идентификацию и на каждодневное поведение в реальной жизни [98].

Виртуальные контакты в Интернете способствуют формированию транснациональной идентификации. Это значит, что на весь жизненный сценарий, национальную принадлежность, социальные группы и даже разговорный язык накладывает отпечаток двух или более культур. Их невозможно понять без понимания всех этих культур.

Активное участие в интернет-коммуникации, в форумах, чатах, блогах и прочих дискуссионных группах амбивалентно по своей культурной направленности: человек, как правило, разрывается между своим желанием интегрироваться в новое общество и противоположным желанием сохранить собственную культурную идентификацию. В небольшом сравнительном этнографическом исследовании русских эмигрантов в Германии и Израиле М. Еленевская [116, 117] установила, что большинство респондентов посещали русскоязыч-

ные страницы в Интернете, чтобы подумать вместе с другими эмигрантами о чужом и своем в культурах и чтобы определить (прежде всего для себя) свою собственную позицию. Эмигранты тратят большое количество свободного времени на центральные самоидентификационные процессы, на поиски себя между двух культур. Очевидно, что ясность в этом вопросе представляется им жизненно необходимой.

Использование средств массовой информации и восприятие времени. Как показал Фридрих Кротц [106, 107] в своей теории медиатизации, средства массовой информации присутствуют на разных уровнях современного общества. На темпоральном уровне новые средства массовой информации постоянно и беспрерывно доступны. Это обозначает, что открытый доступ к дискуссиям в Интернете постоянно стимулирует развитие дискурса о межкультурализме. В ходе этих дискуссий участники находят и определяют межкультурные различия, проводят границы и снова стирают их. Таким образом, эти дискуссии формируют транснациональное время и пространство. Различия не нивелируются и не стираются в ходе этих дискуссий, они постоянно комбинируются в разных вариантах.

На пространственном уровне средства массовой информации связывают места и пространства: люди из разных стран и (внутри стран) из разных групп вступают в контакт друг с другом и определяют свою культурную и транскультурную идентификацию с помощью этого нового опыта.

На социальном уровне медийные коммуникации захватывают все более широкие круги социальной жизни. Общественные и личные пространства смешиваются, разделение между этими пространствами становится нечетким и неоднозначным [107].

Исследование транснационального времени. Чтобы понять процессы транснационализации времени в Интернете, мы проанализировали дискуссии на некоторых наиболее распространенных и влиятельных сайтах. Особенное внимание было уделено дискуссиям о проблемах эмиграции. Некоторые результаты этого анализа представлены ниже. Более подробное описание исследования и анализа данных представлено в развернутой статье [126].

Содержание транснационального дискурса. Тематически содержание форумов исключительно разнообразно. Даже на форумах, посвященных специфическим проблемам эмигрантов, обсуждаются не только эти проблемы.

Новости. У некоторых эмигрантов нет доступа к новостям, передаваемым по каналам немецкого телевидения и печатаемым в газетах (например из-за отсутствия телевизора или недостаточного знания немецкого). Они получают информацию, спрашивая знакомых и незнакомых в Интернете о новостях в мире. Комментарии, интерпретации и предположения прилагаются в таких дискуссиях к

объективной информации. Достоверность таких данных бывает разной, однако это участникам не мешает. Функция таких дискуссий – не получение достоверной информации, а определение собственной системы координат, ориентация в мире.

Технические ноу-хау. Тут происходит обмен информацией и мнениями о пользовании различными программами, техническими средствами, о ценах на них, о плюсах и минусах различных устройств. Большую роль также играет обмен опытом использования этих приборов.

Ностальгические воспоминания. Постоянно присутствуют на различных форумах, даже тех, что посвящены совсем другим темам. В этих воспоминаниях, как правило, описываются города, школы и вузы, где человек жил и учился, детство и юность идеализируются. Часто отдельные люди собираются в группы по ностальгическим признакам (например по городу рождения) и самоидентифицируются уже через принадлежность к этой виртуальной группе.

Кулинарные рецепты. Обмен кулинарными рецептами, который очень распространен на подобных форумах, имеет под собой не только техническую или ремесленную подоплеку. В том, что люди едят (или по какой еде скучают), находят выражение часть их наиболее глубоко спрятанной идентификации, которая выражается даже не вербально, а на уровне эмоций, тактильных и вкусовых ощущений [96]. Обмен рецептами является частью ностальгических воспоминаний, но также и возможностью продемонстрировать свою осведомленность и интегрированность в новое общество с помощью рассказов о «новой» еде, которую человек пробовал или готовил.

Обмен специальными познаниями. Например, медицинская информация на «материнских» форумах касается детских болезней, прививок, анализов и методов лечения, которые различны в разных странах. Кроме того, важное место занимает специальная юридическая информация (например о возможностях эмиграции в Германию). Постоянно обсуждаются также и финансовые вопросы, такие как инвестиции и страховки.

Как и во многих других интернет-источниках, достоверность информации на этих форумах исключительно низка. Зачем же участники тратят на них огромное количество времени? Ведь за то же время они могли бы получить достоверную и полную информацию из более надежных источников.

Цель таких дискуссий – не передача объективных знаний и верной информации. Смысл такого времяпрепровождения (можно даже сказать, «работы») на форуме заключается в поиске подходящих интерпретаций известных фактов, в оценке происходящего и в определении собственной позиции, которая необходима для самоидентификации. В зависимости от того, кем человек был «в про-

шой жизни», что он ест (и что не ест), как он оценивает новости, какие прививки делает своим детям (и какие не делает!) определяется его мировоззренческая, общекультурная позиция.

Чем отличаются форумы эмигрантов от похожих форумов в России? Форумы русской диаспоры более непримиримы. Вопросы идентификации стоят там более остро, поэтому и границы между «своими» и «чужими» проводятся более резко. Эмигранты ищут на форумах замену социальной жизни, которую они оставили на родине. Поэтому происшествия в виртуальных пространствах (например ссоры) приобретают для них значение реальной жизни. Для них это больше не виртуальные, не воображаемые друзья и враги, а совершенно конкретные люди.

Знания и статус. На форумах эмигранты «обрабатывают» огромное количество запросов по различным темам. Невольно возникает вопрос: зачем они тратят такое количество времени на это неоплачиваемое занятие? Что значит для них знание, возможность ответить на вопрос?

На форумах часто встречается утверждение: «Ответить на вопрос даже приятнее, чем получить ответ». Положительная репутация на форуме, статус эксперта по каким-либо вопросам служат эмигрантам своего рода компенсацией за различные ситуации в реальном мире, где они часто выступают в роли несведущих и некомпетентных.

Контакты. Как уже упоминалось, время, проводимое на форумах, используется и для того, чтобы найти новых и старых друзей и укрепить эти контакты. Такие связи культивируются не только на форумах, они углубляются и при помощи других информационных технологий, как например e-мейл, скайп, чат и др. Иногда участники договариваются о личных встречах. Какое значение имеют для эмигранта эти контакты?

Наиболее часто встречающийся ответ на этот вопрос очевиден: эмигранты, которые часто теряют свои социальные связи с переездом в другую страну, нуждаются в социальной среде, в принадлежности к какой-либо группе. Кроме того, подобные контакты дают возможность собрать аутентичную информацию о жизни в других странах. Разговоры на форумах позволяют быстро собрать информацию для туристических путешествий, например о средствах передвижения или о гостиницах.

Вопрос времени здесь очень важен, так как такой способ получения информации не только быстр, но еще и не требует синхронизации, как многие другие каналы. Ведь для того, чтобы побеседовать с другим человеком в реальном времени, нужно договориться о встрече; чтобы посмотреть передачу по телевизору, нужно ее дожидаться. Коммуникация же на форуме доступна в любое удобное время и тем не менее создает иллюзию непосредственного общения.

Можно сказать, что коммуникация на транснациональных форумах создает и особый тип транснационального времени: общение происходит не в обычное для данного часового пояса время, а когда-нибудь, когда где-то на земном шаре день, а кто-то из знакомых находится перед экраном компьютера [121]. Кроме того, информация о национальных временных рамках поведения изменяет собственное поведение людей. Представления о «правильной» биографии, ритме дня, режиме и скорости работы, которые раньше определялись национальной культурой [125], все больше и больше смешиваются.

Реальность транснационального времени. Результаты представленного здесь исследования показывают, что транснациональные тенденции в русской диаспоре развиваются в виртуальных социальных пространствах и оказывают сильное влияние на повседневную жизнь в реальных пространствах.

Информация из транснациональных форумов о жизни, и в частности об использовании времени, в других культурах расширяет горизонты эмигрантов и позволяет взглянуть на свою жизнь из другой перспективы. У них возникает возможность найти неожиданные, альтернативные решения своих каждодневных проблем, скомбинировав практики, принятые в разных культурах.

Дискуссии на транснациональных форумах также могут инициировать новые биографические сдвиги, как например следующая эмиграция в третью страну или возвращение в Россию. Дискуссии о таких сдвигах, об их возможностях, о риске и шансах также расширяют транснационализацию русской диаспоры. Участники таких дискуссий часто находят примеры транснациональных традиций в истории своей семьи. Это позволяет им корректировать идентификацию, развивать транснациональные представления, использовать их для себя и своих детей [113].

Полученные результаты позволяют утверждать, что транснациональное время в Интернете приобрело реальные масштабы. Его использование в русской диаспоре, живущей между Россией и Германией, имеет свою специфику, которую мы также стремились охарактеризовать.

3.4. «Куда уходит время студентов?»: сравнение российских и немецких исследований

Время имеет разные измерения, как много раз было показано выше. «Переоткрытиями времени» назвал Илья Пригожин важнейшие процессы современной науки – осознание неоднородности темпоральных процессов, в том числе наделение их ценностными характеристиками. Время берегут или «убивают», хранят в памяти самые счастливые моменты жизни или ожидают их в будущем, желают, чтобы неприятные моменты настоящего скорее ушли в прошлое и т. д.

Анализ использования времени становится уникальным инструментом диагностики общества и человека. Те виды деятельности, на которые человек тратит время, способны многое о нем рассказать – о его истинных интересах, культурных приоритетах, личностном выборе и др.

Масштабные срезы временных затрат (уже не отдельный человек, а социальная группа) позволяют выявить сущностные особенности культуры. Подобные исследования варьируются от фундаментальных до прикладных. Например, выделение М. Бахтиным типов времени в культуре Ренессанса – «время купцов и гуманистов», «время обыденности и карнавала» – позволяет судить о специфике эпохи и происходящих в ней изменениях. В прикладных современных исследованиях затраты времени дают представление о различиях социальных, этнических, культурных групп.

Темпоральная диагностика в современном обществе, резко меняющем ориентиры, особенно актуальна.

Нами было проведено исследование среди студентов Самарского государственного медицинского университета с целью определения типичных трат времени. Его результаты сравниваются с исследованиями, проводимыми в других странах.

Ниже приводятся наши данные в виде гистограмм и расшифровок к ним. Данные по российским студентам даны в сравнении с данными немецких студентов.

На *рис. 3.1* представлено сравнение количества времени, которое русские и немецкие юноши тратят на оплачиваемую работу, учебу, работу по дому, работу на компьютере (социальные сети, игры, поиск информации), досуг.

Изначальная разница между российскими и немецкими студентами проявляется в количестве часов, которые относятся к активной части дня: в России – 16 часов, в Германии – 13 часов 30 минут. По сравнению с немецкой молодежью российские юноши меньше подрабатывают (2 часа в день в Германии и 30 минут в России).

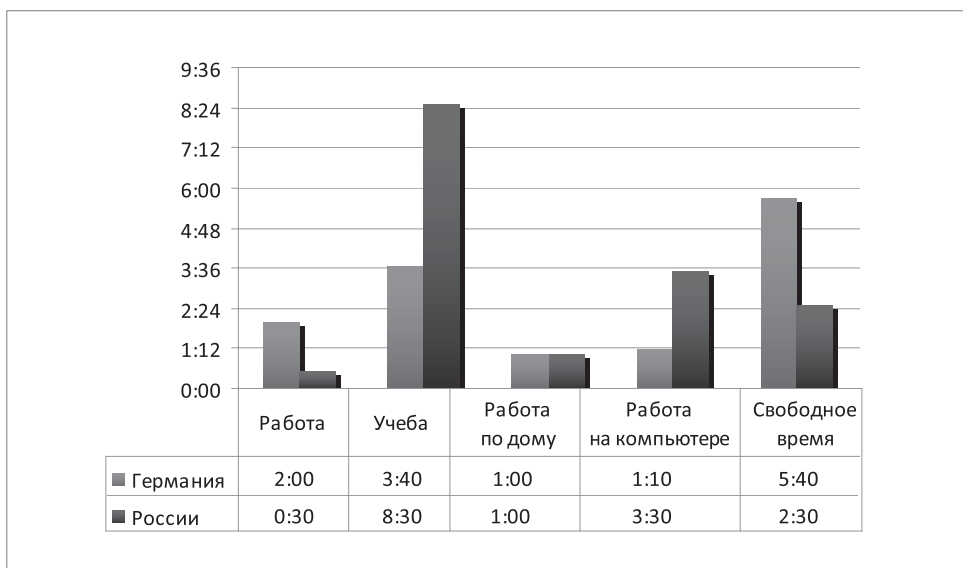


Рис. 3.1. Использование времени студентами (юноши), понедельник – пятница

Подавляющее большинство своего времени за день российский студент тратит на учебу (занятия и задание на дом) – 8 часов 30 минут. Немецкие студенты тратят на то же в среднем 3 часа 40 минут в день.

Вероятно, здесь сказывается принципиально иной способ организации учебного процесса. Большую часть времени (вне учебы, работы, домашних дел) российская молодежь проводит за компьютером (3 часа 30 минут), оставшиеся 2 часа 30 минут составляют свободное время студента. В Германии это время составляет соответственно 1 час 10 минут и 5 часов 30 минут, тогда как свободное время тратится чаще всего на самостоятельную работу: в библиотеке, в различных формах коммуникации (от диспутов, подиумов до клубов, связанных с будущей профессией).

На рис. 3.2 сравнивается по тем же показателям распределение времени у девушек.

К активной части своего дня немецкие девушки относят 13 часов 10 минут, российские – 16, так же как и российские юноши. Так же как у юношей большая часть времени российских студенток уходит на учебу – в среднем 9 часов. Немецкие студентки тратят на это 4 часа 20 минут в день.

Российская студентка по сравнению с немецкой проводит больше времени за компьютером (3 часа 30 минут и 35 минут). Свободное время составляет 2 часа (в России) и 5 часов 30 минут (в Германии).

Свободное время российская молодежь тратит по-разному. Чаще всего это встречи с друзьями; почти все отмечают, что много времени уходит на дорогу (часто говорят о пробках на дорогах). Такие ответы, как хобби, общественная деятельность, общение с семьей, курсы дополнительного образования, посещение культурных мероприятий, чтение книг, занятие спортом, встречаются редко. Подавляющее большинство студентов отмечают, что тратят свое время на общение в социальных сетях, онлайн-игры, просмотр фильмов, прослушивание музыки и т. п.

Подобные исследования приняты в Европе, к примеру в Германии. Как известно, это та страна, в которой время и умение его эффективно использовать рассматриваются как особые ценности. Не случайно одной из задач Федерального статистического ведомства Германии (Statistischen Bundesamtes) является исследование особенностей использования времени (Zeitverwendung) населением страны [119, 153, 154].

Эти исследования имеют важное прикладное значение. *Wo bleibt die Zeit?* (Где остается время?) – название немецкого статистического исследования по вопросам использования времени. Именно подобные исследования ложатся в основу эффективных стратегий развития и обучения тайм-менеджменту отдельных групп, и прежде всего студенческой молодежи.

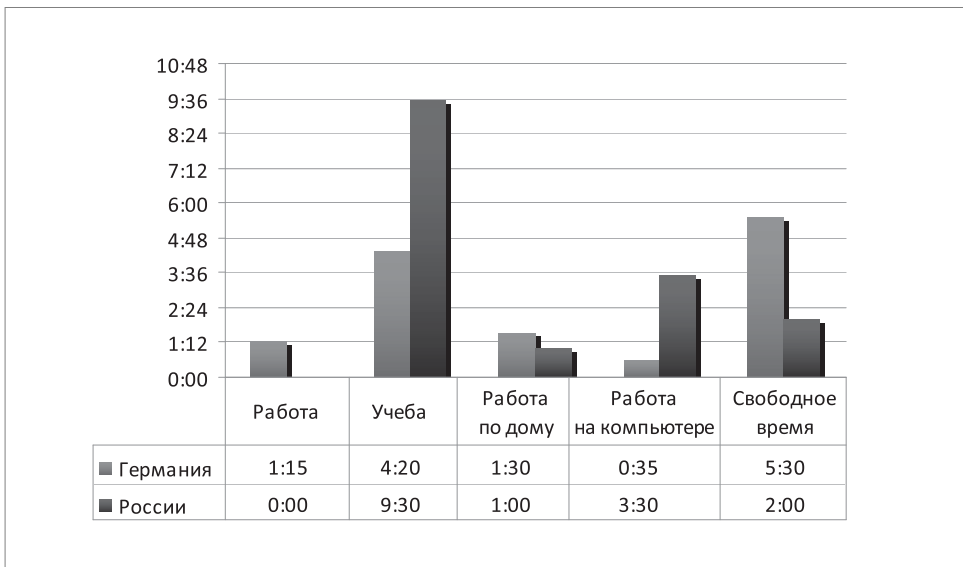


Рис. 3.2. Использование времени студентами (девушки), понедельник – пятница

Заключение

Выскажем несколько заключительных соображений по поводу издательских перспектив, связанных с образом региональных городов и их диагностикой.

Вспомним, что еще в 1992 г. в Самаре прошел исключительно точно «попавший во время» симпозиум «Мифы провинциальной культуры».

Провинция, регионы – новая тема постсоветского пространства и важнейший идентификационный вектор новой карты России. Тема культурного значения российских регионов формулировалась по-разному в прошедшие годы: провинциология, регионология, «коды русской культуры» [28]. Или как предложили наши диссертанты: «Город в идеальном измерении»; «Хронотипы городов». Несомненно, что все повороты научных тем продвигают культуру российских регионов и доказывают их ценность и многообразие.

Выходящая в свет монография «Время в городе» тесно переплетена с нашими прежними работами – изданными несколько раньше сборниками, книгами, а также с интернациональным научным альманахом «Город и время» [20]: 450 страниц в двух томах, 80 авторов из разных городов и стран – довольно «емкая» коллекция, накапливавшаяся годами, как написал один из наших авторов [83, 84].

Сегодня широко обсуждаются долговременные стратегии развития, в том числе «Самарские стратегии» до 2025 г. [150]. Хотелось бы, чтобы наша работа стала скромным вкладом в обсуждение временных параметров развития в сфере образа городов и бытия культуры.

Хотелось бы сказать также и о перспективах подобных научных изданий. Региональные альманахи и монографии по проблемам региональных городов могли бы стать периодическими и интересными как для отечественных, так и для зарубежных читателей. В частности, альманах «Город и время» нам довелось сначала представлять на самарской выставке вузовских изданий «Университет – Наука – Город» в октябре 2012 г., а буквально через несколько недель, в ноябре 2012 г. – в Дюссельдорфе, на мероприятии, посвященном Году России в Германии [145].

Авторы были бы счастливы, если бы новая работа могла рассчитывать на подобный резонанс и судьбу.

Литература

- 1 Аксенов (2000) Аксенов Г.П. Причина времени. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- 2 Андреева (2001) Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы. – М.: Аспект Пресс, 2001.
- 3 Аристотель (1981) Аристотель. Физика. Соч. в 4-х т. Т 3. – М.: Мысль, 1981.
- 4 Артог (2008) Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2008. – № 3.
- 5 Асмолов (1996) Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Ин-т практич. психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1996.
- 6 Балдандоржиев (2011) Балдандоржиев Ж.Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья) // Гуманитарный вектор. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – № 3 (27).
- 7 Баллард (1994) Баллард Дж. Хронополис // Баллард Дж. Затонувший мир. – Н. Новгород: Нижкнига, 1994.
- 8 Барабошина (2011) Барабошина Н.В. Молодежь и малый город: проблемы «переходного» возраста // Время культуры и студент в зеркале времени: «переоткрытия». – Самара: СамГМУ, 2011.
- 9 Бауман (1995) Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4.
- 10 Бахтин (2000) Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.
- 11 Бахтин (1975) Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975.
- 12 Бахтин (1994) Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1994.
- 13 Бахтин (1975) Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Сб. – М.: Художественная литература, 1975.
- 14 Бахтин (2000) Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000.
- 15 Бергер (2001) Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Алетейя, 2001.

- 16 Бодрийяр (2006) Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006.
- 17 Бурлина (2001) Бурлина Е.Я. Век индустриальной культуры: «из черного сделай зеленое» // Северный Рейн-Вестфалия. Семь нот в пространстве без границ: Альманах «Город – Страна – Планета». Вып. 2. – Дюссельдорф, 2001. – С. 43-45.
- 18 Бурлина (2012) Бурлина Е.Я., Голубинов Я.А. Самара: 1992 – 2012. Конференция «Мифы провинциальной культуры» // Город и время: Интернациональный научный альманах Life Sciences. В 2 т. Т. 1. Тематический выпуск 2012 г. – Самара: Книга, 2012.
- 19 Бурлина (2012) Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Волга и Самара: образы разного времени // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Том 1. Тематический выпуск 2012 г. – Самара: Книга, 2012.
- 20 Бурлина (2012) Город и время. В 2-х т. / Авторы проекта: Елена Бурлина, Лариса Иливицкая, Юлия Кузовенкова. Проект «Город – страна – Волга. Региональная культура и имидж города». Грант РФНФ № 12-13-63501. – Самара: Книга, 2012.
- 21 Быстрицкий (1994) Быстрицкий А. Urbsetorbis // Новый мир. – 1994. – № 12.
- 22 Валлерстайн (1998) Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // Философские перипетии: Вестник Харьковского государственного университета. Сер. Философия. – 1998. – № 409.
- 23 Визгин (2009) Визгин В.П. Проблема времени: синергетический подход // Судьба европейского проекта времени: Сб. статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- 24 Визгин (2009) Визгин В.П. Эстетический материализм Ж. Деррида и проблема времени // Судьба европейского проекта времени: Сб. статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- 25 Воронина (2010) Воронина Н.И. Идентичность и толерантность в многоукладности российской культуры // Толерантность культуры глобализирующегося мира (коллективная монография). – М.: Гуманитарий, 2010.
- 26 Гадамер (1991) Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991.
- 27 Гачев (2008) Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция. – М.: Логос, 2008. – 424 с.
- 28 Голубков (2008) Коды русской классики: «провинциальное» как смысл, ценность и код: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы

- СамГУ Сергея Алексеевича Голубкова (Самара, 29-30 ноября 2007 года). – Самара, 2008.
- 29 Горин (2003) Горин Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
- 30 Гуревич (1984) Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984.
- 31 Гурьянов (1986) Гурьянов Е.Ф. Древние веги Самары: очерки истории градостроительства. – 2-е изд., перераб. и доп. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1986.
- 32 Декарт (1989) Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989.
- 33 Дидковская (2000) Дидковская Н.А. Русский провинциальный театр рубежа XX – XXI веков: Ярославская социокультурная модель: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Ярославль, 2000.
- 34 Дюркгейм (1995) Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. – М.: Канон, 1995.
- 35 Завальный (1992) Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников / Сост. А.Н. Завальный. – Самара: Книжное изд-во, 1992.
- 36 Злотникова (2009) Злотникова Т.С. Театр провинциального города: художественный, нравственный, социально-экономический аспекты трансформаций // Концепты культуры XX века: Сб. ст. – Ярославль, 2009. – С. 96.
- 37 Иливицкая (2011) Иливицкая Л.Г. Время и хронотип: новые подходы и понятия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Саранск, 2011.
- 38 Иливицкая (2011) Иливицкая Л.Г. «Переоткрытия времени» и хронотип: Монография. – Самара: Поволж. ин-т бизнеса, 2011. – 145 с.
- 39 Каган (1982) Каган М.С. Время как философская проблема // Вопросы философии. – 1982. – № 10.
- 40 Капица (2004) Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. – 2004. – № 6.
- 41 Каркарьян (2006) Каркарьян В.Г. Модерн в архитектуре Самары. – Самара: Агни, 2006.
- 42 Каркарьян (2004) Каркарьян В.Г. Самара – Куйбышев – Самара, или Три портрета одного города. – Самара: Изд-во СГАСУ, 2004.
- 43 Келле (2009) Келле В.Ж. Время в культуре и проблема преемственности // Судьба европейского проекта времени: Сб. статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- 44 Кузин (2005) Кузин И.В. Хронотоп как ахрония: формальное условие события // Модусы времени: социально-философский анализ: Сб. статей / Под ред. И.В. Кузина. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.

- 45 Кузовенкова (2009) Кузовенкова Ю.А. Город в идеальном измерении: от образа к имиджу: Автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2009.
- 46 Леви-Брюль (1980) Леви-Брюль К. Первобытное мышление // Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.В. Петухова. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
- 47 Ле Гофф (1992) Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
- 48 Лейбград (2012) Лейбград С.М. Самара – родина слонов (беглые литературные заметки о городе литературных беглых) // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Том 1. Тематический выпуск 2012 г. – Самара: Книга, 2012.
- 49 Лосев (1977) Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977.
- 50 Лотман (1993) Лотман Ю.М. Город и время // Метафизика Петербурга. Вып. 1. – Спб., 1993.
- 51 Мальчуков (2006) Мальчуков В.А. Содержательно-структурные и функциональные характеристики ментальности // Известия ИГЭА. – 2006. – № 4(49).
- 52 Мерло-Понти (1990) Мерло-Понти М. Временность // Историко-философский ежегодник. 1990. – М.: Наука, 1991.
- 53 Могутова (1998) Могутова Л.С. Исторический город: социокультурная характеристика и тенденции развития: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – М., 1998. – 25 с.
- 54 Московичи (1992) Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. Т. 1. – 1992. – № 2.
- 55 Назукина (2009) Назукина М.В., Полетаев О.Б. Столичные амбиции как отражение регионализации современной России // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2009/18.pdf>, свободный. – Загл. с экрана.
- 56 Наумова (2000) Наумова Н.Ф., Пригожий А.И., Горяинов В.П. Связь субъективного времени и социальных характеристик респондентов // Российское общество: социологические перспективы: Сб. трудов ИСА РАН. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- 57 Нестик (2003) Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. – 2003. – № 8.
- 58 Ньютон (1989) Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с лат. и примеч. А.Н. Крылова. – М.: Наука, 1989.
- 59 Павлович (2012) Павлович И., Ратник О. Неизвестная Самара: Краеведческое издание. – Самара: Книга, 2012.

- 60 Пелипенко (1998) Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998.
- 61 Петрухина (2009) Петрухина О.В. «Культурная картина мира» и «жизненный мир» в феноменологии Э. Гуссерля // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 2(14).
- 62 Почепцов (1994) Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек: Очерки тоталитарного символизма и мифологии. – Куйбышев: Глобус, 1994. – 152 с.
- 63 Пригожин (1986) Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. — М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
- 64 Ревзина (2005) Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – Вып. 8. – Новосибирск, 2005.
- 65 Роднянская (1997) Роднянская И.Б. Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости» // Новый Мир. – 1997. – № 4.
- 66 Романов (2006) Романов Р.Р. Феномен провинциального театра: Экспериментальные площадки Хабаровского края: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Хабаровск: 2006.
- 67 Румянцев (2009) Румянцев О.К. От редактора // Судьба европейского проекта времени: Сб. статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- 68 Савельева (2003) Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1. – СПб.: Наука, 2003.
- 69 Савельева (1997) Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
- 70 Савельева (2000) Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о прошлом // Логос. – 2000. – № 2.
- 71 Савельева (2007) Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.: Алетейя, 2007.
- 72 Садовский (1991) Современная западная философия: Словарь / Ред. В.Н. Садовский. – М.: Политическая литература, 1991.
- 73 Свифт (1987) Свифт Д. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. – М.: Правда, 1987.
- 74 Сивиринов (2000) Сивиринов Б.С. Социальное время и перспектива: феноменология, функции, модусы. – Новосибирск: Наука, 2000.
- 75 Сорокин (2004) Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – № 6.
- 76 Степин (2001) Степин В.С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001.

- 77 Степин (2006) Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2006.
- 78 Тищенко (2009) Тищенко П.Д. Время и пред(о)ставление «Да Будет!» // Судьба европейского проекта времени. Сб. статей / Отв. ред. О.К. Румянцев. – М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- 79 Токарев (1994) Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. С.А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Российская энциклопедия, 1994.
- 80 Тоффлер (2003) Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003.
- 81 Тоффлер (1986) Тоффлер Э. Наука и изменение. Предисловие // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.
- 82 Тоффлер (2008) Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2008.
- 83 Трубина (2011) Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- 84 Трубина (2012) Трубина Е.Г. Мегасобытия как часть популярной культуры // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Том 1. Тематический выпуск 2012 г. – Самара: Книга, 2012.
- 85 Трубников (1987) Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987.
- 86 Урри (2012) Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М., 2012.
- 87 Хайдеггер (1997) Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: ad Marginem, 1997.
- 88 Чепеленко (2008) Чепеленко К.О. Социокультурные особенности аудиторрии современного провинциального театра: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Саратов, 2008.
- 89 Штомпель (2001) Штомпель Л.А. Смыслы времени. – Ростов н/Д.: Изд. РГУ, 2001.
- 90 Штомпка (1996) Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
- 91 Эйзенштадт (1999) Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999.
- 92 Эткинд (2012) Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- 93 Яковлев (1980) Яковлев В.П. Социальное время. – Ростов-на/Д.: Изд-во РГУ, 1980.

- 94 Adam (2002) Barbara Adam, Richard Whipp, and Ida Sabelis, 'Choreographing Time and Management: Traditions, Developments, and Opportunities', in R. Whipp, B. Adam and I. Sabelis (eds) *Making Time. Time and Management in Modern Organizations*, New York: Oxford University Press, 2002, pp. 1-28.
- 95 Bender (1991) John Bender, Davis A. Wellberry. Introduction, *Chronotypes: The Construction of Time*, Ed. By, Stanford University Press, Stanford, California, 1991, p. 4.
- 96 Bernstein (2010) Bernstein Julia (2010): *Food for Thought: Transnational Contested Identities and Food Practices of Russian-Speaking Jewish Migrants in Israel and Germany*. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- 97 Breedveld (1998) Koen Breedveld. 'The Double Myth of Flexibilization: Trends in Scattered WorkHours and Differences in Time Sovereignty', *Time & Society* (1998) 7:1.
- 98 Elias (2009) Elias Nelly, Lemish Dafna (2009): *Spinning the web of identity: the roles of the internet in the lives of immigrant adolescents*. In: *New Media Society* 11(4): 533-551.
- 99 Elias (2006) Elias Nelly, Zeltser-Shorer Marina (2006). *Immigrants of the World Unite? A Virtual Community of Russian-speaking Immigrants on the Web*. – In: *Journal of International Communication*. – 12(2): 70-90.
- 100 Fraser (1982) Fraser J.T. *The Genesis and Evolution of Time*. – Brighton: The Harvester Press, 1982. – 205 p.
- 101 Garhammer (1995) Manfred Garhammer (1995). 'Changes in Working Hours in Germany', *Time & Society* 4 (2): 167-203.
- 102 Gurvitch (1964) Gurvitch G. *The Spectrum of Social Time*. – Dordrecht: Reidel, 1964. – P. 64.
- 103 Heshel (1976) Avraham Jehoshua Heshel (1976). *God in Search of Man*, FSG, p. 417-418.
- 104 Hochschild (1997) Arlie R. Hochschild. *The Time Bind*. New York: Metropolitan Books, 1997.
- 105 Kerr (1988) Marion Kerr, Nickie Charles. *Women, Food and Families*. Manchester: Routledge, 1988.
- 106 Krotz (2007) Krotz Friedrich (2007). *Mediatisierung: Fallstudien zum Wandel von Kommunikation*. Wiesbaden: VS Verlag.
- 107 Krotz (2005) Krotz Friedrich (2005). *Mobile Communication, the Internet and the Net of Social Relations. A Theoretical Framework*. In: Nyíri, János Kristóf (Hrsg.) (2005): *A sense of place: the global and the local in mobile communication*. Wien: Passagen Verlag, pp. 447-458.
- 108 Lawrence (2000) Lawrence E. Harrison & Samuel P. Huntington. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. – New York: Basic Books, 2000. – 348 p.

- 109 Levine (1998) Robert V. Levine. A Geography Of Time: On Tempo, Culture, And The Pace Of Life. – Basic Books, 1998. – 280 p.
- 110 Linder (1975) Linder S.B. The Harried Leisure Class. – N.Y.: Columbia University Press, 1975. – 182 p.
- 111 Pronowost (1986) Pronowost Or. Introduction: Time in a social a. hist, perspective // Intern, social sciences j. – Paris, 1986. – Vol. 38, № 1. – P. 6-7.
- 112 Robinson (1997) John Robinson, Geoffrey Godbey. Time for Life: The Surprising Ways that Americans Use their Time. Pennsylvania: Pennsylvania State Press, 1997.
- 113 Saunders (2006) Saunders Robert A. (2006). Denationalized digerati in the virtual near abroad. The internet's paradoxical impact on national identity among minority Russians. In: Global Media and Communication 2(1): 43-69.
- 114 Shlionsky (1983) Avraham Shlionsky, Yalkut Shirim, Tel Aviv: Yahdav, 1983, am' 12.
- 115 Southerton (2003) Dale Southerton, `Squeezing Time': Allocating Practices, Coordinating Networks and Scheduling Society, Time & Society (2003) 12:5.
- 116 Yelenevskaya (2005) Yelenevskaya Maria N. (2005). A cultural diaspora in the making: Former Soviets in Israel and in Germany. – In: Moskovich Wolf / Nikolova Svetlina T. 2005 (eds.): 265-279.
- 117 Yelenevskaya (2007) Yelenevskaya Maria N. (2007): Jews and Slavs: Judaeo-Bulgarica, Judaeo-Russica et Paleoslavica, Vol. 15. Jerusalem: Center for Slavic Languages and Literatures, pp. 265-279.
- 118 Zimbardo (2009) Philip Zimbardo, John Boyd, 2009. The Time Paradox.
- 119 Die Zeitverwendung der Bevölkerung in Deutschland (2001/02) Die Zeitverwendung der Bevölkerung in Deutschland 2001/02. Wo bleibt die Zeit? Statistisches Bundesamt, 2003. Bestellnummer: 0000116-02900.
- 120 Düvel (2008) Düvel Caroline (2008): Lokal – Translokal – Digital: Kommunikative Vernetzungsprozesse junger russischer Migranten in Deutschland via digitaler Medien. Münster: PPI Working Paper 6.
- 121 Hepp (2006) Hepp Andreas (2006): Transkulturelle Kommunikation. Konstanz: UTB.
- 122 Kissau (2008) Kissau Kathrin (2008): Das Integrationspotential des Internet für Migranten. Wiesbaden: VS Verlag.
- 123 Kissau (2009) Kissau Kathrin / Hunger Uwe (2009). Politische Sphären von Migranten im Internet. Baden-Baden: NOMOS.
- 124 Pleitgen (2012) Fritz Pleitgen, Oliver Schheytt. Ruhr. 2010. – Die Unmoegliche Kulturhauptstadt. Chronik einer Metropole. – Klartext. Kulturhauptstadt Europas. Ruhr. 2012.

- 125 Schilling (2005) Schilling Elisabeth J. (2005): Die Zukunft der Zeit: Vergleich von Zeitvorstellungen in Russland und Deutschland im Zeichen der Globalisierung. Aachen: Shaker.
- 126 Schilling (2013) Schilling Elisabeth J. (2013): Internetforen als transnationale Räume: Netzwerke der MigrationsexpertInnen, in: Rehberg, Karl-Siegbert (Hrsg.): Transnationale Vergesellschaftungen. Verhandlungen des 35. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie. Wiesbaden: Springer VS, CD-ROM.
- 127 Statistisches Bundesamt (2010) Statistisches Bundesamt (2010): Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2009. Wiesbaden: Statistisches Bundesamt.

Интернет-источники

- 128 Артемова В.Г., Филиппова Я.В. Ментальность русского народа: традиции и эволюция. – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2\(10\)/1.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2(10)/1.pdf), свободный. – Загл. с экрана.
- 129 Архипов В. Самара – столица клинической геронтологии // Медицинская газета. 2.12.2011. № 93. – Режим доступа: <http://www.sovetektorov.ru/files/sr/121211/93-2.PDF>, свободный. – Загл. с экрана.
- 130 Башкатова А. Урбанистические инициативы Эльвиры Набиуллиной // Независимая газета от 9 декабря 2011. – Режим доступа: <http://www.ng.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
- 131 Блог Михаила Матвеева. Режим доступа: <http://blog-matveev.livejournal.com/254938.html>, свободный. – Загл. с экрана.
- 132 Бухарин С.Н. Историческое время. – Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=831>, свободный. – Загл. с экрана.
- 133 Быстрицкий А. Urbsetorbis // Новый мир. – 1994. – № 12. – С. 167-180. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
- 134 Волкова Н. Сколько городов – столько столиц // BBC. Русская служба. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/10/091023_capitals_russia.shtml, свободный. – Загл. с экрана.
- 135 Выступление С.В. Симака на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ 15 марта 2012. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/14776>, свободный. – Загл. с экрана.
- 136 Гимн Самарской области. – Режим доступа: http://samgd.ru/samara_region/symbols/3774/, свободный. – Загл. с экрана.

- 137 Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 4 (30). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
- 138 Данин Д.С. Нильс Бор. (Вместо предисловия). Необязательные признания. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/180187/read>, свободный. – Загл. с экрана.
- 139 Каганский В.Л. Ландшафт советского пространства // Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира». – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/kaganskiy/soviet-landscape, свободный. – Загл. с экрана.
- 140 Левич А.П. Время в бытии естественных систем. – Режим доступа: http://temporology.bio.msu.ru/RREPORTS/levich_vremya_v_bytii.htm, свободный. – Загл. с экрана.
- 141 Мальцева Д. Социологические подходы к изучению культуры. – Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/articles/research_09.htm, свободный. – Загл. с экрана.
- 142 Медленные города. – Режим доступа: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_zoom_detail.htm?No=3154&id=zoom, свободный. – Загл. с экрана.
- 143 Назван самый медленный город Германии. – Режим доступа: <http://allbe.org/nazvan-samyj-medlennyj-gorod-germanii>, свободный. – Загл. с экрана.
- 144 Пелевин В.Т. – Режим доступа: <http://www.livelib.ru/author/2355/quotes/~23>, свободный. – Загл. с экрана.
- 145 Резников В. Ученые СамГМУ представили новые проекты на выставке в Германии // Волжская коммуна. 6.12.2012. – Режим доступа: <http://www.vkonline.ru/toprint/229494.html>, свободный. – Загл. с экрана.
- 146 Самые быстрые и медленные города Европы. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/249574>, свободный. – Загл. с экрана.
- 147 Сериков А.Е. Понятие практического смысла в теории П. Бурдьё. – Режим доступа: <http://www.phil63.ru/ponyatie-prakticheskogo-smysla-v-teorii-p-burde>, свободный. – Загл. с экрана.
- 148 Старая Самара в открытках и фотографиях. Авторский сайт Г.В. Бичурова. – Режим доступа: <http://oldsamara.samgtu.ru>, свободный. – Загл. с экрана.

- 149 Степин В.С. Эпоха перемен или сценарии будущего. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/stepin/epoch.html>, свободный. – Загл. с экрана.
- 150 Форум «Самарская платформа развития бизнеса». – Режим доступа: <http://www.samara2025.ru/>, свободный. – Загл. с экрана.
- 151 People's views on time affect health, wealth, relationships. – Режим доступа: http://www.usatoday.com/news/health/2008-08-04-time-paradox-happiness_N.htm, свободный. – Загл. с экрана.
- 152 Deutsche Gesellschaft für Zeitpolitik. – Режим доступа: <http://www.zeitpolitik.de>, свободный. – Загл. с экрана.
- 153 Wo bleibt die Zeit? – Haushalte gesucht, die ein Tagebuch führen // IT.NRW. – Режим доступа: http://www.it.nrw.de/presse/pressemitteilungen/2012/pres_131_12.html, свободный. – Загл. с экрана.
- 154 Zeitverwendung. Erhebung zur Zeitverwendung 2012/2013 – Freiwillige gesucht // IT.NRW. – Режим доступа: <http://www.it.nrw.de/statistik/a/erhebung/zeitverwendung/index.html>, свободный. – Загл. с экрана.



**Бурлина
Елена Яковлевна**

Кандидат искусствоведения
(Ленинград, 1979),
доктор философских наук
(Москва, 1989),
профессор, зав. кафедрой философии
и культурологии СамГМУ (2005 по н/вр)

Тематика научных работ

Социология музыки и эстетика:

Бурлина Е. Социология искусства и эстетика // Методологические проблемы философской эстетики: Сб. научных статей. ВНИИ искусствознания. – М., 1979.

Бурлина Е. К истории советской социологии искусства // Вопросы искусствознания и социологии: Сб. научных статей. – Л.-М., 1980.

Город:

Мифы провинциальной культуры: Международный симпозиум. – Самара, 1992.

Город – Страна – Планета. Модели гуманизма в художественной культуре: Учебная книга по культурологии. – Самара, 1995.

Путь длиной в века: Книга для учителей. – Москва, 1993, 1995.

Город – Страна – Планета: российско-немецкий альманах. – Дюссельдорф, 1999-2005.

Память культуры и жанр:

Культура и жанр: Монография. – Саратов, 1986.

Бытие России в зеркале жанров. XIX век. – Lap Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2011.

Инновации в информационно-имиджевом аспекте:

Жизнь плюс наука: Альманахи. – Самара, 2006-2012.

Burlina Elena Y.

Dr. of Arts (Leningrad, 1979),
Dr. of Philosophy (Moscow, 1989),
professor, head of the Department of Philosophy
and Cultural Samara State Medical University
(2005 to n / sp.)

Subject of scientific publications

Sociology of music and aesthetics:

Burlina E. Sociology of art and aesthetics // Methodological problems in philosophical aesthetics: Collected articles. Institute of Art Studies. – Moscow, 1979.

Burlina E. On the history of Soviet sociology of art // Problems of Art and Sociology. Collected articles: Leningrad-Moscow, 1980.

City:

Myths of the provincial culture: International symposium. – Samara, 1992.

City – Country – Planet. Model of humanism in art culture: Textbook on culturology. – Samara, 1995.

The way is century longer: Teacher`s Book. – Moskau: 1993, 1995.

Stadt – Land – Planet: Russian-German Almanachs. – Düsseldorf, 1999-2005.

Cultural Memory and genre:

The culture and genre: monograph. – Saratov, 1986.

Russia in mirror Art genres. XIX century. – Lap Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2011.

Innovations in information and image aspect: Life plus science: Almanachs. – Samara, 2006-2012.



Иливицкая Лариса Геннадьевна

Окончила среднюю школу с золотой медалью (1990), затем с отличием Самарский государственный университет по специальности "Социология и культурология" (1994).

Защитила диссертацию в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева в 2011 г. Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии СамГМУ (2009 по н/вр.), зам. начальника научно-методического отдела Поволжского института бизнеса (2004 по н/вр.).

Тематика научных работ

Время:

Время и хронотип: новые подходы и понятия: автореф. дисс. – Саранск, 2011.

«Переоткрытие времени» и хронотип: Монография. – Самара, 2011.

Время как репрезентант культуры // Аспирантский вестник Поволжья. – 2010. – № 1-2.

Хронотип как форма времени в культуре // Жизнь плюс наука: Альманах. – Вып. 7. – Самара: Книга, 2011.

Темпоральные измерения инноваций: философский аспект // Аспирантский вестник Поволжья. – 2011. – № 7-8.

Время и инновации: статьи и тезисы международных конференций. – Самара, Минск, 2009-2012.

Методика преподавания философских наук:

Культурология: Метод. пособие. – Самара, 2005.

Социологические исследования: Учеб. пособие. – Самара, 2005.

Самостоятельная работа студентов: реферат, эссе, презентация. – Самара, 2012.

Ilivitskaya Larisa G.

Finish high school with school gold medal (1989) and then with honors from Samara State University with a degree sociology and cultural studies (1994). Received her PhD at Ogarev Mordovia State University (2011). PhD, Lecturer Department of Philosophy and Cultural Samara State Medical University (2009 to present / sp.), deputy chief of scientific-methodical Department Volga Business Institute (2004 to present / sp.).

Subject of scientific publications

Time:

The time and chronotip: new approaches and concepts: Autoreferat Dissertation. – Saransk, 2011.

«Rediscovery of the time» and chronotip: monograph. – Samara, 2011.

Chronotype as a form of time in culture // International scientific almanac "Life sciences". Yearbook 7. – Samara, 2011.

Temporal measure of innovations: philosophical aspect // Volga bulletin of a graduate student. 2011. № 7-8.

The time and innovations: materials of the international conferences. – Samara, Minsk, 2009-2012.

Teaching methodology of philosophical sciences:

Cultural studies: methodical manual. – Samara, 2005.

Sociologic research: textbook. – Samara, 2005.

Independent work of students: abstract, essay, presentation: methodical manual. – Samara, 2012.



Кузовенкова Юлия Александровна

Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры философии и культурологии СамГМУ (с 2008 г.). Окончила в Ульяновске среднюю общеобразовательную школу (1996 г.), Самарский государственный университет по специальности «Культурология» (2007), защитила кандидатскую диссертацию в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева (2009 г.).

Тематика научных работ

Образ и имидж города:

Бурлина Е.Я., Кузовенкова Ю.А. Город плюс имидж: теория, социокультурная практика, региональные проекты. – Самара, 2010.

Кузовенкова Ю.А. Три образа Самары – три эпохи города // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Том 1. Авторы проекта: Е. Бурлина, Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова. – Самара: Книга, 2012. – 208 с. – С. 107-110.

Кузовенкова Ю.А. Городская среда как инструмент «инженерии человеческих душ» (на материале истории Самары) // Научный международной ежегодник. Вып. 5 / Под ред. С.А. Репинецкого и др. – Москва – Самара – Тольятти: Изд-во СамНЦ РАН, 2010. – 346 с. – С. 264-271.

Кузовенкова Ю.А. Искусство как средство экономического развития города // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Том 11. – № 4 (30) (3) «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». – С. 532-535.

Кузовенкова Ю.А. Городская сцена Самары начала XX столетия и социокультурная идентификация купечества // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 205-213.

Методика преподавания этнологии, культурологии:

Культура и имиджи Волжского региона. Самара и Самарская область: Учеб.-метод. пособие // Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова. – Самара, 2012.

Kuzovenkova Julia A.

PhD Cultural Studies, Lecturer (Saransk, 2009), Department of Philosophy and Cultural Samara State Medical University (2012). After finishing secondary school in Ylianovsk (1996) studied in Samara, graduated from Samara State University (2007) and received her PhD at Ogarev Mordovia State University (2009).

Subject of scientific publications

The image of the city:

E. Burlina, Y. Kuzovenkova. City plus image: theory, sociocultural practices, regional projects. – Samara, 2010.

Kuzovenkova Y. Three images of Samara – three epochs of the city // City and time: International scientific almanac «Life sciences». In 2 volumes. Volume 1. Project authors: E. Burlina, L. Ilivitskaya, Y. Kuzovenkova. – Samara, 2012. – P. 107-110.

Kuzovenkova Y. Urban environment as a tool for «engineers of human souls» (based on history of Samara) // Scientific International Yearbook, 5. – 2010. – P. 264-271.

Kuzovenkova Y. Art as a means of economic development of the city // Proceedings of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2009. – 4 (30) (3). – P. 532-535.

Kuzovenkova Y. Samara urban scene of the early twentieth century and socio-cultural identity of the merchants // Bulletin of the Samara State University. – 2008. – 1. – P. 205-213.

Teaching methodology of ethnology, cultural studies:

Culture and images of Volga region. Samara and Samara Region: methodical manual // E. Burlina, L. Ilivitskaya, Y. Kuzovenkova. – Samara, 2012.



Голубинов Ярослав Анатольевич

Кандидат исторических наук (2009),
преподаватель кафедры философии
и культурологии СамГМУ (2012)

Тематика научных работ

Культурная память и формы памяти:

Голубинов Я.А. Память о войне: парадоксы забвения // Креативность в пространстве традиции и инновации: Третий российский культурологический конгресс с международным участием: Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 283.

Голубинов Я.А. Образ волжского города: от краеведения к регионалистике // Город и время: Интернациональный научный альманах Life sciences. В 2 т. Том 1. Авторы проекта: Е. Бурлина, Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова. – Самара: Книга, 2012. – 208 с. – С. 54-60.

Учебно-методическое пособие по христианской антропологии.

Golubinov Iaroslav A.

Candidate degree in history (2009), lecturer
of the Department of Philosophy and Cultural
Studies of Samara State Medical University
(2012)

Subject of scientific publications

Cultural memory and forms of memory:

Golubinov I. Memory of the War: Paradoxes of Forgetting // III Russian (with International participation) Congress of Cultural Studies «Creativity in the space of traditions and innovations». – Saint-Petersburg, 2010. – P. 283.

Golubinov I. The image of Volga city: from local to regional dimension // City and time: International scientific almanac «Life sciences». In 2 volumes. Volume 1. Project authors: E. Burlina, L. Ilivitskaya, Y. Kuzovenkova. – Samara, 2012. – P. 54-60.

Sourcebook of Christian Anthropology.



Барaboшина Наталья Владимировна

Соискатель кафедры философии и культурологии СамГМУ (2010); преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Бузулукского гуманитарно-технологического института (филиала) Оренбургского государственного университета (2012)

Тематика научных работ

Город и хронотоп:

Пространство малого города: опыт использования ментальных карт //

Наука, бизнес, образование: XVII Междунар. науч.-пр. конф. – Самара, 2012.

К методологическому обоснованию понятия «хронотоп». – Оренбург, 2012.

Хронотоп как культурный код текста города // III Международная заочная научная конференция. – Саратов, 2012.

Хронотоп большого и малого города // III Международная заочная научная конференция. – Оренбург, 2012.

Малый город в России: как остаться в истории и не кануть в небытие. – Ярославль, 2012.

Молодежь малого города (по данным социологического исследования студентов города Бузулука) //

Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Всероссийская научно-методическая конференция. – Оренбург, 2012.

Baraboshina Natalya V.

Searcher of the Department of Philosophy and Cultural Samara State Medical University (2010); lecturer of the department of humanitarian and social disciplines Buzuluk humanitarian technological institute (the branch) Orenburg state university (2012)

Subject of scientific publications

The city and chronotop:

The area of the small town: the experience of the mental maps using // Science, business, education: XVII International scientific conference. – Samara, 2012.

To methodological explanation of the conception «chronotop» - Orenburg, 2012.

Chronotop as a cultural code of the town text // III International correspondence conference. – Saratov, 2012.

Chronotop of big and small cities // III International correspondence conference. – Orenburg, 2012.

Small town in Russia: how to remain in history and not sink into oblivion. – Yaroslavl, 2012.

The youth of a small city (according to Buzuluk students' sociological survey) // University complex as a regional centre of education, science and culture: Scientific-methodical conference. – Orenburg, 2012.



Доктор Елена Римон

Филолог, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия Университета Ариэль в Израиле. Живет в Иерусалиме с 1987 г. Приехала в Израиль из Куйбышева (Самары).

Тематика научных работ

Сравнительное литературоведение, культурология, переводы:

Е. Римон. Еврейская литература Нового времени. – Москва – Иерусалим, 2010; статьи на русском, английском и иврите.

Антология ивритской литературы в русских переводах // Предисловие и переводы Е. Римон. – Иерусалим, 1998.

Шмуэль Йосеф Агнон. Сборник новелл в переводах на русский язык // Предисловие и переводы Е. Римон. – М., 2004.

Е. Римон. Михаил Бахтин в переводах на иврит. – Иерусалим, 2007, 2008.

Dr. Helena Rimon

Is a senior lecturer in the Israel Heritage Department of the Ariel University (Israel). She lives at Jerusalem since 1987. Immigrated to Israel from Kuybyshev (Samara).

Subject of scientific publications

Comparative Literature, cultural science, translations:

Rimon H. The Hebrew Literature of the Modern Time. – Moscow-Jerusalem, 2010; and a number of articles in Russian, English and Hebrew.

Anthology of Hebrew Literature in Russian // Translated and edited books in different languages, 1998.

The Short Stories of Sh. J. Agnon in Russian. – 2004.

Rimon H. The books of Mikhail Bakhtin in Hebrew. – 2007, 2008.



Шиллинг Елизавета Юльевна

Профессор, доктор философских наук, Высшая школа подготовки муниципальных кадров СПб, Германия (2009). После окончания средней школы в Самаре (1992) училась в Москве и Самаре; окончила университет им. Г. Гейне в Дюссельдорфе и защитила там же диссертацию (2005).

Опубликованные книги и научные статьи

Будущее времени. Сравнение временных представлений России и Германии в эпоху глобализации. – Аахен: Шакер, 2005.
Концепции будущего в России и Германии. Различные подходы к планированию в глобальном обществе // Общество двадцать первого века. – 3 (2). – С. 131-142.
Проектирование «счастливой жизни»: о связи между временными стратегиями и удовлетворенностью работающих родителей // Немецкий журнал «Работа», 17. – С. 51-65.

Полный перечень публикаций по-немецки см. справа.

Schilling Elisabeth Y.

Professor, PhD, University of Applied Administrative Sciences North-Rhine Westphalia, Germany (2008 to n/sp). After finishing secondary school in Samara (1992) studied in Moscow and Samara, graduated from H.-Heine University in Düsseldorf and received there her PhD (2005).

Published books and scientific articles

Schilling E. (2005): Die Zukunft der Zeit: Vergleich von Zeitvorstellungen in Russland und Deutschland im Zeichen der Globalisierung. Aachen: Shaker.
Schilling E. (2008): Future Concepts in Russia and Germany. Different approaches to planning in the global society. 21st Century Society, 3 (2): 131-142.
Schilling E. (2008): Projekt «Glückliches Leben». Zum Zusammenhang von Zeitstrategien und Lebenszufriedenheit bei berufstätigen Eltern. Arbeit, 17: 51-65.
Schilling J. & Schilling E. (2008): Time of Organizations, Time for Leadership. On the Dynamics of Leadership Behaviours and Time Strategies. Business Leadership Review, 5(2).
Schilling E. & Kozin A. (2009): Migrants and their Experiences of Time: Edward T. Hall Revisited. Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research, 10(1).
Schilling E. (2011): Diverse Zeiten – diverse Lebenswelten. Zur Methodik der Diversity-Erfassung durch Erfassung von Zeitpraktiken. Divers Times – Various Life-Worlds: On the Empirical Exploration of Diversity with Qualitative Assessment of Time Practices. Diversitas: Zeitschrift für Managing Diversity und Diversity Studies, 2: 19-25.
Schilling E. (2012): Non-Linear Careers: Desirability and Coping. Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal, 31 (8): 725-740.
Sabelis I. & Schilling E. (2013): Frayed Careers: Exploring Rhythms of Working Lives. Gender, Work & Organization, 20 (2): 127-132.

Содержание

Введение	3
ГЛАВА 1. Время, хронотип, темпоральная диагностика	7
1.1. Время и его «переоткрытия»	8
1.2. Время и процессуальность бытия города	17
1.3. Хронотип как форма времени и его эвристические возможности	25
ГЛАВА 2. Прошлое, настоящее, будущее в образе города	36
2.1. Образ города в движении времени: разные лики Самары	37
2.2. Время «запасной столицы» и имидж города	42
2.3. «Кольцо индустриальной культуры» в Самарской области: идея и аспекты темпоральной диагностики	44
2.4. Бузулук: время и пространство малого города	52
ГЛАВА 3. Время молодежи в городе	59
3.1. Проекция будущего: студент в городе	60
3.2. Освящение времени: штрихи к описанию хронотипа молодежи малого города	69
3.3. Транснациональное время в Интернете: между Россией и Германией	83
3.4. «Куда уходит время студентов?»: сравнение российских и немецких исследований	89
Заключение	92
Литература	93
Интернет-источники	101
Сведения об авторах	104

Научное издание

*БУРЛИНА Елена Яковлевна
ИЛИВИЦКАЯ Лариса Геннадьевна
КУЗОВЕНКОВА Юлия Александровна
ГОЛУБИНОВ Ярослав Анатольевич
БАРАБОШИНА Наталья Владимировна
РИМОН Елена Яковлевна
ШИЛЛИНГ Елизавета Юльевна*

**Время в городе:
темпоральная диагностика,
хронотипы, молодежь**

Тираж экз. Заказ

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарский государственный медицинский университет Минздрава РФ»
443099, г. Самара, ул. Чапаевская, 89

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Самарский научный центр РАН»
443001, г. Самара, Студенческий пер., 3А

Отпечатано в типографии ООО «Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1
Тел.: (846)267-36-82
E-mail: izdatkniga@yandex.ru